

Михаил Ковалевский

Земное
БРАТСТВО

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

Николаев, 2009

Михаил КОВАЛЕВСКИЙ

ЗЕМНОЕ БРАТСТВО

Избранные стихи

Николаев, 2009

ББК 84 (4 укр.) 6

К56

Редактор **Е.Г.Мирошниченко**

Худ. оформление **М.Т.Ковалевский**

Ковалевский М.Т.

К56 Земное братство: Сб. стихов. – Николаев: Атолл, 2009. – 460 с.

Сборник избранных стихотворений вузовского преподавателя, профессора-филолога, члена Союза писателей России Михаила Ковалевского охватывает два десятка лет его творческой работы. Сборник включает лирику, автобиографические мотивы сибирского детства поэта, публицистические размышления о гармонии окружающей среды и человека, месте поэта в современном обществе. Коллективный герой книги культурный и литературный ландшафт, течение социальной жизни, наш изменчивый и противоречивый мир.

Обилие имен представителей русской поэзии XIX, XX столетий в эпиграфических ссылках говорит о верности николаевского автора классическим традициям литературы. Ему весьма близки сатирические интонации.

Виктор Астафьев: «Сборник у Вас получился хороший...»

В истории русской литературы начала 30-х годов прошлого века был такой случай. Известный своими рассказами о природе Михаил Пришвин, который всю жизнь прожил в лесном Подмоскovie, неожиданно объявил на заседании оргкомитета будущего союза писателей СССР: «Грачи прилетели!»

Прервав на мгновение взаимные обвинения и споры (то время отличалось обилием творческих дискуссий), писатели как будто очнулись от наваждения и наградили автора записок «Родники Берендея» бурными аплодисментами.

Да, действительное событие – наступление весны. Михаил Ковалевский, как и Пришвин, говорит о главном: меняется состояние природы, течение времени неостановимо, а вместе с ним меняемся и мы, наше восприятие мира. Поэт с тревогой пишет об опасном вторжении человека в среду обитания. Еще в сборнике «Отзвуки» (2002) прозвучало его тревожное известие: «Кинбурн, поэтами воспетый, пускают нынче с молотка!» В сборнике «Леса меняют цвет» (2007) проблемы заповедной земли Гилеи снова получили свое отражение. «Сегодня я бедой твоей болею», – заявляет поэт. В цикле «Сон на Кинбурнской косе» со свойственной автору иронической манерой его герой вершит над обитателями побережья – «пляжным людом» и их жертвами – мертвой белугой, «щербатыми чайками», крабом-отшельником свой поэтический суд. Тема спасения природных и духовных ценностей перекликается у М.Ковалевского с другим ключевым мотивом – размышлением о судьбе поэта в наше смутное время:

Я окрещен лесами навсегда.
И хоть мне душу омывало море,
Оно с лесами не бывало в споре,
И с ними был я не разлей вода.

Эта же лирическая интонация пронизывает его сборник с характерным названием «Не стреляйте в зарю» (2009). Публицистический пафос творчества николаевского автора делает совершенно очевидным родство литературных традиций. Ставя в эпиграф поэтические строки Н.Языкова, А.Апухтина, П.Вяземского, А.Плещеева, А.Пушкина, К.Бальмонта,

Н.Гумилева, С.Есенина, Б.Чичибабина, Ковалевский сближает времена, говорит о главном в содержании нашей сегодняшней жизни и часто выносит ей свой горький, но справедливый приговор.

Биография, творчество профессора Ковалевского достаточно хорошо известны его друзьям, читателям. Михаил Тимофеевич сибиряк, земляк выдающегося русского прозаика XX века В.П.Астафьева (1924-2001). Деревня Овсянка, где долгие годы прожил писатель, и родное село Ковалевского – Николаевка Красноярского края находятся на противоположных берегах могучего Енисея. Судьба подарила поэту несколько встреч с Виктором Петровичем, как дорогую реликвию хранит он письмо из Овсянки. Это послание в Украину носило личный характер, какой бывает переписка хорошо знакомых людей, вместе с тем она включает и исповедь автора романа «Прокляты и убиты», столь заметную в его произведениях последних лет. Астафьев завершал многолетнюю работу над центральной темой всей творческой жизни: его последние повести и романы посвящались человеку на войне. В письме имеется оценка первого сборника стихов М.Т.Ковалевского «Флейта пана». Это было доброе напутствие великого современника своему товарищу по перу:

«3 августа 1991 г.

с.Овсянка

Дорогой Михаил Тимофеевич!

Вот и добрался я до Вашей книжки. Раньше не получалось. Зимой много работал (роман о войне), очень устал. Намерения и планы-то, как и прежде, дерзкие, а силы уже не те, да и требовательность к себе возрастает, пишешь и видишь, но чаще чувствуешь – не то! В мае, как всегда, уехал в родную деревню с намерением наладить сон, отдохнуть, а весны у нас нынче не было совсем, с дождями и холодом она перешла в сроки летние, да так до сих пор и не унялась.

Ну, что оставалось делать? Садиться за стол! Хотел написать давно выношенную заключительную главу к «Последнему поклону», но она разделилась на две, работа разрослась, усложнилась и все лето под хлюпанье дождя, топя печь, готовя еду и прочее, делая, что в деревне необходимо,

помогая умирающей тетке, все же завершил я книгу (в деревне время емко), отдал главы на машинку после правки, еще одна перепечатка, еще один проход по книге все с ручкой, молотком и зубилом и тридцатилетняя работа будет завершена. Отрывался лишь ненадолго, в июле ездил на Алтай на Шукшинские-Соболевские чтения. Были они оба знакомы, оба хорошие мужики. Вернувшись, занялся чтением скопившихся рукописей и некоторых книг. Все-то, особенно объемистые, я прочесть уже не в силах.

Сборник у Вас получился хороший... Есть стихи – «Лесам», «Прощание с Сибирью», «Зерно», «Облако», «Настроение» и большая часть второй книги, зрелые, с ними можно выходить на любую, даже самую взыскательную публику, которой у нас не так много. А вообще сборник производит впечатление «личной летописи», такой душевной беседы с хорошим человеком – самим собою. И это замечательно! Это такая теплая и добрая отдушина, и работа души, сердца пока еще не усталого и светлой головы, поэтические звуки и озарения. Хорошо, что нет у Вас претензий на профессионализм и не замахиваетесь Вы на вселенские дела и масштабы. И, как все сибиряки, любите свою Родину малую, тоскуете о ней. «Мне б вас возненавидеть, а я, безумец, вас люблю», так я охарактеризовал в заключительной главе свое отношение к родной деревне (откуда пишу), да и к Сибири тоже.

Шибко тут все изменилось в худшую сторону, шибко иссволочился народ и от тупости, загнанности своей ничего уж не щадит, ни себя, ни детей, ни природу. Желая Вам... доброго здоровья и покойной жизни, если она нынче возможна на Украине, и вообще всего самого, самого доброго. Пусть Вам вольно дышится и иногда, по зову сердца, пишется.

Низко Вам кланяюсь, Ваш земляк – В.Астафьев».

Эти строки письма В.П.Астафьева стали авторитетнейшей рекомендацией творчества николаевского поэта. В 2002 году М.Т.Ковалевский был принят в Союз писателей России.

Евгений Мирошниченко

*Моей малой Родине
посвящаю эту книгу*

* * *

Ты далеко, мой отчий край.
Пространство вёрстами считая,
Я в дни слагаю этот счёт;
Воды немало утечёт,
Пока, раздольем глаз лаская,
Синея лентою лесов,
Откроется картина края.
Но есть туда тропа другая.
Я жизнь окончить там готов, –
Лишь там душа приюта просит,
И память вновь туда уносит
На крыльях прожитых годов.

КНИГА

Я написал свою книгу –
Том моих избранных лет.
В ней своей жизни интригу
Спрятал в судьбы переплёт.

Я написал свою повесть
Памятью прожитых дней.
Радость, страдание, горесть –
Всё переплавилось в ней.

Я написал на страницах
Пёструю ленту дорог.
Всё, о чём пели мне птицы,
Снова прочувствовать смог.

Я написал свою долю,
Как проскакали года
Стадом мустангов по полю,
Скрывшись из глаз навсегда.

ПРОЩАНИЕ С СИБИРЬЮ

Прощай, Сибирь... Еще одна разлука
Мне суждена. Надолго ли теперь?
До той поры, когда душа без стука
Войдет к тебе в незапертую дверь?

Прощайте, в дымке синие увалы.
Прощай, спешащий к Енисею Кан.
И красоты, и силы небывалой
Прощай, мой край — таежный великан

На встречу с вами снова уповая,
Я уношу с собой разлуки боль.
Прощайте, Николаевка родная,
Топол, Дзержинск, Курай и Улюколь.

Прощай, состарившийся,
с крышей обветшалой

Давно осиротевший отчий дом,
Обиженный невольною опалой,
Ты часто будешь сниться мне потом.

Без лишних слов, обыденно и просто
В далекий путь меня проводишь ты.
Прощайте, завсегда и погоста —
И старые, и новые кресты.

На юг умчатся северные ветры.
Перегорит рябиновый закат.
Качнут ветвями на прощанье кедры,
Листвой березы вслед прошелестят.

Взовьется лайнер, как стрела из лука.
В тайге его проводит взглядом зверь.
Прощай, Сибирь! Еще одна разлука
Мне суждена... Надолго ли теперь?

Канск — Николаев, 1984

КРЕДО

Пока мечта спешит в полет
Под звездным небом,
Не исчерпать моих забот
Насущным хлебом.

Пока я чувствую душой,
Как дышит поле,
Есть мне лекарство от большой
И малой боли.

Пока пленяет тайной лес —
Оплот живого,
Не надо мне других чудес
Пути земного.

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ЗАРЮ

Люди с ружьями, вам говорю:
Не стреляйте, люди, в зарю!
На пороге багряной зари
Песню страсти поют глухари.
От любви у них красная бровь...
Не стреляйте, люди, в любовь!

ФЛЕЙТА ПАНА

Звезды в небе полночном горели.
Красный месяц за лесом всходил.
Бог лесов и лугов на свирели
Развеселую трель выводил.

Ветви темных деревьев, как руки
В хороводе, сплетались над ним.
Той свирели чарующей звуки
Были приняты сердцем моим.

И живут они в нем первозданной
Песней леса, лугов, камыша...
Так свирели лукавого Пана
Навсегда покорила душа.

ЯБЛОКИ

*Памяти сестры Любы —
участницы войны.*

На удивленье детям
Сибирского села
Сестра нам чудо это
В подарок привезла.
С родным селом рассталась,
Когда была война.
После войны осталась
Жить в Киеве она.
Мы яблоки видали
Впервые в пору ту.
Они благоухали
И таяли во рту!
Всех запахов привычных
Сильнее был стократ
Неместный, необычный
Тех яблок аромат...
На юге Украины
Живу теперь я сам,
Люблю ее равнины,
Тоскую по лесам.
И яблок разных сколько
Я ел — не замечал.
Таких пахучих только
Ни разу не встречал.

КРЕЩЁННЫЕ СИБИРЬЮ

1.

Парни крепкие встали, –
Был повергнут вампир:
Тверже крупповской стали
Оказалась Сибирь,

Что парней тех взрастила,
Как суровая мать,
На войну проводила
Всю сыновнюю рать.

Не могла покориться
И осталась жива
Сказки русской жар-птица,
Символ Руси – Москва.

В предстоящее счастье
Верил русский народ.
Войск сибирских причастье
Было слову «Вперед!»

Не пустая бравада
Патриотов в пылу,
К слову главному – «Надо!» –
Причащались в тылу.

2.

Им достались заботы
Иностранной земли,
Той земли, где кого-то
От чего-то спасли.

И в краях иностранных
Цель была лишь одна:
Бить пришельцев незваных
До Победного дня.

Бить, себя не жалея,
Пол-Европы пройдя, –
От стены Мавзолея
Под надзором вождя.

Дома в траурных рамах
Сын, отец или брат,
Что в спасенных тех странах
На погостах лежат.

3.

Мать-Сибирь наши души
От распада спасла,
Знаменитых и лучших
Много миру дала.

Честной жизни их повесть
И сегодня, как встарь,
Их таланты, их совесть –
Вечной Правды алтарь.

Всем чинам не потрафив,
И уйдя, не молчит,
Светит правдой Астафьев,
Словно факел в ночи.

Я в боях не испытан,
Но и все ж, как и он,
Я Сибирью напитаю,
Я Сибирью крещен.
Счастья в ней не просил я,
Был бы лес да трава...

Не погибнет Россия,
Что Сибирью жива.

* * *

Заполнит скоро жизнь анкету.
Всё громче зов родных могил.
Я умирать в Сибирь поеду,
Лишь дал бы Бог на это сил.

В лихое время нас по свету
Бесовский ветер разносил.
Я умирать в Сибирь поеду,
Лишь дай мне, Бог, на это сил!

Здесь для души прописки нету:
Я в паспорт душу не вносил.
Домой её, как эстафету,
Домчу – хватило б только сил...

Себя вернуть как долг забытый
В остывшей жизненной золе
Хочу истерзанной, избитой
И всё ж до слёз родной земле.

ЗЕРНО

Луна полночная светила,
Когда жрецами погребен
В гробнице у святого Нила
Был всемогущий фараон.
Оплакали его кончину
И, прежде чем снести во тьму,
Всё, что положено по чину,
В путь приготовили ему.
Всем на земле цари владели -
Рабами, золотом, казной -
И многое забрать хотели,
Переселяясь в мир иной.
Наверно, что-то не входило
В багаж загробный царский, но
Царю всегда потребно было
Рабом возвращенное зерно.
И потому сосуд из глины
В гробнице был поставлен той.
В него - до самой горловины -
Ячмень насыпан золотой.
В тысячелетия сливала
Поток свой времени река.
Гробницу чудом миновала
Ночных грабителей кирка.
Пришла пора открыться своду,
Так долго скрытому в веках,
И удивленному народу
Предстал в убранстве пышном прах.
Всё на своих местах лежало,
Всё мертвым было. Лишь одно
Бессмертием веков дышало
В сосуде глиняном зерно...
Под вешним зодиака знаком
Раскрылся лотосом Восток,
И труд раба воскрес тем знаком,
Что ожил, выбросил росток.

МОЛИТВА

Молюсь за лучшую долю,
Душа пред святыми чиста:
Пустите меня на волю,—
Пустите в мои места.

Повенчан с земной юдолью,
Прошу я вас, небеса:
Пустите меня на волю,—
Пустите меня в леса.

Перед степным раздольем
Голову преклоня,
Прошу: пустите на волю,—
Пустите в горы меня.

Отдавшись цветному полю,
Воспев небес бирюзу,
Прошу: пустите на волю,—
Пустите меня в грозу.

Вторить волчьему вою
Скорбящей душой могу.
Прошу: пустите на волю,—
Пустите меня в пургу.

Когда ж за лучшую долю
Молитвой вам надоем,
Прошу: пустите на волю,—
В заоблачный мир. Насовсем.

ДО И ПОСЛЕ УДАРА

На небо туча наползает, как инфаркт.

В ней копится энергия для взрыва.

И молния – виновница разрыва –

Ударом подтверждает этот факт.

К удару приложением потом

Рыдает ветер, салютует гром.

СВЕТ ПАМЯТИ

Не одинаков свет вечерних окон:
Сверкает, теплится, а то и не горит.
Уходит жизнь в необратимый кокон,
Но светом памяти с живыми говорит.

ОБЛАКО

Небо – купол шелка.
Облако – накидка.
Самолет – иголка,
За иголкой – нитка.
Солнце потускнело,
Облаком прикрыто.
К небу ниткой белой
Облако пришито.

ГРОЗА

Дремлет мысль в отгуле
Где-то у виска.
Чувства все уснули.
Смертная тоска.

Солнце в небе злое
Жалит, как гюрза.
Обессилев в зное,
День закрыл глаза.

Туча жизнь вернула,
Выросла бугром.
Молния сверкнула,
И ударил гром.

Скука отступила.
Бурная гроза
Зной несносный смыла, –
День открыл глаза.

ЧУДО

Позолотилось от неба озера блюдо –

Вот оно, чудо!

Леса на фоне зари отпечаталась гряда –

Вот оно, чудо!

Утренних птиц голоса долетают оттуда –

Вот оно, чудо!

Здесь ещё дышит природа покуда –

Вот оно, чудо!

НА ТРАССЕ

Пятна красные на зеленом.
Пятна белые на голубом.
День Нарциссом самовлюбленным
Загляделся в речной излом.
Меж холмов петляет дорога
На излете Саянских гор.
Без людей деревня убого
Прилегла под лесной забор.
Шелестят по асфальту шины,
И автобус мчит, не пыля.
На боках пологой лощины
Желтой охрой светлеют поля...

Я в былое смотрю, как с вершины.
Вижу тракт из ухабин, бугров.
Там в распутицу вязли машины,
Изводила пурга шоферов...

Стал теперь край доступен для торга,
Для воров и хапуг. Потому
Не рождает большого восторга
Путь асфальтный. Не рад я ему.

*Красноярск – Канск,
август, 2002*

ДОРОЖНЫЕ ДУМЫ

Всё деревья да кусты,
Всё деревни да кресты,
Ах, Россия ты Россия,
Грусть-тоску наводишь ты.

Только вёрсты-километры,
Только пыль гоняют ветры.
У изрезанных холмов
Крыши брошенных домов...

Ах, Россия ты Россия,—
Где спаситель твой – Мессия,
От кого и почему
Ты страдаешь – не пойму.

Ты сейчас, как Он когда-то
На кресте своём распята,
Но всевышний есть закон,—
Ты воскреснешь, как и Он.

ПЕЙЗАЖ

Унылый взгорок вдоль долины.
На нем с пролысинами бор.
Дорога на две половины
Лес разделила, как пробор.

Чернеет бывшая речушка,
Уже усохшая в ручей.
Ничья пустует деревушка,
Дым не струится из печей.

Из тучи – зацепиться просто –
Свисает серая кудель.
А над заброшенным погостом
Кружит из черных птиц метель...

НА ЗАБРОШЕННОЙ РОДИНЕ

Когда луна взойдет над бором,
Пустынный высветив бугор,
Над покосившимся забором
Пустой скворечник с давних пор,
Полуразрушенную крышу,
Полуистлевший бывший хлев, –
Я голоса ушедших слышу,
Что потом сдабривали хлеб.
Все отойдет, все в вечность канет...
Хоть не гремела здесь война,
Но давит, как могильный камень,
И лунный свет, и тишина.

ПУТЬ РОССИИ

*Ни бог, ни царь и ни герой
Рабочая марсельеза*

Переписать историю не в силах
Ни бог, ни царь, ни сказочный герой.
Рождалась в муках и крови Россия,
К своей агонии приблизившись порой.
Ей дверь в историю сама не отворилась.
Неся свой тяжкий крест, из года в год
История российская варилась
В котле стихий, страданий и невзгод.
Россию хлебом мужики спасали.
Случись война – и жизнями спасут.
А проходимцы кровь из них сосали,
Как, впрочем, и теперь её сосут.
В струе своих разбойничьих традиций,
Стремясь страну ограбить поскорей,
По трупам к власти лезли проходимцы,
Оклеветав и церковь, и царей...
С трибуны избранная дворня говорила,
Клялась и в верности народу, и в любви.
А Русь с в о ю историю творила
В грязи, в поту и в собственной крови.
Защитники несбыточного строя
Посмертно получали за труды
Из золота Звезду советского героя,
Но в массе – Знак эмалевой Звезды.
А «слуги» в мирный час воюют вроде.
Их груди не вмещают всех наград,
Вот так они пекутся о народе,
Вот так с в о ю историю творят.
Россия – царство Марьи да Ивана –
Из праха поднималась вновь и вновь.
От безысходности зверела спьяна
На жертвенный алтарь сливала кровь.

Пусть в ней я благами себя не ублажаю
И жизнь свою не подчинил рублю,
Другой страны себе я не желаю,
Я с ней страдаю и её люблю.

ФЕНОМЕН ТОЛПЫ

Людей сжигали на кострах,
Душили и четвертовали,
И толпы собирал не страх, –
Они на казнь смотреть бежали.

Они спешили в Колизей
Упитья оргией кровавой,
По зверству превзойдя зверей,
Смертельной тешились забавой...

И мы, наследники времён,
Нисколько им не уступили.
Как каннибалы тех племён
Истошно "Смерть врагам!" вопили.

Героем сделав подлеца,
В плену духовного разврата
Сдавал на бойню сын отца,
Брат выдавал охранке брата...

Толпа опаснее зверей.
С кровавым знаменем садизма
И в стадной сущности своей
Чуть не дошли до коммунизма.

ФЕЙЕРВЕРК

Звёздами обильными
Просиял в ночи,
И опять всесильная
Темнота молчит.
Только тлеют, падая,
Крошки от ракет:
Больше глаз не радуя,
Гаснет жизни след.

ЗЕМНОЙ МЯЧ

Уже шипит он, мяч земной,
И выпускает пар,
Но в нём, хранимый глубиной,
Ещё пылает жар.
Мяч по орбите закружил
Космический силач;
Чтоб нефть качать из скважин-жил,
Дырявят люди мяч.
Из чёрных дыр фонтаны бьют,
Лаская алчный глаз,
И Джинны огненные пьют
Сопутствующий газ.
Под оболочкой у мяча
Трясут его нутро;
Взрывая и круша с плеча,
Ведут к нутру метро.

НА НОВОЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ

Тысячелетья пьедестал
Размера непростого:
Изрядно шарик намотал
От Рождества Христова.
Фундамент из двух тысяч лет
Опорой третьей станет...

У времени начала нет
И нет конца. Все канет
В его губительный поток,
В безжалостную Лету.
Какой-то тысячи росток
Иссушит землю эту.
Тогда к финалу подгребет
Весла Харона лопасть...

Наука ввысь стремится полет, –
Мораль стремится в пропасть.

Природа хамства не простит.
Грабеж противен Богу.
Цивилизация мостит
В крошечный ад дорогу.
Необратимую бедой
Взорвется буйство это,
И станет маленькой звездой
Зажженная планета.

Быть может, жизнь зачнет она
У нового причала:
Воскреснет мертвая луна
И жизнь начнет с начала.
Куда Селену приведут
Пути тысячелетий?
Одно сказать уместно тут:
Конечно все на свете...

А время вечное летит,
И всплески жизни эти
Меняют на своем пути
Родители и дети....
Так и тела вселенских гнезд

Своих замен дождутся:
Вместо потухших старых звезд
Сверхновые зажгутся.
Бесплотный свет остывших тел
Струится вечно будет...

Бессмертье – добрых душ удел,
Их время не остудит.
Не поглотит пространства пыль,
Веков не скроет заметь.
Их сохранит преданий быль,
Их обессмертит память...

* * *

Творить добро всегда спеши,
Чтоб в этом постоянстве
Зажечь звезду своей души
Во внеземном пространстве.

НА ПОГОСТЕ

Олегу Лысенко

Ты помнишь погребенье тела,
Как на глазах у всех людей
Душа Ивана улетела
Со стайей белых лебедей.

Свершилось траурное дело
Под посвист лебединых крыл.
В могилу опустили тело,
А день в тумане душу скрыл ...

Народ, что шел к могильной гряде,
Был потрясающе не нов.
Там были только **просто люди**
Без званий, должностей, чинов.

От влажной стылости продрогших,
Одна судьба сравнивала их.
Там не было людей хороших
И не было людей плохих.

И кто бы возразил, скажи я,
Суть человека раздвоив,
Что в жизни люди все чужие,
А на погосте – все свои.

КАЖДОМУ СВОЁ

Как хорошо, когда все живы,
Родные живы и друзья,
Когда для горя нет поживы,
Когда весь мир твоя семья.

Вдаль уплывают птиц станицы,
Пустым становится эфир.
Уходят близких единицы –
Пустым становится весь мир.

Для всех в земном житейском море
Закон незыблемый такой:
Для близких оставляют горе,
И вечный для себя покой.

ПОХОРОНКИ

Жду писем из родной сторонки
На склоне пролетевших лет,
А получаю похоронки,
Хотя войны в Сибири нет.

КЛЯКСА

Эх ты, жизнь неуклюжая!
Словно кляксу ее мы трем.
Как подумаешь, ведь умру же я,
И утешисься: все порем.
Трем невзгодами, трем печальями.
Трут лекарствами доктора.
Глядь, а вот уже и причалили:
Вместо кляксы – увы! – дыра.

ЗАНОЗЫ

Обвалы устраняем и заносы.
Недуги время лечит безупречно.
Но о себе дают нам знать занозы,
В душе у нас застрявшие навечно.
Немало их, болезненных заноз,
Нам в души
 год тридцать седьмой занёс.
Каким бальзамом душу ни мозоль,—
От времени ещё острее боль.

К ГОДОВЩИНЕ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ТРАГЕДИИ

Опасен был сопутствующий фактор,—
Земля от взрыва до сих пор дрожит:
Взорвался вместе с ядерным реактор
Бездушья, лицемерия и лжи.

ВИРТУАЛЬНОСТЬ

Как воплотить мне снов моих заботу,
Как виртуальность с явью подружить?
Только во сне теперь я собираюсь на охоту,
Всю жизнь я только собираюсь жить.

РАБЫ

Рабом я родился, рабом и умру.
Такая мне выпала доля.
Я в нищей стране колосок на ветру
Татарского дикого поля.

Давно уже в Лету умчала река
Татаро-монгольское иго.
Но люди вне ига не жили пока
Еще ни единого мига.

Однажды своей покорившись судьбе,
Свободными так и не стали.
Погонщиков новых набрали себе:
Был Ленин, был Троцкий, был Сталин...

Миллионами в землю сгружали рабов,
Как новое рабство настало.
Рабов зарывали во рвы без гробов:
Лесов на гробы не хватало.

Владельцы натруженных рабских горбов
Гордились количеством стали...

.....
Владельцы когда-то кормили рабов,
А нынче кормить перестали.

МОЛОХ

Бушует бесконтрольная стихия.
Вздывается за валом новый вал.
Народ славянский годы знал плохие.
Не раз себя насиловать давал.

В начале века красная цунами
Омыла кровью рабское ярмо.
Свершила акт возмездия над нами:
Убив хорошее, оставила дерьмо.

Сегодня снова набирает силу
Девятый вал, проредить нас спеша.
Живет надеждой, прежде чем в могилу
Сойдет особая славянская душа.

Коллапс духовный – он опасней бури.
Со страхом часто думаю о нем.
После себя он оставляет бурый,
Испорченный отравой чернозем.

От ямы к яме путь у нас не долог.
Быстрее других творим свои дела.
И, души разложив, духовный Молох
Готовит к разложению тела.

О ЯРЛЫКАХ

(Из цикла "МЫ")

Иду на бой за хлеб насущный
В надежде раскачать умы,
А с двух сторон сливает в уши
Аллея Ленина шумы.

Под монотонный шум моторов,
Под непрерывный шорох шин
Мелькнула мысль: есть шум, который
Мы меряем на свой аршин.

Шум исторических столетий,
Шум исторических эпох...
И в ярлыках шумы все эти:
Тот был хорош, а этот - плох,
Там был сатрап, там был кутила,
Там - калиброванный злодей,
Но у кого всё это было,
Какой ярлык для нас, людей?

Народ наш, что всегда великий,
Менять погонщиков привык.
(Тут рифма просится "безликий",
Но это не для нас ярлык.)

ПРОЗРЕНИЕ

Я жить не привык, я привык выживать –
Свою повседневную жвачку жевать,
А тот, кто в корыто мне корм отмерял,
В моем превосходстве меня уверял.

Я корм из корыта хватал на бегу
И был перед родиной в вечном долгу.

Теперь, когда новая эра грядет,
Я понял, какой же я был... патриот!

Прозрел, как коллеги мои – старики.
Мы задним умом, как обычно, крепки,
И новых свершений недолго нам ждать,
Дойдем до забора – прозреем опять.

РАЦПРЕДЛОЖЕНИЕ

Заменяли Ё на Е,
И моё стало моЕ.

Вместо вёсел стало вЕсел,
Вместо вёсен стало вЕсен,
Вместо сёл читаем сЕл,
И осёл теперь осЕл...

Предложение моЕ –Заменить и Э на Е:
Для издатбюджета Економно Ето!

ПЛОДЫ ПОБЕДЫ

*А доктор Маркс, ведя к победе,
Записывал в свою тетрадь
Российские аз-буки-веди,
Чтоб Чернышевского читать.*

С. Городецкий

Читали взрослые и дети,
И "вдохновители побед"
Пронумерованные эти
Сны Верочки - слащавый бред.

Сатрапы царские сломали
Над головой провидца меч.
Ах, если бы сатрапы знали,
Чьи головы он будет сечь!

И сколько их, голов невинных,
Осталось в вечной мерзлоте,
В расстрельный список длинный-длинный
Не все вошли страдальцы те.

Не аз, не буки и не веди
Записывать в свою тетрадь
Мог доктор Маркс, ведя к победе,
А лишь плоды ее считать ...

ЭКСКУРС В БИОГРАФИЮ

Евгению Заливину

Когда мы родились, старик?
(Старик не в переносном смысле).

Когда в канавах трупы кисли,
И шепот был голодных крик.

Кто наше детство взял, старик?
Его войною опалило,
Его невзгодами убило,
И яд вождя в него проник.

Кто нашу юность взял, старик?
Она нас горбила в работе,
Купала нас в грязи и поте.
Соблазн желаний был велик.

Чего достигли мы, старик,
Своей работой незапленной,
Необходимой иль ненужной?
И светел ли теперь наш лик?
О том судить не нам, старик.

ИНОСТРАНЕЦ

Я – иностранец поневоле –
Иду знакомою межей.
Все тот же лес, все то же поле,
Но только я тут стал чужой.

"Чужой, чужой", – кричит, летая
Над полем, украинский грач.
"Чужой, чужой", – от злости тая,
Шипит ревнитель мовы – Драч*.

Нет, я не бомж, что угол ищет.
Мне здесь корней не занимать.
На старом киевском кладбище
Спят вечным сном сестра и мать.

Здесь есть Кинбурн, здесь есть Мигия,
Курганы скифские степей...
Но не проходит ностальгия
По малой Родине моей.

Не чужды мне красоты мовы, –
Я языки любить привык.
Но не сменяю я на новый
Родной сибирский мой язык.

Я здесь живу, как новобранец,
И в отчий край возврата жду.
Вот почему я иностранец,
И Драч таит ко мне вражду.

* Украинский писатель, депутат, активно выступает за избавление от русского языка как иностранного.

* * *

*Памяти разведчика-героя Н. И.
Кузнецова*

*Он швырял себя в темную силу
врага...*

С. Васильев

Однофамилец славный мой,
По ремеслу собрат,
Теперь на родину домой
Уехал ты - я рад!

Чтоб недобитки над тобой
Не надругались вновь,
Ты принял свой последний бой,
Не проливая кровь.

Ту кровь, что отдал ты тогда
В бандеровских лесах,
Не смыть подонкам никогда,
Что с пеной на устах
Поганят боевые дни,
Грязь на героев льют ...
Живые трупы все они,
Их черен гнев и лют.

Хотел взорвать твой пьедестал
Взбесившийся урод.
Тебя отстаивать не стал
Спасенный тот народ ...

Не смыть им бюста твоего
Отравленной слюной,
Надежно защитит его
Теперь Урал родной.

УТРО

Восхода луч повергнут тучей сизой –

Исхода нет;

Чуть-чуть трепещет за ее карнизом

Плененный свет.

Вдруг запылала тучи седловина –

И свет взыграл;

На землю хлынула лучей лавина –

Лучей хорал.

ЖАВОРОНОК

Отделилась от земли,
Чтоб из поднебесья
Слышать все ее могли –
С крылышками песня.
Поднялась, и в вышине
Радостно трепещет,
Ручейком звенящим мне
Нежно в уши плещет...
О признаньи не моля,
Петь бы так и мне бы,
Чтобы слушали поля,
Голубело небо.
А когда, презрев молву,
Песня завершится,
Сложить крылья и в траву
Камушком свалиться.

* * *

Сегодня утром иволга не пела,
Хотя сирень, как и вчера, цвела.
Куда же ты, певунья, улетела
И песенку с собою унесла?
Бывает, на ликующем рассвете
Последний час поющего пробьет.
И горе людям, если не заметят,
Что кто-то песен больше не поет.

НЕЗАБУДКИ

В траве у запруды лесного ключа,
Где плавали утки,
Где весело пестренький дятел стучал,
Цвели незабудки.
Росли на лугу и другие цветы
Из радужных сказок,
Но не было в них той святой простоты
Голубеньких глазок.
Смотрели те глазки сибирской весны
Прямехонько в душу.
Они до сих пор украшают мне сны
И детство не рушат.
Я помню всегда их, хоть видел давно,
И не ради шутки
Из всех им особое имя дано –
Они – незабудки.
Цветами могу восхищаться пока,
Хоть годы минули.
Но нет мне милей незабудки-цветка,
Цветка-крохотули.

ГОЛУБЫЕ ЦВЕТЫ

В эту ночь расцвели

Голубые цветы.

Из песни

Голубые просторы,
Голубые леса
И безбрежное море,
И без дна небеса...

Продолжать я не буду:
На земле и над ней
Нет цветов незабудок
Ничего голубей.

ЦВЕТЫ И ЛЮДИ

Цветки цикория – степные васильки,
Вас, видно, небо с морем породили.
Глядите в душу вы, эфира лепестки, –
Так голубые сны в неё входили...

Сегодня в домик я принёс букет,
В котором небо с морем отразились.
Прошла минута – и букета нет:
Все, как один, цветки закрылись...

Без солнца и без неба, как в тюрьме,
Не хочет жить цветок,

наивен и прекрасен.

А человек и в хамстве, и в дерьме,
И за решёткой жить согласен.

ПРИДУМАЙТЕ НОВОЕ СЕРДЦЕ

*К 2100 году продолжительность жизни
может достичь ... пяти тысяч лет.*

Ученый-генетик Обри де Грей

Придумайте новое сердце
Для новых творений земли,
Чтоб люди не знали коммерций,
Любить и страдать не могли.

Чтоб тело не гробилось жиром,
Сосуды творя из стекла,
И кровь не струилась по жилам,
Не портилась плоть от тепла.

Тогда свою кровь человеки
Не станут по-прежнему пить.
Бессмертными станут навеки,
Как скифские бабы в степи.

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

1.

Читая прошлых лет романы,
В жизнь погружаясь праотцов,
Залазя в души, как в карманы,
Мы оживляем мертвецов.

О том не думает читатель,
Зазывной фавулой пленен,
Что им бессмертье дал создатель
И с ними стал бессмертным он.

Они живут вне суеверий,
Вне бедствий и лихих годин,
И гениальности критерий
У гения всегда один.

Немало было на планете
Певцов от весей и столиц,
Их заурядности свидетель –
Погост мертворожденных лиц.

2.

В угоду партноменклатуре,
Чтоб воспевать элитный класс,
Была открыта дверь халтуре –
Литературе на заказ.

Кто б ни крепил Пегасу стремя,
Под чью бы дудку ни плясал,
Наш беспристрастный критик – время –
С Парнаса в прах его бросал.

Всех персонажей от тиранов,
От политических ловчил
Сей критик поздно или рано
В реке забвения мочил.

Ходульны персонажи эти,
У них у всех одна беда:
Однажды подмочившись в Лете,
Не просыхают никогда.

Им уготовлена гробница.
Они бесплотны. И к тому ж
В реальных лицах воплотиться
Нет перспектив у мертвых душ.
А если в Лету соискатель,
Что славы и наград просил,
И многих мертвых душ создатель
Не канул – значит, Бог простил.

ТРИПТИХ

1.

Зима все краски забелила,
Запорошив осенний след.
На жизнь надеждой наделила
Берёзы контурный скелет.

2.

Взорвался лес зелёным пухом.
Даль обещающе ясна.
И видишь оком, чуешь нюхом,—
В жизнь погостить пришла весна.

3.

Исход осенний предсказали
Цвета, что полыхают тут.
В природном выставочном зале
Жизнь завершает свой этюд.

ЛЕСА МЕНЯЮТ ЦВЕТ

Всё в этом мире быстротечно.
В нём неизменных штампов нет,
Леса в своём наряде вечном
Во времени меняют цвет.

Цвета, один другого краше,
Меняет под себя зима.
И вся Земля – квартира наша –
Увы, меняется сама.

То неуклюже мы, то ловко
Штурмуем жизнь без берегов.
Стирает время заголовки
И пестроту её шагов.

Ушедших лет плотнееет заметить,
Им возвращаться не дано.
И прошлых красок только память
Хранит туманное пятно.

МОЕ ЛЕТО

Мое лето бродит где-то
В голубеющих лесах,
В домотканый холст одето
И с вихрами в волосах.

Мое лето мчится где-то
С Озерской крутой горы.
Мое лето пьют с рассвета
До рассвета комары.

Мое лето скачет где-то,
Белкой прыгает порой.
В пурпур ягод разодело
И обкурено махрой.

Мое лето пляшет где-то
По колючкам босиком.
Из травы жует котлету,
Запивает родником.

Мое лето дремлет где-то
У горящего бревна.
Мое лето ест конфету
Под названьем сарана.

Мое лето тлеет где-то,
Догорающим костром.
Лошадиным ржаньем это
Лето полнится в ночном.

Мое лето плещет где-то,
Руслом светлого ручья.
Мое лето не задето
Дробью старого ружья.

Мое лето плачет где-то,
Ливнем у лесных могил.
Мое лето в омут света
День погожий утопил.

Мое лето блеет где-то,
Заблудившейся овцой.
Из цветочного пакета
Щедро пудрит пчел пылью.

Мое лето косит где-то,
Травы звонкою косой.
По грибы идущих деток
Мочит утренней росой.

Мое лето нянчит где-то,
Под корягою лисят.
В мое лето, как с банкета,
С юга журавли летят.

Мое лето прячет в клети
Глухумани медвежат.
В мерзлоте тысячелетий
Кости мамонтов лежат.

Мое лето светит где-то,
Красной шапочкой желны.
Мое лето ждет привета
Понапрасну от весны.

Мое лето шепчет где-то
О несбывшихся мечтах.
Песня лета не допета, –
Песня спрятана в кустах.

Где-то старых сосен кости
Лето греет у огня
И во сне явиться в гости
Ждет ушедшего меня.

Мое лето, как ракета,
Пролетело впопыхах
И у старого поэта
Вдруг запуталось в стихах.

ЭКСКУРС ПОД ЗАНАВЕС*

(Из цикла «Я»)

Наш пострел везде поспел.

Пословица

Тащил я, что взвалила
На плечи мне страна:
Была принудработа
Аж до седьмого пота
И пища – сарана.

Судьба меня хранила,
Хоть часто рисковал
И мог лишиться воли:
Я с убранного поля
Колосья воровал.

Меня на всё хватало,
Что жизнь успела дать:
Встречать в лесу рассветы,
Есть из травы котлеты,
Писать и рисовать.

Уйдя из леса в люди,
От жизни не отстал:
Настойчиво учился.
К Европе приобщился,—
Заправским немцем стал...

И жизнь мне отплатила.
Теперь на склоне лет,
Художник я от Бога,
К тому ж еще немного
Профессор и поэт.

ЭПИЛОГ

На бархатной подушке
В последний мой приют
Медаль, что всех скромнее,
Но всех наград важнее,

* Навеяно праздником труда (1.05.03)

За многослойный труд
За мною понесут.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Меж зубами леса
Месяц – ведьмин клык.
Испустил от беса
Филин жуткий крик.
Понизу разлита
Колдовская тьма.
Звездами пробита
Веток бахрома.
Царства ночи житель,
Ты, смиряя дрожь,
По земной орбите
В новый день плывешь.
Но, вернувшись к свету,
Ты опять не прочь
Окунуться в эту
Колдовскую ночь.

ВЕЧЕР

В поле, где травы не косятся,
Царствуют мир и покой,
Крик перепёлки доносится, –
Места нет доли людской.

Вечер прохладой полнится,
В ночь уходя не спеша.
И как гармонь за околицей,
В светлой печали душа.

Трелью в лазури поплещется
Птичка и в травы падёт...
В юности счастье мерещится, –
К старости это пройдёт.

СТЕПЬ

Небо раскрывает
Над тобой свой зонт,
Он края спускает
Аж за горизонт.

Им накрылась тучка
Белого холста...

Человек как ручка
Этого зонта.

Человек степною
Тропкою идёт
И над головою
Этот зонт несёт.

ИСТОКИ

Всех скульптур моих основа
Корни, пни да сучья.
С добротой сводила слово
Мне семья барсучья.

От обид и непогоды
Лес давал мне крышу.
Шум его сквозь жизни годы
До сих пор я слышу.

До сих пор берез и сосен
В сон приходят кроны.
До сих пор живу я, в осень
По уши влюбленный.

В снах весна живет доселе
Песней глухаринной,
И зима все кроет ели
Снежною периной.

Только с явью не расстаться,
Косность, грязь, заботы...
Потому и просыпаться
Часто нет охоты.

ЗВУКИ

Чуть слышно травы шелестели.
Еще не выпала роса.
В июльском небе звезды тлели.
Звучали чьи-то голоса...

Быть может, это звуки были
Тех, кто покинул нас уже.
Поляны тайну их хранили.
Мы шли куда-то по меже.

Мы шли куда-то, словно плыли,
Под звуков тех неясный звон,
И бубенцом далекой были
В душе навек остался он.

Остался и звучит все громче,
А жизнь уже прошла зенит...
Кому-нибудь июльской ночью
Мой голос тоже прозвенит.

* * *

Посмотри, человек, человеку в лицо
И замри на одно лишь мгновенье:
Всех героев планеты и всех подлецов
Ты увидишь в своем отраженьи!

Посмотри, человек, человеку в глаза –
Во вселенский бездонный свой омут:
Все, кто борются против,

и борются за,

То всплывают, то снова в нем тонут.

Свою левую руку ты правой сожми
И почувствуй толчки на запястье:
Это крови источник, пролитый людьми
На алтарь эфемерного счастья...

В первозданность уходят эпох этажи,
Подступив к двадцать первому веку.
Человек человеку спасибо скажи,
Повинись человек человеку.

ЖЕНЩИНА С ОТБОЙНЫМ МОЛОТКОМ

То было под конец советской власти,
Не помню я теперь, в году каком,
Я видел символ равенства и счастья –
Фигуру женщины с отбойным молотком.*

У горсовета тополя рядами.
На площади – Ильич непобедим.
И женщины с отвисшими задами
Кричали истоиво: «Его не отдадим!»
Партдамы хором лозунги бросали,
Достойно представляя свой партком.
Не только Ленина они тогда спасали,
Но также женщину с отбойным молотком.

* Фигура перед мостом при въезде в г.Каменец-Подольский.

СЛОВО О МАТЕРИ

Я правды словом не нарушу.
Пишу как было, без затей,
Ты для детей хранила душу,
Ты сберегала жизнь детей.

Трудилась ты в жару и в холод,
Не женским был тот рабский труд,
Надеясь, что за серп и молот
Зерна с мякиною дадут.

Давила нищета на плечи.
И в мирный час, и в дни войны
Таскала ты из русской печи
С пустой похлёбкой чугуны.

Пришлось тебе в суровой были,
От горя не сойдя с ума,
Смотреть, как дети уходили,
Потом ушла и ты сама...

Не слыша птиц сибирских гама,
Вдали от леса, от жнивья,
Живу я здесь с тобою, мама,
И ты со мной, пока жив я.

ОДА КОРОВЕ

Земля в свой час людьми обзавелась
И содержала их весьма сурово.
Но к счастью их откуда-то взялась
С отвисшим выменем рогатая корова.
Прогресс крепчал, а человек дичал.
С дубиной тяжкой брат пошёл на брата.
А на лугу телёночек мычал,
Сынок коровы-матушки рогатой.
Гремели войны, гибли города.
Лишались люди родины и крова.
А на лугу паслась, как и всегда,
С отвисшим выменем бессмертная корова.
Потом искали нового врага.
Из атома сооружали пояс.
А в поле виделись бурёнкины рога,
Хоть было полигоном это поле.
Я не мудрец, но предсказать могу:
Жизнь наша будет до тех пор здорова,
Пока пасётся на своём лугу
С отвисшим выменем рогатая корова.
Превыше всех самых высоких гор
Нам нужно вознести Бурёнки имя,
Хоть золотые звёзды до сих пор
Её отвисшее не украшают вымя.
Космический прогресс войдёт в века.
Бурёнкин труд в его основу ляжет.
Но ни одна душа заслуг быка
В бурёнкином геройстве не укажет.
Уверен, не обидится она.
Любой знаток семьи коровьей скажет:
Бык и корова – сатана одна,
И в том никто не усомнится даже.

ОСЕННИЕ СТИХИ

1

Отдежурила жара.
Лето отступило.
Золотая мишура
Сыплется уныло.
Дальний колокол звучит
В птичьем поднебесье.
Сердце в унисон стучит
Этой грустной песне.

2

Жизнь говорит, ей никакого дела
Нет до того, что осень на дворе,
Что лес она безжалостно раздела
И шлет на землю иней на заре.
Ей все равно, летят ли в небе гуси,
Или кружит над полем воронье.
Но больше всех (и тут не ошибусь я)
Мы любим, равнодушную, ее.

3

Серыми тучами небо взлохмачено.
Ясной погоды не ждем.
Все, что вчера нами было утрачено,
Смыто холодным дождем.
Все, что утрачено,
 все, что растрчено,
След оставляет в душе.
Все, что утрачено, жизнью оплачено
И не вернется уже.

4

Уходит осень октября.
Мне с ней не хочется расстаться.
И шаг свой замедляю я,
Чтоб на нее налюбоваться.
Сподоблюсь, может быть, и я
Мелькнуть в прощальном хороводе...
Подвластно ритмам бытия
Все на земле, и все проходит.

5

Низко тучи опустила
Осень, в зиму уходя,
И на все, что взору мило,
Сыплет бисером дождя.
Осень тенькает синицей
В засыпающих лесах.
Бродит рыжею лисицей
С пестрой курицей в зубах.
Осень дышит белым паром,
Чтобы лета пыль стереть.
И оранжевым пожарам
Помогает догореть.
Осень лес коврами стелет
Для напудренной зимы,
Что судьбу ее разделит,
Пух рассыпав из сумы.

6

Прохладною осветлено,
 Бледней и шире небо стало.
 Там, где кончается оно,
 Гора из белой ваты встала.
 Пока вершина лишь видна.
 Гора растет перед набегом.
 Чем нас порадует она,
 Дождем последним? Первым снегом?
 А может, молния сверкнет,
 Последний гром осенний грянет
 И туча ливнем изойдет –
 Очередной потоп настанет.
 Неважно, снегом иль дождем
 Нас осенит горы той вата.
 Нам важно, что чего-то ждем,
 Что жизнь сюрпризами чревата.

7

Осень красные слезы рассыпала.
 Отражается в луже забор.
 Красоваться ему время выпало, –
 Незаметен он был до сих пор.
 Разрешаются тучи от бремени,
 В белый пух превратиться спеша.
 В луже нашего скорбного времени
 Отразилась поэта душа.

8

Я наслаждаюсь мягким светом года,
 Когда кротка природа и тиха.
 Я наслаждаюсь мягким светом года,
 Он как бальзам осеннего стиха.

9

Утробно булькает ручей.
 По небу – перистые цапли.
 Иду по тропке меж свечей,
 Роняющих цветные капли.

10

Красоту побеждает привычка:
Привыкает к прекрасному глаз.
К тайне смены времен есть отмычка –
Их меняет Природа для нас.

11

Не говори, что осень запоздала.
Всему всегда приходит свой черед.
Еще стоит твой поезд у вокзала
Но звякнет колокол, и поезд отойдет.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

1.

Люблю неизбежную лета кончину
И тихую грусть морозящих дождей.
Мы смены времен понимаем причину,
Но чем объясняем мы грусть у людей?
Ушедшей надеждой? Угасшей любовью?
Желанием смутным в вечерней тиши?
А может быть, сном, что пришел к
изголовью?
А может быть, просто капризом души?
Природы закон неизбывен и вечен.
И грустью помечен наш шар голубой.
Кто грусти не знал, тот в любви не замечен,
Ведь грусть – привилегия наша с тобой.

2.

Осенний туман. За окном непогода.
По стеклам стекают слезинки дождя.
Я ждал твоей грусти осенней, Природа.
Сегодня дождался... А стоило ждать?
Клин диких гусей надо мной пролетает.
Он край свой родной покидает опять.
И мудрый вожак, управляющий стаей,
Не знает вопроса: зачем улетать?

3.

Зачем мы приходим? Зачем мы уходим?
Когда наши жизни венчают гробы?
На эти вопросы ответ не находим:
То тайна великой хозяйки – Судьбы.
Не надо пенять на плохую погоду,
Пусть грустным дождем небеса пролились.
За хмурое утро, за грусть, за Природу,
За всех, кто пришел и ушел – помолись.

* * *

Ещё придут холода
В стеклянном утренников звоне,
Ещё в последний раз звезда
Блеснет в чернеющем затоне,
Ещё расцветится набор
Из зеленеющих упрямо
Беспечных сосен; свой убор
Уронит с плеч лесная дама
Береза - символ чистоты,
Осина плащ багряный скинет,
И все, что ждешь сегодня ты,
Ещё придет... Придет и минет,
Как птиц последний грустный клин,
Что в небе проплывет белесом
Над безысходностью равнин,
Над венчанным печалью лесом;
Еще ты будешь вспоминать
Цветастый веер увяданья,
В душе надеяться опять
На бесконечность ожиданья.

* * *

У зимы на полустанке
Осень – пестрая цыганка.
С ожерелья у брюнетки
Ветер сыплет вниз монетки,
И на крышу старой хаты
Он кладет из них заплаты.

* * *

Последний лист на ветке клена
Серьгою бронзовой повис.
Он встретил осень, в жизнь
 влюбленный,
И не желает падать вниз.
Там, на земле, его собратья, –
Их собирает ветер в горсть...
Уйти не хочет он собратья,
Как надоевший в доме гость.

* * *

Осень расписала
Празднично заказник.
Дерева собрала
На прощальный праздник.
Взоры человечьи
Красками лаская,
Празднует беспечно
Вся родня лесная.
А на косогоре,
Слыша смех и топот,
Кротко прячет горе
Престарелый тополь.
Градом бит из тучи,
Молнией паленный,
Был и он могучий,
Был и он влюблённый....
Не борясь с судьбою,
Не ища причины,
Он теперь собою
Занят до кончины.

* * *

Дожди осенние, дожди бордовые,
От настроения все дни бредовые.

Дожди осенние, дожди багряные,
От настроения деревья пьяные.

Дожди осенние да травы бурые,
От настроения все тучи хмурые.

Дожди осенние да ветры буйные,
От настроения все реки бурные.

Дожди осенние, дожди холодные
От настроения грачи голодные.

* * *

И зима не зима, и весна не весна.
Подкачало с погодой лето.
Только осень небес бирюзою ясна,
Только осень, как в праздник, одета.
Только осенью как-то светлей на душе.
Только осенью дышится легче...
Много осеней ярко сгорело уже, –
Догорает моя – человечья.

* * *

Зеленеет травка из-под снега:
Осень в зиму врезалась с разбега.
А к обеду чуть теплее стало, –
Снега на траве как не бывало...
Наша жизнь, как первый снег случайный,
От зимы зависит изначально.
И как долго таять будем мы,
Срок зависит только от зимы.

* * *

Любе

Метет осенняя позёмка
Обертки пестрые конфет.
Насобираем их пойдём-ка –
Оберток наших прошлых лет.
Осенних красок нету лучше
(Базарным стилем говоря),
Но лишь мрачней бывают тучи
На ярком фоне октября.
Не уступай осенним стрессам:
Еще мелькнет он из-за туч
Над уходящим в спячку лесом,
Последний луч, осенний луч ...

ЗИМА

Прядет зима кудель поземки,
Мотает пряжу на пеньки.
Сменяют долгие потемки
Коротко-кrotкие деньки.
Приют от ветра дали елки
Березке зябкой и нагой.
От снега небо чистит полки
И сыплет колкою пургой.

ПОДЛЁДНЫЙ ЛОВ

Гляжу на зимнюю протоку, –
В ней льдом плененная вода.
И от воды той мало проку,
Но ходят рыбаки сюда.
Лед прорубив, бросают в воду
С наживкой острые крючки.
И в ясный день, и в непогоду
Сидят у лунок мужички.
Сидят упорно, терпеливо
(Сугрева хватит на денек),
И вот на льду, зиме на диво,
Трепещет первый окунек...
Будь терпелив, не прячь улыбку.
Поймаешь – только не спеши –
Стиха серебряную рыбку
Из глубины своей души.

* * *

Как айсберги в застывшем море,
Вершины гор в морозной мгле,
В твоём изысканном узоре
На неба палевом стекле.

Ты памяти моей отрада.
По склонам девственным, крутым
Я в омут твой на лыжах падал,
Как с парашютом в белый дым.
Не видел, где конец паденья
В том белом омуте без дна...

Теперь считаю каждый день я,
И жизнь до донышка видна.

* * *

Матери

За стеною пурга метет,
Льет в трубу заунывный плач,
А весна придет - запоет
На заре краснобровый косач.

Утром выйдешь во двор с ведром,
Станешь сонных коров доить.
Будешь слушать, как все кругом
Древней песней той будет жить.

Будешь слушать, как лес поет,
Отряхнув с ветвей темноту.
И корова грустно вздохнет
Под веселую песню ту.

СНЕГИРЬ

На белый куст, как красногрудый мячик,
Упал снегирь, в лучах рассыпав иней,
И нежно засвистал, в ветвях румянясь,
В алмазных россыпях
сибирской сказки зимней.

Но вот вспорхнул и улетел куда-то.
Лишь веточка дрожит, роняя иней.
А из тайги на золото заката
Летит неслышно ночи сумрак синий.

УТРО ПОСЛЕ МЕТЕЛИ

Всю ночь обильно снег валил,
Кружась метелицей февральской.
К утру утихло, и по-царски
Рассвет свой полог расстелил.
Принарядились трубы, крыши,
И стали чистыми дворы.
На белый полог люди вышли
И снегом чистили ковры.
Я шел, хлопки той чистки слушал,
И мне подумалось тайком:
Неплохо бы и наши души
Почистить свеженьким снежком ...

* * *

Любе.

Придавлен день свинцовым небосклоном.
Косые кое-где чуть теплятся лучи.
Подвластная незыблемым законам,
Зима свой день спешит укрыть в ночи.
Разрывы туч, как раны ножевые.
На зимний день не сетуй, не ворчи.
Мы старики пока еще живые.
Лучи косые – все равно лучи.

* * *

Зима без снега – свадьба без любви,
На ней животная преобладает нега,
И зиму – хоть с морозом, но без снега –
Тогда невольно представляешь ты,
Как под венцом невесту без фаты.

Когда стеклянно небо голубеет,
И солнце светит, но земля черна,
Назвать невестой зиму кто посмеет, –
Скорей вдова преклонных лет она;
Соперницы Природы в том вина.

Зима без снега – тело без души,
Лишенное соблазна и восторга,
На ней печать бестрепетного морга,
Когда уже бессильны доктора,
И тело отпевать пришла пора.

В томленья ждут и доли и леса,
Когда свершится чудо обновленья,
И как ни тягостны часы томленья,
Минует черная – без снега – полоса,
Вернет зиме Природа чудеса.

ЖИВАЯ ВОДА

В.П. Астафьеву

Я помню, как искали воду
В сибирской стороне моей.
Зимой в морозную погоду
В снегу охотились за ней.

Спустив кадушку с горки в санках,
Ведром и кружкой грохоча,
Напасть старались на полянке
На след пропавшего ключа.

Мы свежую искали наледь,
Что создавал мороз-титан.
Ну, а найдя, торжествовали:
Лед проруби – и есть фонтан!

Но до удачного "набега"
Дни проходили иногда.
И пили воду мы из снега –
Невкусной та была вода ...

...С душой, изрядно отощавшей,
Частенько роюсь в грудях книг.
Ищу в их толще запропавший
Души живительный родник.

ВЕСЕННИЕ МОТИВЫ

1.

Берёзки зелень источают,
Им снова продолжать расти,
Цветы головками качают,
Готовясь разом расцвести.
А солнце светом их ласкает
Из бирюзового окна,
И каждая травинка знает,
Что в мир расти пришла она.

2.

Дождь расписался на стекле
Сползающими каплями.
А на домах во влажной мгле
Стоят антенны цаплями.

Мой поезд катит по весне
Летит безостановочно.
В нём ветерану, то есть мне,
Спокойно и безоблачно.

И нет волнения в груди,
И никакой протрации:
Мне из экспресса выходить
Лишь на конечной станции.

3.

Туча в сторону свалила,
Шлейф оставив из дождя.
Так когда-то хоронила
Со слезами Русь вождя.

4.

Кроны в солнце окунулись.
Ветки от цветов прогнулись.
В кучерявой грации
Нежатся акации.

Их сгущённый аромат
Побеждает смог и смрад –
Вместе с нами город ныне
В парфюмерном магазине.

* * *

Опять обновлением дышит весна -
Волшебница года.
Мажорно звучит и трепещет струна
Небесного свода.
Вздуваются почки.
Шалун ветерок
Ласкает и нежит.
И годы мои, словно яблоки впрок,
И я еще не жил.

* * *

Снова зелень радует нам души.
В нежный пух оделись деревца.
Эту нежность лето лишь приглушит,
У весны другого нет лица.
Не нужны ей пудра и помада.
Карандаш не нужен для ресниц.
Макияжа юности не надо, –
Он для летних и осенних лиц.

СЛЁЗЫ ВЕСНЫ

Сеет акация цветом,
Дарит густой аромат
И мотыльками при этом –
Белыми – кроет асфальт.

Сеет акация цветом –
Плачет, прощаясь с весной,
Солнце не радуется светом, –
Дождь моросит обложной.

К встрече готовится с летом.
Дышит прохладным деньком.
Сеет акация цветом,
Кротко грустит ни о ком.

ГНЁЗДА

Весна вовсю в окно стучит,
Ее приветствуют грачи.
У них заботы, как всегда –
Хлопочет каждый у гнезда;
Из зимних странствий возвратясь,
С весной налаживают связь.
Готовя вклад в грачиный фонд,
Ведут родных жилищ ремонт.
Под сенью дерева, в лесном
Селе сибирском был мой дом.
Мне путь заказан навсегда
К порогу отчего гнезда:
Истлела там моя звезда –
Ни дерева и ни гнезда.

* * *

Теплее в марте стало людям
После холодных зимних дней.
Где потеплей – о том не будем:
В квартирах стало холодней.
У пешеходов от мороза
Уже не розовеет нос.
В цветочный торг пришла мимоза,
В дома пришел витаминоз.
На рынке вечная толкучка.
Кто покупает, кто берет.
Кошачья яростная случка
Дает нам сто очков вперед.

ЖИЗНЬ

Жизнь в изменчивом потоке,
В роковом тюремном сроке,
Жизнь в тоске
И жизнь в печали,
Жизнь в конце
И жизнь в начале,
Жизнь в загуле,
Жизнь в запое,
Жизнь в тоскливом волчьем вое,
Жизнь в разбойничьем обличье,
Жизнь в любовном
Рёве бычьем,
Жизнь в весенней
Птичьей драке.
Жизнь в морском
Пучинном мраке,
Жизнь у света на краю,
Нету жизни лишь в раю.

ВРЕМЯ СЛУШАТЬ СОЛОВЬЕВ

Ублажаем мы не часто душу.
На веранду дачи у ручья
На рассвете вышел я послушать
Сказочное пенье соловья.

Но кукушка чуть пораньше встала.
Сидя на обломанном суку,
Диссонансом соловью вплетала
В утренний концерт свое ку-ку.

В тине бодро квакали лягушки,
Резонаторов насилуя мехи.
А по всем долбили, как из пушки,
Дребезжащим ором петухи ...

И в душе невольно отозвался
Тот истошный петушиный крик:
"Поздно слушать соловьев собрался,
Раньше надо слушать их, старик."

БЕЗДНЫ

*Редуют бледные туманы
Над бездной смерти роковой...*

М.Ю. Лермонтов

1.

Мы ждем, когда пробьет наш час,
Смещаясь к бездне смерти ближней,
А те, кто будет после нас,
Уже стоят над бездной жизни.

Звучат в пространстве голоса.
Одни поют, другие стонут.
И каждой жизни полоса
Ведет в бездонный смерти омут.

И бытия земного чудо
Нас покидает навсегда.
Мы в жизнь приходим ниоткуда,
Потом уходим в никуда.

Что ждет нас – роковая бездна
Или в иную жизнь окно?
Как в клетке заперт разум бедный,
Ответа свыше не дано.

2.

Я жить хочу – не лучшей доли.
Я призрак счастья не ищу.
В земной неласковой юдоли
От счастья жить я трепещу.

Когда лучами солнце брызнет,
Ко мне приходит мысль одна:
Вот если б время каждой жизни,
Как смерти, не имело дна!

Едва ли прожил жизнь успешно,
Кто без греха стремился жить.
Ведь в жизни, изначально грешной,
Живой не может не грешить.

Часы летят не безвозмездно,
Пока мы все живем, греша.

И быстротечной жизни бездна,
Наверно, тем и хороша.

А там, в неведомых пределах,
Куда нам дверь откроет смерть,
В одеждах черных или белых
Нас встретят – «будем посмотреть».

* * *

Мы золото считаем граммами,
Алмазы меряем каратами,
Жизнь нашу уплотняем драмами,
А радость прячем под утратами.

ЭКСКУРС В БИОГРАФИЮ

Евгению Заливину

Когда мы родились, старик?
(Старик не в переносном смысле)
Когда в канавах трупы кисли,
И шепот был голодных крик.

Кто наше детство взял, старик?
Его войною опалило,
Его невзгодами убило,
И яд вождя в него проник.

Кто нашу юность взял, старик?
Она нас горбила в работе,
Купала нас в грязи и поте.
Соблазн желаний был велик.

Чего достигли мы, старик,
Своей работой незапленной,
Необходимой иль ненужной?
И светел ли теперь наш лик?
О том судить не нам, старик

ПОРНОМАТ

(Наброски к поэме)

Писатель, киллер, дипломат,
Объединил их порномат.

Если хотите, нате
Роман на порномате.*
Не пожалел патронов
На мат Порнолимонов:
Не будучи солдатом,
Стреляет порноматом.

На порномате все мы
Читаем и поэмы.**
Вагон матотрофеев
Сдал Порноерофеев.

На мате есть с натуры
Порноминиатюры.***
Классичен без изъяна
Мат Порногубермана.

Схлестнуться с матом рада
Всегда порноэстрада.

И детям не зазорно
Сегодня телепорно.

У интершлюхи Кати
Трусы на порномате.

Первозданности нет боле:
В порномате лес и поле.
В порномате города,
Небо, воздух и вода.

В том отличие примата,
Что не знал он порномата.

*"Это я, Эдичка"

**"Москва - Петушки"

***"Гарики на каждый день"

КОНКУРЕНТ

Нагло рак себя ведёт
Не по правилам ползёт:
Вправо, влево, взад, вперёд
Не включает поворот.
А в кастрюлю попадёт,
Так ни взад и ни вперёд.
И в бессилии тогда
Он краснеет от стыда.

Раку верный конкурент
Конъюнктурный элемент:
Так же двигаться умеет
Только, правда, не краснеет:
От кастрюли, зад храня,
Он бежит, как от огня.

* * *

Страна, одетая в обноски –
Штаны, бюстгальтеры, носки...
И говорят, что даже соски
Есть от расстройства и тоски.
Подачки мы берём не в шляпу.
И я представил на момент:
Сосёт медведь в берлоге лапу,
Но не свою, а "секонд хэнд".

* * *

Я стрелял по живому,
Да простит меня Бог!
Я стрелял по живому,
Не стрелять я не мог:
Чтобы жизни продлиться,
Об удаче моля,
По зверью и по птице
Била пуля моя...

Шкурной страсти в угоду,
Как в смертельном бою,
Мы стреляем в Природу, –
В жизнь стреляем свою.

ПУТЬ К МАВЗОЛЕЮ

Бесы под маской народных идей
Били министров без лишних затей.

Очень спешила дворцовая знать
Лобное место в России занять.

Скоро казнят их. Они же пока
Зверски убьют из тайги мужика.

Били Распутина, били царя.
Эры кровавой вставала заря.

Освобождал от моральных оков
Вождь нестигаемых большевиков.

Братскую бойню замысливал он, —
Канцлер ему помогал и Гапон.

Власть помогала Ульянову братъ
Пьяных лихих уголовников рать.

Средством призыва: «Власть удержи!»
Стали убийства и грабежи.

Вождь индальгенции бандам давал,
Грабить богатых ворьё призывал.

Взяв на себя беспризорную власть,
Кровью России насытился всласть.

Всех негодующих массово бил.
Слушать Бетховена очень любил.

Гнал всё разумное прочь, и оно
Им трактовалось как хлам и говно.

Сквозь пелену пулевого дождя
Славили хором мудрость вождя.

На мировую резню заострён,
Слыл у приспешников гением он.

И увенчал лицемерный елей
Памятник бывшей стране – мавзолей.

КРЕМЛЁВСКИЙ ПОГОСТ

На центральном погосте, на площади
У кремлёвской кирпичной стены
Спят спокойно рабы твои, Господи,
Из казнённой когда-то страны.
Все попали в объятия вечности,
Кто в могилу, а кто в кирпичи.
Все сравнялись в одной бесконечности:
Вместе с жертвами спят палачи.
Погребённым тут компреподобиям
Всем по сану отпущен елей.
Этот в стенке, другой под надгробием,
Ну, а этому – аж мавзолеей!

От нежданной свободушки млеем мы.
Порываемся массы спросить:
- Люди! Мощи теперь мавзолеевы
Выносить или не выносить?

Мы уважим вас, комреподобия.
Предложение дельное есть:
Ваши мощи, а также надгробия
На обычный погост перенести.
За народ ведь избранники мучились,
Что враждебным кольцом был зажат,
И теперь по народу соскучились.
Пусть же вместе с народом лежат!

ЗА СЧАСТЬЕМ

Бегут часы. Молчит угрюмый лес.
Они идут, не ведая конца
Зловещей тьмы, стекающей с небес,
Как кровь из раны павшего бойца.

Глаза людей решимостью горят.
Мечта о счастье гонит их вперёд.
Но счастье догоняющий отряд
И до сих пор сквозь тёмный лес идёт.

И до сих пор обманутый народ
Идёт за счастьем в воду и в огонь.
И новый проходимец их ведёт
Сквозь трупов разлагающихся вонь.

Он охмурил людей, велел стрелять,
Стрелять друг друга, братьев и отцов.
А после братской бойни он опять
На шею сядет выживших бойцов.

* * *

Я обречен писать стихи.
Дала мне муза это право.
Среди словесной шелухи
Гнездится в них рассудок здравый.
Но муза создает сама
Законы этого искусства
И больше здравого ума
Порыва любит безрассудство.

* * *

Я не писал кому-нибудь в угоду.
Я никого в стихах не прославлял.
Всю жизнь я воспевал в стихах Природу, –
Всю жизнь в стихах Природу отпевал.
Когда лесной певец зарю встречает,
Ее пожаром алым увлечен,
В плену у песни он не замечает,
Что лес его и сам он обречен.
Певец всю жизнь себе не изменяет.
В экстазе песенном глаза смежив,
Он на заре Природу воспевает –
Поет и отпевает, пока жив.

* * *

Нам всем предусмотрено право
Смеяться, жалеть и любить.
И мыслить разумно и здраво,
Добро бескорыстно творить...

Нам всё даровала Природа.
Ах, если бы знала она,
Что ей от её же народа
Объявлена будет война!

И чтобы спасти крокодила,
Чтоб выжил оставшийся зверь,
Природа, что нас породила,
Свой грех исправляет теперь.

ЗАВИСТЬ

Зимою грач - почти ручная птица,
Готов прохожим прыгать по плечам.
Нисколько человека не боится
Наивный грач. Завидую грачам...

На юг на зиму дикий гусь стремится,
Кормясь в пути неблизком там и сям.
Летит туда, где может прокормиться
С гарантией. Завидую гусям...

Пьёт на халяву чижик на Фонтанке
До шума в голове, нос утерев бомжам.
Зарплаты, что на год застряла в банке,
Не нужно чижикю. Завидую чижам...

Орлы свободно в поднебесье мчатся,
Презрев междоусобный наш бедлам.
В таможнях бывших братьев отмечаться
Им ни к чему. Завидую орлам...

Возможно, звери знают силу лести
Как ключ к закрытым наглухо дверям.
Знакома ярость им, и только чувства мести
Не знает зверь. Завидую зверям...

ПАРУСНИК

Куда мой парусник уплыл,
В какие дали?
Меня на берегу забыл.
Хотя... едва ли.
Он состоит из парусов,
Из мачт и тросов.
Берет он юных – без усов –
На борт матросов.
Избороздит он все моря
Бурлящей жизни.
Но юных ждет судьба моя
В портах неближних.
Что передумали они,
Что повидали,
Куда уйдут их жизни дни,
В какие дали?

* * *

Унеси меня, ветер,
Как пылинку земли,
Чтобы люди о смерти
Говорить не могли.

На земле не оставив
Незаконченных дел,
Я б к небесной заставе
С ветерком улетел.

На заставе чтоб были
Стражи судного дня.
В мир космической пыли
Пропустили б меня.

31.07.07

МОЯ СИБИРЬ

Сибирь - она моя все время,
Где б ни скитался я, ни жил,
Какое б ни давило бремя,
С каким бы краем ни дружил, –
Душой всю жизнь я ей служил.
Сибирь – она моя все время,
Сибирь – она всегда со мной.
Она мой идол и причастье.
Навеки предан ей одной.
Пусть рвут теперь ее на части
Преступно-рыночные страсти, –
Сибирь – она всегда со мной.
Сибирь – я болен вместе с ней.
Когда встречаюсь там с людьми я,
Проклятье предков все слышней,
Сильнее сердца аритмия.
Сибирь больна, как вся Россия.
Сибирь – я болен вместе с ней.
Моя Сибирь – кто нас спасет?
Избавит кто от всяких стрессов?
Злой рок, как видно, нас пасет
В пределах шкурных интересов –
С инстинктом саранчи балбесов.
Моя Сибирь – кто нас спасет?

* * *

На родной стороне я недавно
Воду пил четырех родников,
Но иссяк мой родник самый главный,
Тот, что душу спасал от оков.

Опустела родная обитель,
Отшумела листвой навсегда.
Здесь теперь лишь случайный я житель,
И горька мне любая вода...

Ничего не хочу вспоминать я;
Позади только горечь утрат.
И деревья – осенние братья –
Словно свечи над прошлым горят.

* * *

Когда порыв внезапной бури
В начале марта снегом бьет,
Я не скучаю по лазури:
Она – как буря – не пройдет.

Лазурь тревожит постоянством.
Других сравнений не найдя,
Я так скажу: она – пространство
Без бурь, без снега, без дождя ...

И как бы март свой лоб ни хмурил.
Не забываю одного:
Пройдут снега, дожди и бури –
Потом не будет н и ч е г о .

ТВОРЦЫ

Сорвался камень и помчал
С горы в крутой разгон.
В тот миг никто еще не знал,
Что был обвал рожден.

Возник и быстро стал расти
Обвала грозный вал,
И все, что было на пути,
Он смял и разметал ...

В ущелье вечно молодой,
Хоть по годам старик,
Живой пульсировал водой
Творец добра – родник.

Источник речку породил;
Смирившийся обвал
Ту речку перегородил
И озеро создал.

ГЛУХАРЬ

Он песне страстно отдается,
Не знает, где ее конец.
Под песню смерть к нему крадется,
Удар – и падает певец.

СОКОЛ

Как дерзко сокол
По цели бѣет!
В мгновенье ока
Вершит полет.
Ударит мимо –
На грудь лесам
Неотвратимо
Он рухнет сам.

ЗАКАТ

Как небо красит в нежный цвет
Бессменное вселенское светило:
Прозрачнее и чище красок нет,
Что солнце на закате породило.

Чарует глаз расцветенный закат
Пастелью переливчатой и нежной,
Изысканней и ярче во сто крат
Палитры мастера талантливо-небрежной.

Но есть закат, охваченный огнём,
Как пламя, смешанное с кровью.
И туча, уходя за окоём,
Висит над ним лиловой бровью.

Такой закат приметам чреват, —
Родит в душе неясную тревогу.
Он отгорит, и люди говорят:
«Погас пожар – и слава Богу».

ДВЕ ПУЛИ

Летели рядом две пули
Во власти своих инерций.
Одну все преграды минули,
Другую поймало сердце.

ДЕЛЬТАПЛАН

Время течет, как Волга,
Жизнь коротка, как выстрел.
Смотришь вперед – как долго!
Глянешь назад – как быстро!

Сколько самого основного
Сделать жизнь подсказала?
Смотришь вперед – как много!
Глянешь назад – как мало!

К прошлому небезучастна,
Мысль возвращает к предкам.
Смотришь вперед – как часто!
Глянешь назад – как редко!

Скользит дельтаплан бесшумно,
Восходящий поток нащупав.
Смотришь вперед – как умно!
Глянешь назад – как глупо!

Сначала паришь высоко,
Потом планируешь низко.
Смотришь вперед – как далеко!
Глянешь назад – как близко!

КОГДА ЗАБЛУДИШЬСЯ

Когда заблудишься,

 всё кажется чужим:

И лес, и луг, и каждая тропинка.

Где я? хоть ты мне, дерево, скажи,

Хоть ты шепни мне, на лугу травинка.

Так в жизни часто не осознаёшь,

Зачем ты, кто ты и куда идёшь.

НАСТРОЕНИЕ

Грустно думать порою,
Что за гробом – не рай,
И что вместе со мною
Умирает мой край.

Умирает дорога,
Умирает мой дом.
Умирает так много
Песен в сердце моем...

Дней идут караваны, –
Их возврата не жди.
Умирают туманы,
Умирают дожди.

Так не хочется, чтобы
Умирала тайга,
Умирили сугробы,
Умирили снега...

Как цветы на поляне,
Как леса и поля,
Умирают земляне,
Умирает земля.

Все. что есть и что будет
В нас живет до поры...
Умирают не люди –
Умирают миры.

КОГДА ШАЛЕЮТ НЕБЕСА

Когда шалеют небеса,
Спешит укрыться всё живое.
Молчит глухарь и волк не воет,
И лось дрожит, закрыв глаза.

Когда шалеют небеса,
Когда встаёт стеной цунами,
Осознаём, что Бог не с нами,
Что рвётся жизни полоса.

Когда шалеют небеса,
Когда волчок гигантский – смерч
Селенья рушит, сеет смерть,
Нет средства от него спасать.

Когда на честность, гордость, славу
Всесокрушающую лаву
Из преисподней льёт гора,
Ликует бес, кричит ура;
Вершатся ада чудеса.

Когда шалеют небеса,
Земля дрожит, земля трясётся,
И люди гибнут, где придётся,
Смолкают жизни голоса.

Когда шалеют небеса,
Когда безумствует природа,
Спасая землю от народа,
Гуляет по земле коса.

Судьбы не минешь колеса,
Когда шалеют небеса
Над обречённой страной:
Ковчег нам не построит Ной.

СЕРДЕЧНЫЙ ДИАЛОГ

Мне по плечу и холод, и жара,
И творческие муки по плечу.

Я сердцу говорю:

– Кричи ура!

А сердце мне:

– Я лучше помолчу.

Я в космос совершить готов полет,
Готов идти в грозу, идти в пургу.

И сердцу я командую:

– Вперед!

А сердце мне:

– Прости, я не могу.

Я сердцу сделать выговор не прочь:

– Ты слишком разболталось у меня!

А сердце мне:

– Чем я могу помочь?

Коль плох мотор, купи себе коня.

* * *

Уходят близкие мне люди
За беспредельный окоём.
Пустеет мир...
Всё меньше будет
Меня, оставшегося в нём.
Всё меньше чувств.
Всё меньше боли.
Всё меньше стрессов и забот.
Всё меньше леса.
Меньше поля.
Всё ближе резкий поворот
В тот край пустынный,
 край неброский,
Где ни забот ни боли нет.
И придорожная берёзка
Качнёт мне ветками вослед.

ЖЕЛАНИЕ

От старого, долго молчавшего друга
Недавно письмо получил.
О новых безвременных жертвах недуга
Мой друг в том письме сообщил.
Как быстро, недоброму року в утеху,
Редеет бывшая семья!
Уходят из жизни коллеги по цеху,
Уходят из жизни друзья...
Кто в сторону поля, кто в сторону моря
Уходят опять и опять.
А мне бы хотелось, с судьбою не споря,
Над этой землей полетать.
Чуть-чуть полетать бы,
чуть-чуть погулять бы,
Увидеть ее чудеса.
А после, а после, как гостю со свадьбы,
Вернуться в родные леса.

* * *

Я зажал свою душу в кулак,
Чтоб не стало ушедшее сниться.
Думал, легче мне будет так,
Но оно меж пальцев сочится.

МНЕ УХОДИТЬ

Таежных гор хребты медвежьи.
Меж ними вьется речки нить.
Мне не бродить в лесном безбрежье:

Мне – уходить

Здесь некому покою нарушить,
Лишь глухарям зарю будить.
Мне песни глухарей не слушать:

Мне – уходить

В цветочные ковры еланей
Мне больше ноги не топить.
Осталась только грусть желаний:

Мне – уходить

Весной очистят небо громы, –
Ему озера голубить.
Мне не смотреть в небесный омут:

Мне – уходить

Взойдет луна в ночном эфире
Свой отраженный свет пролить.
Мне не страдать в подлунном мире:

Мне – уходить

* * *

Я молодой, я не грущу:
Я жизнь свою не упущу.
Стал старым я и загрустил,
Что жизнь я все же упустил...
Чтоб жизнь свою не упустить,
Совсем не надо было жить.

ГДЕ-ТО НА ТОЙ СТОРОНЕ

Быстро в другие края
Жизнь улетает моя.
Что уготовлено мне
Где-то на той стороне?

Слезы людские до дна
Выжала горем война.
Горю конец и войне
Где-то на той стороне.

Каждому жизнь дорога.
Кто же повергнет врага?
Всадник с копьём на коне
Где-то на той стороне.

Все мы за счастьем в пути.
Сможем его обрести
(В том я уверен вполне)
Где-то на той стороне.

Горького надо хлебнуть,
Чтобы закончить свой путь
В обетованной стране
Где-то на той стороне.

СЕ ЛЯ ВИ

Когда ты был молокосос,
Все поражались: «Как подрост!»

Потом дивились: «Он у вас
Уже пошел в десятый класс?!»

И как не изумиться тут:
«Уже окончил институт?!»

Твоих родителей друзья
Не верят: «У него семья?!»

Ты взял очередной барьер:
«Да что вы! Он – пенсионер?!»

И вот в твой адрес наконец:
«Еще не умер?! Молодец!»

О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Трепещет золотая рыбка
У ног седого рыбака.
Что счастье призрачно и зыбко,
Он знает лишь один пока.
И потому следы печали,
Следы тревоги на лице...
Чем больше замыслов вначале,
Тем больше горечи в конце.

СВИДАНИЕ С КИЕВОМ

Я полон Киевом.
Моей души сосуд
Наполнен до краёв
Живительным бальзамом.
Я раньше пил его, –
Я жил когда-то тут.
Но никогда
Он не был тем же самым.
Неважно, где я был
И что я посетил –
Могилу матери
Или святую гору.
Над Киевом я плыл.
Я панораму пил, –
Доступна с высоты
Она душе и взору.
Я здесь другим
Всегда бываю сам.
По кручам над Днепром
Другим бродил когда-то.
Я полон Киевом.
Я пью его бальзам –
Бальзам душевный,
Сладко-горьковатый.

Киев, 2001

ЧЕТЫРЕ СОВЕТА

1.

Не делай из себя героя.
У неподатливой судьбы
Проси для антигеморроя
Охоту, водку и грибы.

2.

Не сотвори себе кумира
Из поэтических затей,
На складах рифмоплетов мира
Не тронь подержанных идей.

3.

Не поимей жену соседа.
Свою старайся ублажить.
Не выступай, как непоседа:
Зачем бездельнику служить?

4.

Не пожелай осла чужого
Из ближних или дальних сёл.
Есть ты – и это даже много,
Зачем тебе другой осёл?

* * *

Как свеж был воздух
 в вечер тот
Весеннею порой,
Когда береза плакала
С надрезанной корой.
Хоть над тайгою снежные
Летели облака,
Гроза разлуки майская
Была недалеко.
И свеж был воздух
 в вечер тот
Весеннею порой,
Когда береза плакала
С надрезанной корой.

ОСЕННИЙ МОТИВ

Осень, осень – любовь запоздалая,
Ты прозрачным теплом хороша.
От прошедшего лета усталая,
Отдыхает смиренно душа.
Осень, осень – мелодия спетая,
Только отзвук ее все дрожит...
Так под легкой фатой, разодетая,
Средь подружек невеста стоит.
Но уже над головкой красивою
Неминуемая висит беда:
Скоро, скоро разбойничек Сиверко
За невестой примчится сюда.
Прилетит, засвистит и, не мешкая,
Бросит деву в лебяжью волну...
Поминайте как звали невестушку
Утонувшую в белом княжну!

* * *

Букет оранжевый,
Букет рябиновый,
Букет оранжевый,
Букет рубиновый.

Листы кленовые
И тополиные.

Оттенки новые,
Оттенки дивные.

А лист каштановый
Широкий, лапчатый.
А лист каштановый
Зелено-крапчатый.

Букет веселенький
Сложил искусно я.
Букет веселенький,
Да осень грустная.

МОЙ КЛЁН

Прямо у дорожки,
Осенью пленён,
Под моим окошком
Полыхает клён.

Светит мне в окошко
Кленовый наряд,
Клён форсит немножко,
Угодить он рад:

Радует мне душу
И ласкает глаз,
Грусть мою он глушит
В невесёлый час.

Жаль, что быстротечна
Клёнова краса,
И о том, конечно,
Плачут небеса...

* * *

Сеет дождь сыпучий –
Полю благодать.
До лохматой тучи
Как рукой подать.
У лохматой тучи
Голубой просвет:
Там свои онучи
Сушит хмурый дед.

* * *

Красок для деревьев
Осень не жалела:
В яркие наряды
Щедро разодела.
Но истлели платья
В сырости, в тумане,
И деревья стали
Словно люди в бане.

ТУТ И ТАМ

Тут лает пёс, там пьяный матерится.
Лови мгновение, оно не повторится!

Тут горлица поёт, там кот в экстазе воет.
Контрастный их дуэт нам сердце успокоит.

Тут бросили мешок с отходами из дома.
Дойдут там скоро до содома!

Тут смог дома закрыл, там небо ясно.
Остановись, мгновенье, ты прекрасно!

СОСТАВЬ КОМПАНИЮ ЖИВЫМ*

Ночных подъездов опасайся,
Чреватых действием ножевым.
Ходить без лома не пытайся, –
Составь компанию живым.

Глоток воды ни в коем разе
Не пей: он будет роковым.
Всегда ходи в противогазе, –
Составь компанию живым.

Отвергни овощи и фрукты.
Дай бой соблазнам жировым.
Чреваты ядом все продукты, –
Составь компанию живым.

Летать не вздумай самолётом.
Ты лучше шагом строевым
Ходи без помощи пилотов, –
Составь компанию живым.

Пить, есть, дышать, летать не надо.
Будь крепок духом боевым.
Чревата всякая бравада, –
Составь компанию живым.

* Надпись на задней части автомобиля.

МУТАНТЫ И ГАРАНТЫ

*За церковною оградой
Лязгнуло железо.*

Э.Багрицкий

За церковною оградой
Нет у нас кладбища.
За церковною оградой
Только бомж да нищий.
Лязгает у нас металл
На большом погосте.
Он ворам поживой стал,
Как гиенам – кости.
По надгробиям, крестам
Лязгает зубило.
Промышляют ночью там
Выродки-дебилы...

С удивлением глядят
Наших тел гаранты:
Неужели победят
Нелюди-мутанты?
Все гаранты на посту, –
Пост нельзя оставить.
Да и к каждому кресту
Мента не приставить...

Но куда-то ведь сдают
Нелюди обломки,
Почему ж не узнают
Их в местах приемки?
И наивно спросишь ты
(Мы ведь дилетанты):
Где вы, храбрые менты,
Наших тел гаранты?

ДВИЖЕНЬЯ НЕТ

– Движенья нет, – сказал я другу
(Он скоростями увлечен),
Хоть мы смещаемся по кругу,
И наш спидометр включен.

Движенья суть – непостоянство,
Один философ говорил.
Похерил время, и пространство
Еврей премудрый искривил.

Однообразьем жизнь не мила.
Душа в плену. Душа скорбит.
Ах, если б отыскалась сила
Планеты спихивать с орбит!

Но лаптем щи мы не хлебаем.
Расколем мир, придет пора.
Пока частицы вышибаем
С орбит на уровне ядра.

Творя на службе хулиганство,
До катастрофы добрели:
В Чернобыле непостоянство,
То бишь движенье обрели.

А транспорт – наше наважденье.
Там вот такая кутерьма:
Есть постоянство, нет движенья.
Движенья нет, аварий – тьма.

Я

Гвозди бы делать из этих людей...

Н.Тихонов

1

Привычки у людей крепки.
Порой они не верят сами,
Что есть на свете двойники
С такими ж, как у них, носами,
Глазами, подбородком, ртом
И родинкой на ягодице...
Ну как при тождестве таком
Им двойнику не удивиться?
В народе нет других идей
(Спроси хоть старца, хоть молодку):
Всех непохожих нас, людей,
Бог создал на одну колодку.
А мнение царей-отцов,
Лакеев их и прочих гадов –
Все люди на одно лицо,
Нет личностей, есть только стадо.
"Отцы" и встарь, и в наши дни
Внедряли нам идею эту:
Незаменимы лишь они,
А нас незаменимых нету.

2

В народе правду говорят.
(Уйдешь от истины куда ты?)
Был Хам, был Ирод, был Пилат,
Но был ведь и Христос распятый!
На древе жизни до поры
Висим мы, люди, словно гроздь.
Нас превращают топоры
В заклепки, винтики и гвозди.
А вся страна – как полотно.
И, натянув ее на пальцы,
Творят свое мерзавцы, но
Им неподвластны... наши пальцы.
Не терпят пальцы наш позор.

Они упрямые, как дети.
И пальца каждого узор
Неповторим на всей планете!
И среди сонмища людей,
Наперекор лихим поклепам
Есть Я – и никаких гвоздей,
А уж тем более – заклепок.

3

Мне шар земной не раскачать.
Я невысокого росточка.
Но каждый палец мой – печать.
Моя печать. Моя – и точка!

ЯЗЫЧНИКИ

Все то, что неподвластно людям,
Они непрочь боготворить:
Вулкана вспученные груди
И смерча скрученную нить,
Грозы утробные разряды,
Слепой пурги потужный стон,
Коварных айсбергов громады,
Созвучный с небом моря тон,
Полночное воды свеченье
И тайны девственных глубин...
Своей судьбы предназначенье,
Над коей властен Бог один.

* * *

Посидеть бы под вечер
На замшелом пеньке,
Чтобы ветки на плечи
И вода в роднике.
Чтобы сумрак сгустился
И леса затемнил,
А во тьме засветился
И к себе поманил
Неизвестно откуда
(Близок или далек?),
Как волшебное чудо,
Золотой огонек.

КОНИ

Далеко убежали кони –
Те, что пас я когда-то в ночном.
Кони были тогда в законе
В беззаконном детстве моем.

Сивки-бурки были в почете.
Лошадиный царь – бригадир
Брал натурой за них в расчете
На подворный сивушный пир.

А народ лишь менял супони
В хомуте крепостном своем...
Не вернуться обратно кони,
Что сбежали за окоем.

ЕЩЁ НЕДАВНО

Глухарь – лесной певец рассвета
Токует, в край любви маня.
Ещё недавно песня эта
Была любимой у меня.

Ещё недавно я рассветы
Встречал у милого крыльца
И был уверен: жизни этой
Не будет никогда конца.

Ещё недавно лил я слёзы,
Когда – виновник многих бед –
Мои любимые берёзы
Спилил бесчувственный сосед.

Где вы, поры недавней беды?
Теперь набор из них другой...
В деревне встретил я соседа
С горбом и сломанной ногой.

Ещё недавно незнакомо
Мне было жизни ремесло...
У догнивающего дома
Крыльцо берёзкой проросло.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Рвы, овраги, пни повсюду
Да колючие кусты...
Я сворачивать не буду –
Прошагаю с полверсты.
Есть желание покуда,
Хоть конец пути тяжел,
Я иду туда, откуда,
Как и ты, сюда пришел.

О ДОБРОТЕ

Люди добрые, люди хорошие!
Как подумаешь – невоготу:
Отчего вы так часто, так дешёво
Предаёте свою доброту?
И ругаясь, завидуя, злобствуя,
Не прощая и не любя,
Угасанию душ способствуя,
Предаёте самих себя?
Человек не отмечен тем веком,
Когда в руки дубину взял.
Человек стал тогда человеком,
Когда добрым душой он стал.
И с тех пор существуют на свете
В сочетании страшном таком:
Люди с доброй душой, как дети,
И... как звери в обличье людском.
Люди добрые, люди милые!
От зверей в пору тяжкую ту,
В годы страшные, в годы гиблые
Вы спасали свою доброту.
Вы спасли её, в бедах выстояв.
Был повержен жестокий зверь.
Отчего же так часто, так истово
Предаёте её вы теперь?
Люди добрые, люди близкие!
Разве вас влечёт за черту,
Где надгробными обелисками
Укреплять пришлось доброту?
Сколько крови на всей планете
Было пролито ради неё...
Будьте добрыми, люди! И этим
Сохраняйте вы званье своё.

АНТИПОДЫ

(Притча)

*«И увидел Бог свет, что он хорош;
и отделил Бог свет от тьмы.»*

(Бытие, гл.1.)

ВСТУПЛЕНИЕ

Откровенно говоря,
Вышло все случайно.
Началось от фонаря
Просто чрезвычайно.
Был фонарь тот старожил.
Уточнять не будем
Сколько лет он прослужил, –
Это нужно людям,
Чтоб на пенсию уйти,
Получить надбавку,
А фонарь – он отсветил
И – катись под лавку!
Прыгай в мусоропровод,
Чем лежать без толку...

Почему-то этот вот
Вынесли в кладовку.
На замок закрыли дверь,
Погремев ключами,
И лежал он там теперь,
Словно в темной яме.

В темной яме... Неспроста
В сочиненьи этом
Оказалась Темнота
Вместе с бывшим Светом.
Темнота была сродни
Самой темной ночке.
Были с фонарем они
Тут, как в одиночке.
Хоть фонарь по слепоте
Темноту не видел,
Был зато не в тесноте

Да и не в обиде.
С фонаревой головы
Не упал и волос.
Только слышит он – увы! –
Темноты вдруг голос.

ДИАЛОГ АНТИПОДОВ

Как бывает у людей,
«Голосом из зала»,
– Что, попался, мой злодей?! –
Темнота сказала.
– Где теперь твоя, фонарь,
Глупая бравада?
Не твердишь теперь, как встарь,
Что светить, мол, надо?
Много надо нам всего,
Лямка бесконечна,
Мне ж не надо ничего,
Слышишь, ты? Я вечна!
Будь то взрослый иль малец –
С фонарем все грозны,
Но приходит всем конец
Рано или поздно!
Фонарь: – Разошлась ты, не сдержать!
А о том слыхала:
Стоит пальцем лишь нажать, –
Тьмы как не бывало!
А представь себе, что тут
Сделают оконце,
И в крошечный твой уют
Вдруг заглянет солнце?
Побывает и луна
В этой мрачной хате,
Хоть у солнышка она
Только на подхвате.
Доказательства просты
И верна мысль эта:
Быть не может Темноты,
Если нету Света.
Я источник был огня,

Что во мраке светит,
И выходит: без меня
Нет тебя на свете!
Темнота: – Утверждением этим я
Вовсе не задета:
Точно также без меня
Быть не может Света!
Ты бы лучше помолчал,
Уважая Вечность.
Я – начало всех начал
И всему конечность.
Я всегда в своей красе,
В этом моя сила.
Гаснет всё и гаснут все,
В том числе светила!
А меня – запомни ты! –
Всем всегда хватало,
Ведь не скажут: Темноты,
Скажут: Света мало.
Фонарь: – Мало света? Вот те на!
Что же тут плохого?
Но в любые времена
Скажут: Света много!
Света много – ярок день,
Или вечер светел.
Кто ж твою ночную тень
Радостью отметил?
Хищный зверь? Бандит лихой
На большой дороге?
Темнотой ночной глухой
Соблазнишь не многих!
Темнота: – Темнотой не соблазнишь,
Ну, а сильным Светом
Всех, фонарь, развеселишь,
Ублажив при этом?
Нет, голубчик мой, шалишь!
Времена бывали,
Когда Светом только лишь,
Как огнем, пытали!
Фонарь: – Темнота! В тебе самой

Палача задатки:
Дни без Света – о-ё-ёй,
Как они не сладки!
Ведь известно всем давно,
Что ты есть за птица.
Темнота ты в о б щ е м , но
В ч а с т н о с т и темница.
Кто в застенках побывал
И в живых остался,
Никогда не горевал,
Что с тобой расстался! . .

Заключение

Может, кончился тут спор,
Может, продолжался,
Я скажу лишь, что с тех пор
С ними не встречался.
Кто из них перетянуть
Смог и не поддался,
Я не знаю. Заглянуть
К ним я не пытался.
Не хотел рубить сплеча
И без подготовки,
Да и не имел ключа
Я от той кладовки...

Постскриптум

Примите притчу вы на веру.
В ней есть особенный резон:
Знать Темноте и Свету меру –
Вот жизни основной закон!
Нам Бог доверил Свет хороший,
Лишь отделив его от Тьмы,
И Разум дал, чтоб эту ношу
Во Зло не превращали мы.

БОЙНИЦЫ И ДВЕРИ

(Из цикла «Песни малой Родины»)

Я бежал от похвал и от ласки.
Я терялся от лести в лицо.
В моей жизненной вздыбленной сказке
Я немало встречал подлецов.

Знал я хамства различные виды.
С лобызанием не был знаком.
И сердечная боль, и обиды
Оставались в душе под замком.

Мне суровую ласку дарили
И сибирских лесов океан,
И ручьи, что в распадках бурлили,
И предгорье Алтайских Саян.

Они щедро меня наградили
Бескорыстной любовью простой.
От житейских невзгод защитили
Первозданной своей красотой.

Закрутилась жгутом моя сказка:
Передряги, гульба да стрельба...
Словно с горки летели салазки,
А в салазках – шальная судьба.

Встречный вихрь перехватывал голос,
Зачастую казалось: вот-вот
Кто-то ножку подставит под полоз
И к обрыву направит полет.

Может быть, в это трудно поверить,
Я и сам осознал лишь теперь:
Не дала мою душу похерить
Мне в Природу открытая дверь.
Не дала среди каменных шпилей
Песни древнего леса забыть.
Не дала от утрат и насилий
Прежде времени сердцу остыть...

Жизнь катилась по ратному полю.
Под огнем из державных бойниц

Я писал и тоскою, и болью,
И любовью токующих птиц.
Моей жизни любовь и основа
По сей день сохранились во мне.
Малой Родины снова и снова
Слышу песни я, только... во сне.

БЕДА

Не знаю кто, не знаю, где,
Уже забыл, когда
Сказал, что жизнь сродни беде
И дружит с ней всегда.

Не знаю кто, не знаю, где
Об этом мне сказал.
А то, что жизнь сродни беде,
Я сам потом узнал.

Друг у меня хороший был.
При случае тогда
Он в утешенье говорил:
– Ну, это не беда!

Когда я бегал сорванцом,
Когда страдал народ,
Мне говорили мать с отцом:
– Беда твоя пройдет!

Ушли родные навсегда,
И друг давно ушел.
С уходом их что есть беда
Узнал я хорошо...

Когда коровой на рога
Был поднят верный пес,
В буренке видел я врага,
Немало пролил слез.

Была объявлена война
«Бодучке». Я понять
Не смог, что бросилась она
Теленка защищать.

Хоть много утекло воды,
Тот случай не забыть.
Тогда казалось, что беды
Страшней не может быть...

Нас неурядиц разных рать
Преследует всегда.
Беда, коль некому сказать,
Что это – не беда.

ГОЛОД

В зловонном, стоками промытом рву
Сгорает жизнь на жертвенном огне.
Я голодаю, помня ту траву,
Что мыла росами когда-то ноги мне.

Господствует теперь универсам.
И в прошлое навек закрыта дверь.
Я голод ощущаю по лесам,
Где жил когда-то их хозяин – зверь.

Хоть кока-кола властвует везде
(Что делать, если век теперь таков),
Я голод ощущаю по воде
Нерадиоактивных родников.

Я вижу в ядовитой дымке-мгле
Сосущих кровь земную упырей.
Я голод ощущаю по земле –
Меня родившей матери моей.

ЗАЛОЖНИКИ

Летит планета в никуда.
О ней скорбеть не надо вроде.
Но я скорблю – скорблю всегда
Об умирающей Природе.

Моя душа скорбеть устала, –
От скорби этой проку мало.

А если в корень посмотреть, –
Планету надо пожалеть
Всему народу поголовно,
Не относясь к ней уголовно.

И люд простой, и короли –
Мы все заложники Земли.

КОТЁНОК

В час ранний обычных студенческих гонок,
С остатками сна на лице,
Студенты спешат, и бездомный котёнок
Встречает их всех на крыльце.

Как нищий ребенок у божьего храма,
Подачки и ласки он ждет.
Но клан молодежный, не ведая срама,
Всё мимо и мимо идет...

Не стану студентов судить слишком строго.
В разгаре у них за дипломом гоньба.
Ждет многих из них на житейской дороге
Такая же, как у котенка, судьба.

ВОЙНА

* * *

Самая страшная дата,
Непреходящая боль,
И по сей день, как когда-то,
Сыплет на раны нам соль.

Самая страшная дата
В самый безжалостный век.
За сумасбродство расплата
Сонмищем вдов и калек.

Самая страшная дата.
Час спускового крючка.
Шли на закланье ребята.
Ширилась крови река.

Прах безымянный солдата –
Символ на все времена...
Самая страшная дата,
Скорбная дата – война.

* * *

Большие войны, малые –
Всегда следы их алые.
Оправданные, зряшные –
Всегда следы их страшные.
С разгромами, с победами –
Всегда чреватые бедами.

* * *

Была в сорок пятом победа,
Весомее всех побед.
Я с ней не поздравил деда:
Умер осенью дед.
Жил, на раны не глядя,
Почти девяносто лет
Мартынов Иосиф, мой дядя,
Мой славный сибирский дед.
Был он всегда при деле.
Трубку курил и пил.
Шрамы носил на теле.

Наград носить не любил.
Не мог я поздравить деда:
Умер осенью дед...

Была в сорок пятом Победа,
Весомее всех побед.

* * *

Я поздравляю ветеранов.
Их не унес военный смерч.
Я поздравляю ветеранов,
Что в битвах победили смерть.
Я поздравляю ветеранов,
Которые еще живут,
Хоть ноют боевые раны
И только хлеб порой жуют.
Я поздравляю ветеранов
С победой трудной и большой.
Я поздравляю ветеранов
Рассудком, сердцем и душой.

* * *

Нам примелькались калеки.
Стала обычной война.
Дарит нам – в кои то веки! –
Лишь передышку она.
Катится огненным смерчем,
Или гадюкой ползет.
Остановить ее нечем, –
Гибнет несчастный народ.
Гибель народа и муки –
Бизнес крутой для иных:
Греют преступники руки
Над очагами войны.

СТРЕЛЫ

Стрела летит быстрее птицы,
Стряхнувши узы колчана.
Кого убьет, во что вонзится, —
Того не ведает она.

Стреле присуще постоянство.
Когда шальной дегенерат
В живое перед ним пространство
Стрелу пускает наугад,
Она не может отклониться,
Преграду ей не обойти
И в то обречена вонзиться,
Что встанет на ее пути.

Но могут все остаться целы:
Стреле не встретилось преград.
И только роковые стрелы
Судьбы летят не наугад.

К 20 ФЕВРАЛЯ

Две тысячи четвертый год
Печалей, радостей, забот,
Хороших и плохих годин, –
Из них мне семьдесят один.

И слезы были в них, и смех,
Февраль всегда дарил мне снег,
И я, потомок обезьян,
Смотрю на снег и ем банан.

20.02.04

РОДИНА

Я писатель русский
По душе, по крови.
С деревянной хатой
С детства я дружу.
Снятся мне лошадки,
Снятся мне коровы –
С ними, как когда-то,
По лугам хожу.

Я писатель русский.
Выращен Природой.
Вышел из сибирской
Глубины лесов.
Мне постелью были
Копны и зароды,
Зори мне дарили
Песнь тетеревов.

Я писатель русский.
Родины наследство
В сердце неизбывно
У меня живёт.
Я поэт сибирский,
Грустно и призывно
Мне во снах из детства
Родина поёт.

НАПИТОК

В той стране, где в речке
Крокодил живет,
Как на теплой печке,
Кофе куст растет.

Этот куст упорно
Человек творил,
Вырастил, и зерна
В чашке растворил...

В необъятном мире
Был участок пуст.
И на нем в Сибири
Стал расти мой куст.

Куст в оправе сорной
Жизни не зачах.
Из него я зерна
Растворил в стихах...

Жидок мой напиток
Или слишком густ?
Сахара избыток?
Горьковат на вкус?

Вкусы не для спора,
А ответ простой:
Радость в нем и горе
Жизни не пустой.

Пусть не очень сладок,
Горьковатый пусть, –
Горестный осадок,
Пожилая грусть.

В нем следы сокрылись
Шторма и грозы.
Канув, растворились
Три моих слезы.

Первая от боли
За убитый лес,
Неживое поле,
Мертвый дождь с небес.

А слеза вторая,
Что лебяжий клин
Выжал, улетаю,
Из души глубин.

Третья капля влаги
Горше первых двух
Об ушедших в лагерь,
Где Харона дух.

И зерно, конечно,
Растворил в нем я
То, что с нами вечно –
Радость бытия.

А МАМА ВИНОВАТА

Один прижился за границей
И мать свою совсем забыл,
Другой в плену дурных амбиций
Буянил, пил и маму бил.

Узнав об этом, «иностранец»
Вину на мать переложил,
Мол, строгости не знал, засранец,
И, как ему хотелось, жил,
Что мама баловала брата
И волю полную дала...

А мама в том лишь виновата,
Что их когда-то родила.

05.03.07

ВЕРА

Церковь или синагога, –
Люди в храме ищут Бога.
Но не нужен храм уже,
Если Бога нет в душе.
И скорбя, и веселясь,
Можно верить, не крестясь.
И совсем уж не годится
Верой хвастать и гордиться.
Во главе когорты сей
Крест целует фарисей.

НАДЕЖДА

Известно, что в иные дни
Надежда глупости сродни.
Специалисты по надежде
Нас охмуряют, как и прежде.
Но без неё, как ни крути,
Нельзя по жизни нам идти.

ЛЮБОВЬ

Любовь, как до весны сугроба,
Не просто донести до гроба.
Бывает, что любовный взрыв
Переживают, с горя взыв.
Но эта вспышка лишь одна
Жизнь может озарить до дна.

РАСКЛАД

(Из цикла «О Любви»)

*Не стареет и не старится
Наша первая любовь.*

Из песни

Страшишь любви...

М. Ю. Лермонтов

*Спереди любил бы,
А сзади убил бы.*

Пословица

*У тебя насчёт любви
В голове неурожай.*

Из частушки

Всю жизнь до смертного одра
Любовь... О, как она мудра!

Сшибает, ставит на попа
Любовь... О, как она глупа!

В раскладе жизненном таком
Стоят и умный с дураком:
Тот и другой, как ни печально,
Необходимы изначально.

ПИРОГ

Делю я день свой на куски
По схеме будней беспристрастно:
Один для грусти и тоски –
Для бытового стрессконтраста.

Другой из составных частей –
Для насыщения желудка,
Кусок из творческих затей
Для вдохновенного рассудка.

Ещё один большой кусок –
Для «вечного» моя работа –
Уходит, как вода в песок:
Сей кус в верхах съедает кто-то...

Но будь пирог хоть из травы,
Богат начинкою иль беден,
Он всё же каждый раз – увы! –
Бывает без остатка съеден.

О ВОЙНАХ И ПОБЕДАХ

(В День Победы)

Уходят отцы и деды,
Уносят победные сны.
Уходят также победы
Каждой новой весны.

Вёсны в строй, как солдаты,
Становятся после зимы.
Но от победной даты
Все дальше уходим мы.

Все меньше душа ликует,
Все меньше скорбит она.
Привычку взяли такую,—
Идет за войной война.

Что же в памяти будет
Кроме бессмысленных бед?
Побед не празднуют люди:
Побед в этих войнах нет.

* * *

В нищей стране за туманными далями
Из беспредела не видно путей...
Нынче в Чечне награждают медалями
Наших, пока не убитых детей.

Тех, кто недавно обсасывал пальчики,
Сколько сегодня осталось из ста?
Весело гибнут российские мальчики
«С бодрой улыбкой на юных устах».*

Поздно погибнут они или рано, –
Кто-то присвоил короткий их век...
Нагло глядит с голубого экрана
Непобедимый народный абрек.

Деток своих генеральские дамы
Предпочитают на дачах пасти.
Едут под пули солдатские мамы,
Чтобы от пуль своих деток спасти.

Но не спасти им их, радостно павших
Где-то в развалинах, где-то в кустах.
Может быть, маму на помощь позвавших
«С бодрой улыбкой на юных устах».

* Из выступления министра обороны.

ГРОБЫ

Белоснежные пиков узоры –
Покоряются им облака.
Я на эти высокие горы,
Пролетая, смотрел свысока.

Проплывали ущелья, отроги.
И под рокот натужный турбин
Представлялась арба на дороге
И с кнутом, на арбе осетин.*

Много лет с той поры пролетело,
Но всё тащат те клячи арбу
И поэта убитого тело
В необычном – из цинка – гробу...

Когда вновь пробудились вулканы –
Там Афган, тут Чечня, Карабах,
Потянулись на Русь караваны
Тел в обычных – из цинка – гробах.

* Осетин вёз в гробу тело Грибоедова

* * *

1.

Я родился под знаком Христа
С неизбывной верой в Добро.
Не носил на шее креста,
Но и бес не вошел в ребро.
Церкви не было в годы те
В нашем сельском углу глухом.
И ходили крестить детей
Все в другое село пешком.
Но судьба не хотела, чтоб
Моего крещения план
Состоялся: таежный поп
Был в тот день непотребно пьян.
И пришлось всем домой шагать,—
Прижились там нужда да сума.
А моя незабвенная мать
Окрестила меня сама...
В церкви я не крестился потом.
Буду божьим судом прощен:
Не хмельным забулдыгой-попом,—
Материнской верой крещен.

2.

Вера в Бога у всех одна.
Не украсит ее парча.
Золотой мишурой она
Тяжкий крест не снимет с плеча.
Как ни гнула меня судьба,
Крест я свой сквозь годы пронес.
Только вера в добро раба
Избавляет от злобных слез.
Я не верю тем кто, устав
От бесовской с людьми борьбы
И забыв свой партийный Устав,
Троеперстьем пятнают лбы.

А когда укрепят свою власть
(И с крестами на шее и без),
Над людьми измываться всласть
Снова их оседлает бес.

СКРОМНОСТЬ

Всему содеянному рад
Без милостей и без наград.
По божьей воле жизнь прожил
И большего не заслужил.

ПЕРПЕТУУМ МОБИЛЕ

На шаре голубом я облетаю солнце,
Оно всему земному жизнь даёт,
Закроет время ставнями оконце,—
Я в темноте продолжу свой полёт.

Мой вечный двигатель зарядит навсегда
Своим лучом упавшая звезда.

К 20.02.07

МОЙ ПОЕЗД

Мы над расстоянием
Празднуем победу.
Мне из сна послание,
Что куда-то еду.
Сон смотрю покуда,
Двигаюсь вперёд.
Всё туда, откуда
Поезд не придёт.

А ВЕРЫ НЕТ

Памяти любимой сестры

Как прежде, воды к Енисею
Мчит Кан. Леса меняют цвет.
Как прежде, Канском я болею,
Я там душой. А Веры нет.

Я аромат цветов лелею
Из наших встреч ушедших лет,
Я памятью теперь болею,
Всё живо в ней. А Веры нет.

Лечить недуг свой не умею.
В сибирский панцирь он одет.
Я никогда не встречусь с нею.
Я буду там. А Веры нет.

Весною с юга птиц станицы
В мой край родной несут привет.
Роняют над погостом птицы
Печальный крик. А Веры нет.

ССЫЛЬНЫЕ

Со ссылкой я знаком не понаслышке.
Знаком я также с правом крепостным.
В глухом селе сибирском мне, мальчишке,
Пришлось столкнуться сразу с *ней* и с *ним*.
Я вынес много впечатлений сильных
Не для восторженных рассказчиков
взахлеб...

Деревня наша принимала ссыльных.
Мы вместе там выращивали хлеб.
Через село обозы проезжали –
Везли наш хлеб в «обетованный» край.
А за возами пацаны бежали,
Уныло клянча: «Дядька, хлеба дай...»

Латыш, который делал нам качели
(Он ссылку отбывал за свой народ),
Однажды вытащил свою вставную челюсть,
Сказав: «Тут хлеб» – соскреб и съел налет.

Сибирь – какие б страсти ни пылали –
Всегда воспринималась, как беда.
Как в каторгу, в Сибирь людей ссылали,
А мы в ней были ссыльными всегда.
Они терпели свой удел печальный,
До вызволения считали дни.
Мы ж были крепостными изначально,
Без права выезда мы были, как они.

И вопреки всеобщему причастью
Отцу народов в гиблые года,
Со ссыльными друзьями по несчастью,
Да и по духу, стали мы тогда...

Какие б жизнь ни строила нам козни,
В беде людской добра не гаснул свет.
Вот почему национальной розни
В Сибири сроду не было и нет.

РАССУДКУ ВОПРЕКИ

Купаться опасно
Из щита на пляже

Я опасаясь, но купаюсь.
Я смел и дерзок, но боюсь.
Я добродушен, но кусаюсь.
Я полон грусти, но смеюсь.

* * *

Со мной живет мое земное братство.
Нетленной жизнью теплится оно.
Я говорю всему живому: здравствуй,
Деревьям, людям, птицам – все равно.

СОЗВУЧИЯ

ФЕВРАЛЮ

*Природа севера за ним от колыбели
Суровой нянькою ходила много лет...*

Л. Мей

Февраль - мой месяц белый-белый,
Отец метели озорной,
В двадцатый день свой в колыбели
Ты познакомился со мной.

Ты заглянул в окошко хаты,
Оставив на стекле узор,
Укутал крышу снежной ватой,
В сугробе утопил забор.

Тебя хранит поныне память
Семнадцати сибирских лет.
Ты окунал в снега и плавать
Учил, как внука строгий дед.

Судьба меня сместила к югу,
Где ты дождем асфальт долбил...

Твою, февраль, шальную вьюгу
Я до сих пор не разлюбил.

ВАМ НЕ ПОНЯТЬ

(Людям будущих поколений)

*В Рим мое сердце не просится,
В тень не хочу Колизея –
Сердце мечтою уносится
К диким волнам Енисея.*

В. Щиглев

Вам не понять душевной раны,
Когда бульдозером валить
Вдруг стали рощу утром рано,
Оставив все деревья гнить.

Вам не понять ту гнева вспышку,
Когда бесчувственный дебил,
Чтобы в мешок добавить шишку,
Столетний кедр в тайге срубил.

Вам не понять, когда на мушку
Хотелось нелюдя поймать,
Что добыл летом соболушку –
Собольего семейства мать.

Вам не понять ударов вражбих,
Когда подонок-лиходей
Стрелял в упор детей лебязбих –
Еще не белых лебедей.

Вам не понять протест растущий,
Когда, возглавив комбордель,
Ручных бизонов били в пуще
Хрущев Никита и Фидель...

Мир первозданный всяк забудет,
Имея созданный взамен,
Что волновать не больше будет,
Чем на витрине манекен.

* * *

*Закат в крови! Из сердца кровь
струится!*

А. Блок.

Стихи мои, как вас остановить,
Хоть с вами оказался на мели я?
Неужто сердце будет вас струить,
Как рана кровь струит,
 когда гемофилия?

* * *

*Бьем
грошом.
Очень хорошо.*

В. Маяковский

Что-то сверху капнуло,
На щеку попало,
То ли птичка какнула
И в кустах пропала,
То ли капля с листика
(Ночью дождь прошел),
Даже если мистика -
Очень хорошо.

ЖАЛОСТЬ

*Пожалейте меня, -
Мне еще предстоит умереть!*

М. Светлов

Мы родимся с верою в удачу,
Пленники иллюзий и надежд,
Ну а жалость ничего не значит
Для бездушных нравственных невежд.

Человека жалости лишая,
И – подобных аналогий нет, –
Жалостью его не унижая,
Бодро отправляли на тот свет.

Может быть, немножечко помешкав,
Может быть, слегка нахмутив лоб,
Пролетарский гений Горький-Пешков
Бросил лозунг – не жалели чтоб.

Как страшна жестокостью бравада!
Вслед за ней косою машет смерть...
Нам теперь жалеть учиться надо,
Чтобы навсегда не озвереть.

9 МАЯ

*Вздохните люди,
Переступив войны порог ...*

А. Твардовский

Триумф побед -
Предвестник бед
В семнадцатом
И в сорок пятом -
На вышках лагерных
Распятом.

ШАЛУНЫ

*Ах, много, много мы шалили!
Быть может, пошалим опять.*

А. Полежаев

Посулами народ подкупишь,
И конформистом-наглецом
Ему опять предложен кукиш,
Но с "человеческим лицом".
Номенклатурные комтрутни
Обедню новую творят.
Тут разберись попробуй – врут ли,
Или же правду говорят!
Любой пройдоха рад удаче,
Когда простак-народ надут.
От счастья Жириновский скачет,
Воздвигнув в Думе свой редут.
Веселых много дел вершили.
Детей губили, как котят ...
Тогда с Иосифом шалили
И снова пошалить хотят.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

*Прошли те времена, как верила Россия,
Что головы царей не могут быть
пустые.*

Н. Языков

Народ наш поумнел теперь насколько:
Пустые головы он в Думе видит только.

ПОСТОЯНСТВО

*Осел в суде,
Дурак везде!
Мужей в рогах
Девуц в родах
Мужчин в четцах
А баб в портках
Найдешь у вас,
Как и у нас...*

П. Вяземский

Прошло сто лет –
Движенья нет.

* * *

*О, что за облако над Русью пролетело,
Какой тяжёлый сон в пустых полях!*

А.Н. Апухтин, 1892

Когда подует ветер с юга
И дождь прольётся на снега,
Россия – пленница недуга –
Лежит, безмолвна и нага.
Невеста царская былая
В грязи и слякоти лежит.
Над ней, добычи ожидая.
Стервятник медленно кружит.
Она ограблена, пропита
Бесовской шайкой упырей,
Коварных хищников-бандитов,
Некоронованных царей.
Её тоска и боль – всё свято.
И сколько птице ни кружить,
Ей, на пустых полях распятой,
Дано, воскреснув, вечно жить.

ОТВЕТ

*Не сказывай, что взор встречает,
Когда покров с себя ночной
Откинет - легкою ногой ...*

П. Вяземский

Бог создал Еву, и с тех пор
Одно и то ж встречает взор.

РОССИЯ

*С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.*

М. Цветаева

Россия – колкая мякина,
Россия – горькая трава.
Поругана, распята, и на
Кресте своем она жива!

Россия – ворон ли пророчит,
Россия – бьет ли плотный град.
Тот, кто ее покинуть хочет,
Жратве и тряпкам только рад.

Россия – так давно там не был.
Россия – так горька слеза...
Как прежде, отражает небо
Ее бездонные глаза.

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

*Я тебя полюблю, как люблю я могучий,
Пышный шорох лесов, и закаты, и тучи...*

В. Набоков

Что скрывать мне теперь, когда жизнь на исходе,
Как на исповеди говорю:
Никогда не любил очень сильно я вроде,
Разве только весной,
на току глухаринном, зарю.
Из-за женщин не дрался ни с кем на дуэли,
В морду тоже по этой причине не бил.
Я любил беззаветно и сосны и ели,
И цветы своей Родины – малой и милой – любил.
Я вам честно скажу – не хочу лицемерить,
На охоте немало зверья погубил.
Но любил – в это, может быть, трудно поверить—
Всех зверят и птенцов, очень сильно любил.
Не кривлю я душой романтизму в угоду,
С ним не вяжется возраст теперешний мой,
Я любил, очень сильно любил непогоду –
Летом бурные грозы, лихие метели зимой.
Объясняться в любви неудобно когда-то
мне было,
Но теперь, видно, час объясниться пробил.
Если так же как я ты сибирскую осень любила,
Значит, я тебя тоже не меньше любил.

ПЕНСИОНЕРКА

*... Ползет семидесятилетняя,
Горбатая и лысая,
В платке, завязанном по-летнему,
Одна. С какими мыслями?*

Н. Дементьев

Идет она, забитая,
И старая и хилая,
Властями позабытая
Учительница милая.
Правители-грабители
Украли сбережения,
Подачкой обидели,
Лишили уважения.
Думские люди стольные,
Ее из жизни выселив,
Свои оклады вольные
Во много раз повысили.
Несла свой крест и мучилась.
Надежды были, чаянья.
Теперь всё улетучилось,
Осталось лишь отчаянье.
Теперь, как в жизни водится,
Мотив забытый слышится –
Ходи, покуда ходится,
Дыши, покуда дышится...

ДРЕВО ДУХА

*Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды,
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.*

Н. Гумилев

Ты почти засохло, древо духа,
Без добра живительной воды:
Не коробят зренья и слуха
Нам твои кровавые плоды.

Мы давно привыкли это древо
Лишь враньем да злобой поливать.
Нам теперь всего дороже чрево
И заморской жизни благодать.

Им не жаль плодов от древа духа,
Продают – побольше лишь бери!
А плоды на древе том – порнуха,
Призраки, садисты, упыри ...

От плодов заморских худо будет, –
Шаг остался до большой беды.
Образумьтесь же, очнитесь, люди,
Разве эти нам нужны плоды?

ЛИЦА

*Как тяжело смотреть на сумрачные
лица Семьи, где издавна господствует
разлад.*

А. Плещеев

Когда прошла меж душами граница,
В карманах друг у друга шарим мы,
Я на экране вижу эти лица –
Виновников кровавой кутерьмы.

Одна и та же мысль меня тревожит
При виде их самовлюбленных рож:
Людская совесть разве их не гложет,
Что из-за них ведь

гибнут люди все ж!

Людская совесть... Я ловлю на слове
Себя, переживая эти дни.
При чем тут люди и при чем тут совесть,
Все дело в том, что нелюди они.

КРИК ДУШИ

*Ты право, пьяное чудовище!
Я верю: истина в вине.*

А. Блок

Когда сижу, вину послушный,
Чуть-чуть бытстрессы приглуша,
Свой разговор архинасущенный
Ведем вдвоем – я и душа.

Настрой создав у чуткой дамы,
Царапнув по стеклу гвоздем,
Я задаю вопрос: – Куда мы
Теперь идем? Когда придем?

От раздирающего звука
Воспрянув и затрепетав,
Душа воскликнула: – А ну-ка
Послушай общий мой устав!

Жить нужно проще и бодрее.
Почаще и побольше пить.
Тогда дойдешь ты всех быстрее,
Уже сегодня, может быть.

ПОЭТАМ

*В поэтов верует народ.
Мгновенный обладатель трона,
Царь не поставлен выше их.*

В. Кюхельбекер

Поэты выше всех должны
Стоять, но помнить лишь при этом:
Стихи народу не нужны,—
Стихи нужны самим поэтам.
Не спорьте, спрячьте меч в ножны,
И не фехтуйте словесами.
Стихи важны. Стихи нужны.
Пишите и читайте сами!

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

*Склонившись над кругом штурвала,
Назад повернул я в туман.*

Саша Черный

Ковчег наш неверных и верных
Прошел сквозь застойный туман,
И курсом реформ беспримерных
В открытый ушел океан.

Но тут подкузьмила планета:
Хоть курс был прямее струны,
Попал, обойдя вокруг света,
В туман он с другой стороны.

МАТБУМЕРАНГ

(Из цикла «Народное».)

*Жизнь свою держи за узду,
На жребий свой не ахай,
Если тебя посылают в,
Ты посылай на ...*

В. Астафьев. Из письма.

Посылайте так, ребята,
Чтобы не было возврата,
Ведь ответный ход чреват:
Может поразить вас мат.

ОТ ДУШИ

*Есть у людей тела и души,
Есть и у души глаза и уши.*

Б.Чичибабин

Есть у душ глаза и уши,
Есть и совесть (не всегда).
Есть тела – нам с ними лучше
Не встречаться никогда.
С ними знаться не спеши:
Бьют наотмашь – от души.

ПАРАДОКС

*О минувшем,
Обманувшем
Их напевы нам поют.*

К. Бальмонт

«Не всё сбылось и удалось», –
Звучит душевный зуммер.
Не все сбылось и удалось, –
Я потому не умер:
Возможность сбыться надо дать,
А, значит, дальше жить и ждать.

ПАМЯТНИК

(Из цикла "Символы века")

Я памятник себе воздвиг нерукотворный

А. Пушкин

Пускай я сдохну,

Только...

Нет,

Не ставьте памятник в Рязани!

С. Есенин

Мы памятник себе воздвигли сами,
И культом личности совсем не пахнет тут.
Наш пьедестал – телега, тачка, сани.
На пьедестале – плётка и хомут.

Мы слов для надписи искать не стали,
Но в назидание потомкам с этих пор
Один лишь знак на нём кавказской стали
Как символ века – плаха и топор.

Как символ века место монумента –
Страна, где трепетал кроваво-красный флаг,
Где вечной мерзлотой отметила планета
Народом проклятый архипелаг ГУЛАГ.

ТЯГА

*Чтоб за все грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.*

С.Есенин

Мы верим в Господа на всякий случай.
Жизнь, как бурёнку, в старость отдоив,
Нам ничего не остаётся лучше,
Как мыслью тешиться: а вдруг да и...

И президенты, и крутые лица,
Чья совесть замыкается на нуль,
Не потому ли в храм идут молиться
И Маркса предают не потому ль?

Оставив лишь следы грехов на лицах,
Вся жизнь прошла, не выдав ни шиша.
И всё же каждый дальше жить стремится, –
К загробной жизни тянется душа.

Жизнь разменяв на годы, дни, недели
В борьбе за блага в обществе крутом,
Мы постоянно думаем о теле,
А душу оставляем на потом.

И лишь тогда, когда до дна из чашки
Жизнь расхлебает человечья рать,
Крутой народ и слуги – все в рубашках,
Все под иконами желают умирать.

УДАЧА

Каждый труд благослови удача!

С.Есенин.

О мои случайные удачи ...

Не печалься, сердце, и не плачь:

Та удача ничего не значит,

Что идет из серии удач.

Пусть удача пролетит как птица,

Хрустнет, как надломленный сучок,

Вспыхнет, как вечерняя зарница,

Промелькнет, как в роще светлячок.

В жизни все и призрачно и зыбко.

Что длинней и что короче в ней?

На лице мелькнувшая улыбка

Может быть удачей многих дней.

Не скорби и ты, мой друг, не сетуй

И не плачь, конечно же, не плачь,

Жизнь свою – мелькнувшую комету –

Исключив из серии удач.

МАЛЬЧИК ИЗ СЕЛА

Памяти Юрия Качаева

Мальчику природа
Душу раскачала.
Доброе начало
С творчеством свело.
К Енисею юность
Кан-река умчала,
С жизнью повенчало
Бражное-село.

А судьба судила
С родиной проститься,
А судьба с московским
Омутом свела.
Многих поглотила
Хищница-столица, –
Стал столичной жертвой
Мальчик из села.

Быстро отшумели
Бурные денёчки –
Частые застолья,
Денежный недуг...

Жаль, что слишком рано
Перевёл ты в строчки
Жизнь свою шальную,
Мой сибирский друг.

ПАМЯТИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

Когда не пускала ступить за черту
Комвласти держава,
Надежду всеял и дарил доброту
Булат Окуджава.

Когда в чёрном омуте жизни кружусь,
На дно опускаюсь,
Я в Синий троллейбус, как прежде, сажусь,
От горя спасаюсь.

О друге ушедшем ты слёз не таи,
Друзей сверхдержава...

Мы все – до конца – пассажиры твои,
Булат Окуджава.

**ПАМЯТИ
В.П. АСТАФЬЕВА**

В порочный век засилья бредней
Страданьем, сердцем и умом
Вычесывал ты острым гребнем
Из жизни мусор и дерьмо.

ОДИННАДЦАТЬ БЕРЕЗ

*У могилы Виктора Петровича
Астафьева
растут одиннадцать берез. Их листва
увлажняется дыханием Енисея,
и березы «плачут» каплями росы.*

Одиннадцать берез,
холм из венков и роз.
Одиннадцать берез,
обнял их взглядом все я.
Одиннадцать берез,
роняют капли слез,
Пришедшие из русла Енисея.
Одиннадцать берез,
и сосенки вразброс.
Душа скорбит,
душа в плену недуга...
Одиннадцать берез,
я к ним слезу принес –
Соленую слезу
Из южной глади Буга.

*Овсянка – Красноярск – Николаев
15.08.02*

* * *

В.П. Астафьеву

Бодрые витязи скачут.
Витязям всё по плечу.
Я же сегодня поплачу,
В скорби своей помолчу.

Не богатырь я, не витязь.
Мне героизм не знаком.
Но и Астафьеву Вите
Плакать случалось тайком.

Друг наш ушедший, простите
Мне фамильярность мою.
В Вашем овсянкинском быте
Жизнь я свою узнаю.

Выплакать горе не хватит
Слез Вашей Родины всей...

Только по-прежнему катит
Волны свои Енисей.

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

*Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам*

М. Цветаева. «Лебединый стан»

Не стану я, другим под стать,
Её судьбу в стихи вплетать.
Нужна молитва, а не стих
За наших мучениц святых,
Что исчерпали до конца
Свои великие сердца.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ А.С.ПУШКИНА

1.

КОМЕТА

Летит среди светил комета,
Вершит свой бесконечный путь.
И шлейф ее, как след поэта,
В веках не потускнел ничуть.
Нам гений дарит свет нетленный.
На «ты » с сердцами говорит.
И в бесконечности вселенной
Вселенским факелом горит.
Летит среди светил комета
И отражает свет чужой.
Но светоч гения поэта
Не отраженный. Он – живой.

2.

ДАР

Нам крылья Пегаса поэт подарил.
Без стука колес и без шума ветрил
По книжным страницам нас крылья несут.
В любую минуту вершится маршрут
И в сказочный мир, и в событий поток.
А праздник души – неизменный итог.

3.

РОДНИК

Его поэзии родник
питали три струи, сливаясь вместе:
Любви, достоинства и чести.

4.

НАСЛЕДСТВО

Его души великое наследство
Нам скрашивает жизнь
И возвращает детство.

5.

СПОР

На холмах Грузии,
 в лесу, в степи, у моря
Витает дух его, с рутиной рабства споря.

6.

У КАЖДОГО СВОЙ

С ребячьей поры
 до доски гробовой
Живет с нами Пушкин.
У каждого – свой.

7.

ДУЭЛЬ

Тебя проглядели, поэт дорогой.
Но ведь без дуэли ты был бы другой.

ПО ПУШКИНСКИМ СЛЕДАМ

В Одессе не оглянешь
Мемориальных мест:
Ходи, пока устанешь,
Пока не надоест.

На бывшей Итальянской
Есть Пушкина музей –
И местный, и не местный,
Народ, ходи глазей!

Не все теперь, как было,
И улицы не те,
Но время пощадило
Гостиный двор-отель.

В отеле бывшем этом,
В те дни поэт гостил;
Скрипел его паркетом,
Червонец в день платил.

Здесь жил поэт в охотку:
То опера, то бал...
Но и на тайных сходках
У греков он бывал.

Спешат, вином налиты,
Стаканы на поднос.
А кто-то из элиты
Строчит царю донос...

* * *

Неся в Одессе бремя
Служебной чепухи,
В оставшееся время
Поэт писал стихи.

На саранчу поэта
Наместник посылал;
Боясь насмешек света,
Он ревностью пылал.

И цвета не отцова
(Такие вот дела)

Графиня Воронцова
Дочурку родила...
Гоним судьбою, вскоре
Отбыл он в отчий край.
– Прощай, – сказал он, – море!
Вздохнул прибой: – Прощай!..

* * *

Мы мчались на «тойоте»,
Дождинками пыля,
Как в бреющем полете,
Сквозь хлебные поля.

Я, утонув в подушке,
Отдавшись весь езде,
Сидел и думал: Пушкин –
В России и везде...

В салоне шелестели
Беседы наших дам.
И в город мы влетели
По Пушкинским следам.

Одесса – Николаев

В. И. ДАЛЮ

Все быстротечно,
Все трын-трава,
Но в мире вечно
Живут слова.
Как из Вселенной
Сквозь сотни лет
Мерцает звездный
Нетленный свет,
Так в слове каждом
Живет, дыша,
Душа народа –
Твоя душа.

У МЕСТА ДУЭЛИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

С поворота, словно сквозь ворота,
К месту на земле пройти спешу,
Где его вселенскую заботу,
Грусть и боль впитал в себя Машук.

В свой обычный ритм лишь понемногу
Входит сердце. В горле ком стоит.
«Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый

путь блестит...»

Здесь зачем-то (может быть, постигнут
Это гости из заморских стран?)
Чуть правей и выше был воздвигнут
Памятник кощунству – ресторан.

Музыкой ненужной, безрассудной
Бьет по нервам, словно кирпичом.
«...Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?»

В гущу леса ухожу от воя.
От «Икарусов» дрожит асфальтный путь.

«...Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!»

ДУЭЛИ И ДУЭЛЯНТЫ

Погиб поэт! – невольник чести.

М.Лермонтов

Нам ни к чему теперь дуэли,
Зато разборкам место есть.
Ну что за прихоть, в самом деле,
Спасать достоинство и честь!
Когда-то пал невольник чести.
Достойно он покинул свет.
А был бы он на нашем месте?
У нас тех слов в активе нет...

Прикол, прикид, маркетинг, шопинг
Стоят у входа в наш словарь.
И скоро Учпедгиз как допинг
Включит вокабулы в букварь.
Достоинство и честь, и гордость
Ушли давно на задний план.
Сменив порядочность на подлость,
Стал воровской почетным клан.

Заполнил все экраны триллер –
Надежный кассовый гарант.
На поединки ходит киллер –
Наемный клана "дуэлянт".
Его оплачена работа
И безопасна, не как встарь:
Он бьет всегда в одни ворота,
И пули ловит лишь вратарь.

ГЛУБИННЫЙ СЮРПРИЗ

Андрею

Прозрачность ощущать дано,
Пока сквозь воду видно дно.
В солёной ли воде, иль в пресной
Такое дно не интересно:
Лишь захотеть – в любую пору,
Оно всегда доступно взору.
Но взгляд на дно совсем иной
За недоступной глубиной.
На глубине прозрачность та,
Как вечной ночи чернота.
Чтоб на такое дно взглянуть,
Проделать нужно трудный путь.
Дном мрачной впадины своей
Манил Байкал давно людей,
И в этой впадине был он
Совсем недавно покорён:
Во мраке путь свой отыскав,
Туда спустился батискаф.
Впервые было им дано
Увидеть этой балки дно.
Сюрприз преподнесла им балка:
На дне её лежала... банка.
Так преподносят нам сюрпризы
Словесных вывертов стриптизы.

1982

ОТ А ДО Б

Я всё сказал, что мог сказать
О нашей жизни архигнусной.
Коктейль словесный мой невкусный,
Так что с меня за это взять?
Конечно, есть ещё контрасты –
И алкаши, и педерасты,
Но я – слуга покорный ваш –
Не голубой и не алкаш.
Про них написаны новеллы.
Лимонов Эдичка умело
Изобразил (он знает дело!)
С бродячим негром сексальянс;
Бред алкаша донёс до нас
Певец хмельной горячки белой
Сам Ерофеев Венедикт.
Он со страниц на нас глядит,
Изобразив себя в поэме,
Где нет намёка на стишки,
Но есть Москва и Петушки.
Проехал, помыслами светел
И в стельку пьян (чтоб мир заметил!)
Свой путь, покорствуя судьбе, –
От пункта А до пункта Б...
Так спился с кругу человек,
Сменив на вечность краткий век.
Я в вечность не спешу. Пока
Ещё иду от пункта А.

ЧИТАЯ БРОДСКОГО

Я уважением к нему наполнен до икоты.
На нём великости печать.
Но почему-то нет большой охоты
Его читать.

ПРОХИНДЕИ

(Немного о книге В. Бушина
«ГЕНИИ И ПРОХИНДЕИ»)

1.

Своим эмоциям послушен,
Неудержим Владимир Бушин:
Зловредных гениев породу
На чистую выводит воду.
Певец колхозов, враг наград,
Лобзать он Шолохова рад.
Сразил другого наповал:
В ГУЛАГе трутень жировал.
Прекрасный песенник был тот,
Но в эрудиции – банкрот.
А этот слишком награждён, –
Зачислен в прохиндеи он.
Астафьев – Боже, помоги! –
Зачислен сходу во враги:
Не восхищался, вишь, со мной
Он конъюнктурной «Целиной».
Евгений Ев., Андрей, Фазиль
В литературе прах и пыль, –
Советскую не любят власть,
Ну надо же так низко пасть!

2.

Известен Бушин, наконец,
Как скрупулёзный блохловец.
Я, признаюсь как на духу,
У блохловца поймал блоху.
Ах, эрудитов капитан,
Не «предо мной», а «сквозь туман».*

* М. Лермонтов: «Выхожу один я на дорогу; Сквозь туман кремнистый путь блестит».

3.

Виртуальное резюме автора

Сегодня призваны не мы ли
Очистить наш марксизм от гнили?
Я прохиндеям дам отпор,
Лишь дайте в руки мне топор!
Сгоню в социализм народ
Я – прохиндей наоборот.

Постскриптум

Услуги бесовского ярого зла
Творящего льва превращают в козла.

ОРАНЖЕВЫЙ МУСТАНГ

(Навеяно оранжевой революцией)

Бикфордов шнур приводит к взрыву.
Бессилен водомётный шланг,
Когда оранжевую гриву
Взметнёт взбесившийся мустанг.

Сметает пепел время-веник –
Прах, что безумцами творим.
Нерон – маньяк и шизофреник –
Мустангу отдал древний Рим.

Наш претендент в порыве страсти
Сбирал оранжевую рать.
Был, на пути к верховной власти,
Не прочь с мустангом поиграть...

История нам дарит опыт
Но, неподвластный всем векам,
Оранжевых мустангов топот
Несётся по материкам.

ЗЛОДЕЙ

По людям бил тяжёлый молот.
Народ страдал не на войне:
Неотвратимый лютый голод
Свирепствовал тогда в стране.

От недоеда пухли люди.
Я помню чётко до сих пор
(И кто меня за то осудит?)
Сибирский наш голодомор.

Наедине с бедой остались.
Не ждали милости властей.
Подножным кормом все питались
И грызунами всех мастей.

В еде всегда была потреба.
И, по количеству детей,
Мякинного краюху хлеба
На девять резали частей.

Лепёшки из гнилой картошки,
Весной добытой из земли,
Съедали до последней крошки.
Лишь чудом выжить мы смогли...

Наш «мудрый вождь», хотя и молод,
Нам правду, наконец, открыл,
Что был в стране не просто голод,
То Сталин геноцид творил.

Теперь не след нам сомневаться.
Не просто голод был в стране:
Замысливал злодей остаться
С грузинами наедине.

ЧИН ЧИНУ

(Злободневный этюд)

Без оглядки и открыто,
Люд зажав в тиски,
Тащит чин из госкорыта
Жирные куски.

Неурядиц всех причину
Маскирует всё ж.
Блага делятся по чину,
Украина – тож...

Каждый горы обещает,–
Голос не дрожит!
А народ в стране нищает,
За бугор бежит.

Не решат пока что здраво,
Как им дальше быть.
Видно, крепостное право
Надо объявить.

Залатать своим указом
Роковую течь.
Беглый люд вернуть и разом
Розгами посечь.

МАЛИНА

Гарун бежал быстрее лани.

М.Ю.Лермонтов

Бандит бежал быстрее лани,
Быстрее, чем жертва от ножа.
Маячил впереди Парламент, –
Туда маршрут его лежал.
Что гонит проходимцев ныне
Из комфортабельных квартир?
В Парламенте, то бишь в малине,
Укрыться может рэкетир.

ХОТИМ В ЕВРОПУ

Проспектом Ленина мамзель
Шагает с догом.
Вдруг стала: ждет, когда кобель
Опустит ногу.
Кругом собачье мумиё –
Прохода нету.
Вот если б носом ткнуть ее
В гуано это!

С изгаженной скамьи дебил
Срывает доски.
Его бы в клетку, где мандрил
И недоноски!

Идут надгробия зорить
Из мрака гости.
Туда б их тоже всех зарыть,
Где предков кости!

Парламент наш – и смех и грех –
Живет в охотку.
Собрать бы проходимцев всех
Да за решетку!

Пришел гонец, стал у дверей.
– Что вы хотите?
– Хотим в Европу. Дикарей
К себе пустите!

ДОРОГИ

Плохи наши дороги.
Мы в Европу идём,
Наш парламент убогий
На телеге везём.
Обиваем пороги,
Верим в лучшие дни...
Плохи наши дороги.
И не только они.

ВСТРЕЧА С МОРЕМ

Я немало побродил по свету
И заморской отдал дань красе,
Только как сравнить красу мне эту
С той, что на Кинбурне, на косе?

Сверху небо, слева степь и справа.
Ни полей, ни пашен на виду.
По тропинке, окунувшись в травы,
Меж коров пасущихся иду.

А коса в цветастом сарафане.
Лишь пастух да я – всего людей.
И в бездонном небе-океане
Проплывает пара лебедей.

Хлопья чаек и кресты бакланов
В первозданно-синей вышине...
За прибрежным маленьким курганом
Распахнуло море душу мне.

Без конца простор и без начала,
Не поймёшь, где небо, где вода...
Многих, море, ты уже встречало,
С многими простилось навсегда.

У ветров свободных ты в фаворе,
От небес берёшь лазурный цвет.
Говорят: любовь – она как море.
Лучше этих слов о море нет.

Кинбурн, 1990

СВИДАНИЕ С КИНБУРНОМ

Давно я не был на Кинбурне.
Он был своим безлюдьем мил.
Теперь меняется он бурно
Его пленившими людьми.

Здесь в Понт Эвксинский ятаганом
Кинбурна врезалась коса.
Здесь всё доступно хулиганам.
Горят сосновые леса.*

Генералиссимус Суворов
От турок край освободил.
Не устоял он перед воров —
Подонкам в лапы угодил.**

Где редки были даже хаты,
Фазаньи гнёзда были тут,
Коттеджи и пансионаты
Сегодня, как грибы, растут.

Здесь сходит тишина в могилу,
Чего постичь не может ум.
И быстро набирает силу
В открытых барах пьяный шум.

Пасует здесь рассудок здравый:
Категоричен и суров
Введённый местною управой
Лихой запрет пасти коров.

Здесь землю продают по плану.
С ней вместе продают людей.
А заодно и пеликанов,
А заодно и лебедей...

О глас народа, где ты, где ты?
Не слышно тут тебя пока.
Кинбурн, поэтами воспетый,
Пускают нынче с молотка!

* 21–24 июля 2001 г. выгорело дотла 2100 гектаров леса.

** С Кинбурнской косы был похищен памятник Суворову.

ВЕЧЕРНИЕ МЫСЛИ НА КИНБУРНСКОЙ КОСЕ

Когда садится солнце в тучу,
Бросая в море сноп лучей,
Я знаю: день я свой отмучил, –
День свой, но также и ничей.

Когда я с моря возвращаюсь
На отдых, как к себе домой,
Я знаю и не возмущаюсь:
Дом мой, но также и не мой.

Когда, устав, я засыпаю,
Живу своей лишь жизнью я.
Я знаю: жизнь м о я и знаю:
Моя, но также – не моя.

Когда бы не было чужого,
Я не имел бы своего.
Я знаю, что я знаю много
И что не знаю ничего.

ЭТЮД

Спит коса...
Встал стеной камышей частокол.
Из тумана на нём покрывало.
Вдруг, как шилом
Кулик тишину проколол
Острым криком –
И ночи не стало.

* * *

Поёт мне иволга и тут –
В прибрежных кустиках у моря,
Поёт, с прибоем громким споря,
Который слышен за версту.

Поёт мне иволга и тут
Наперекор радиоточке,
Что катит звук,
 как камень в бочке,
На благодать и красоту.

Поёт мне иволга и тут,
И в этой песне есть такое,
Что вместе с ней и шум прибоя
Земную славит теплоту.

Поёт мне иволга и тут...

ПОЭЗИЯ И МОРЕ

Морской воды бутылку он привёз
Как сувенир "лазурного простора".
Растрогал той водой чуть не до слёз
Он всех, кто в ней впервые видел море.
Пусть будет стих слезинкой за труды.
Слезинкой радости, печали или горя.
Не важно, что она лишь капелька воды,
Была бы только капелька – из м о р я .

КУДА УХОДЯТ КОРАБЛИ

Куда уходят корабли?
Какие их увидят страны?
Их облик отрешенно-странный
Как плоть земная вне земли.

Куда уходят корабли?

Под сенью голубого зонта
Они скользят до горизонта
И оседают там, вдали.

Куда уходят корабли?

Куда от нас уходят люди,
Которых мы встречать не будем,
Что оседают в твердь земли?

Куда уходят корабли?

МОРЕ

Небо за грань горизонта опущено.
В дымке застыли суда.
Все, что сквозь память
 и сердце пропущено, –
Все возвращает сюда.
С горки обрывистой,
 охристо-глинистой
Видится сизой стеной,
Символом вечности и бесконечности –
Море в оправе степной.

ВЕЧЕР НА МОРЕ

Снова отрадой я душу наполнил.
Снова волною обласкан я был.
Снова я что-то хорошее вспомнил.
Снова я что-то плохое забыл.
Солнце на отдых за степи спустилось.
Встала на вахту ночную луна.
Море до завтра со всеми простилось:
Доброй вам ночи, спокойного сна!

* * *

Снова тобой я сегодня люблюсь.
Снова тобой я сегодня дышу.
Снова душой я с тобою волнуюсь,
Снова с волной твоей слиться спешу.

В давние-давние юности годы
В шорохах леса ты слышалось мне.
Призраком вечно манящей свободы
Виделось в сказочной дальней стране.

Дальние страны забудутся вскоре,
Хоть новизна их всегда хороша.
Но никогда не забудется море,
Если слилась с ним однажды душа.

* * *

Море дремлет. Солнце páрит.
Еле движутся суда.
И какого чёрта, парень,
Занесло тебя сюда!

Жарю тело я на пляже,
А в воде его варю.
Не сопротивляюсь даже,
Хоть и заживо горю.

И звучит в тоске и горе
Всё слабее голос мой:
Отпусти меня ты, море,
Недожаренным домой!

ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ

Восьмилетний Боря
К папе прибежал.
– Папа, я на море
Радугу видал!
Воспринял спокойно
Папа новость ту.
– Ещё не такое
Можно видеть тут...

ШТОРМ

Блестело море, как фольга,
От берега до небосклона.
Толпы скучающей нога
Его лазурь топтала сонно.
Но день прошел, закат погас,
Ночь опустила покрывало.
Примчался шторм, и в тот же час
Оно из глаз толпы пропало.
И ни одна теперь нога
Его простор топтать не смела.
А волны бились в берега,
Ночь рокотала и гремела...

ТАНЕЦ НЕПТУНА

Косу тревожит гул великий.
На берег мчатся горы волн.
Нептун гуляет. Танец дикий
И бурный нрав являет он.

Срывает ветер пены клочья,
Кропит солёною росой.
Танцует царь в пучине ночью
Перед Кинбурнской косой.

Под ветра вой и гул прибоя,
Стихией с берега гоним,
Я честь Нептуну отдал стоя,
Чтоб не встречаться в море с ним.

ЖЕРТВА НЕПТУНУ

Погожий день – весны подарок.
Сроднились небо и вода.
Покой в стихиях и порядок,
И не предвидится беда.

Сомкнулся с верхним нижний ярус
И горизонтом округлил
Лазурь небес. Вписался парус
В нее одним мазком белил.

Играет светом день лучистый.
Скользит над морем альбатрос.
Вдруг горизонт, доселе чистый,
Лиловым облаком пророс.

Оно расходится все шире.
Зловещим фоном хмурит день.
И в голубом безбрежном мире
Тревожная простерлась тень...

А туча черная все ближе.
Все набухает, как нарыв,
И опускается все ниже,
К лазури доступ перекрыв.

Уже смешалось небо с морем.
Грохочут взрывы там и тут.
И над взбесившимся простором
Смерч закрутил свой страшный жгут.

Безумной пляской дня кончину
Отпраздновал гремящий шквал.
Он моря изменил картину, –
Нептуну парусник отдал...

Пока мой парус ветер ловит,
И солнце свет свободно льет,
Но свой сюрприз судьба готовит,
И облако вдали встает.

ШТИЛЬ

Ночью шторм буянил хлесткий.
Утром, после шторма, глядь:
Разбросало солнце блёстки
На лазоревую гладь.

Ноги Нептуна устали.
Он натешился сполна.
Ультрасиней моря дали
Не рябит нигде волна.

Только парус каплей белой,
С горизонтом заодно,
Пьет из голубой купели
Моря горькое вино.

ПОСЛЕ БУРИ

На ниточку нанизан клин бакланов,
И море – осветленный холодец.
Все белые стада своих баранов
Пригнал Нептун на берег наконец.

Уставшее от бури солнце видит,
Как оживает пляжная тропа.
На черной ленте выброшенных мидий
Голодных чаек белая толпа.

Эол – отец ветров – смиренно дремлет,
Дыхание на время приглуша:
Победу штиля все же не приемлет
Мятежная Эолова душа.

МОРЕ И МЫ

Памяти Ж.И. Кусто

Пророчит гибель нам наука.
А ты из глубины веков
Всё лижешь нас, как лижет сука
Своих беспомощных щенков.

Мы и зверей, бывает, гладим.
Тебя же до сих пор, любя,
Как те щенки, сосём и гадим
В гнездо родное – под себя.

С альтернативой нам не сладить.
В своё гнездо, в свою кровать
Нам под себя, как прежде, гадить,
Тебе ж дерьмо в себя сливать.

Щенки погубят маму скоро...
А рассказал нам всем про то
Посланец и защитник моря,
И моря сын – Жак Ив Кусто.

ОТКРЫТАЯ КНИГА

Море – вечно открытую книгу –
Мы читаем и ночью, и днем.
И векам, и единому мигу
Бесконечности место есть в нем.

Звезд над книгой кружат вереницы.
Ни конца ни начала им нет.
Шелестят, набегая, страницы
Миллионов прочитанных лет.

От величия дух замирает,
Но в экстазе не падаю ниц:
Слишком много теперь вырывает
И марает читатель страниц.

КРЫМ

Дальних гор отроги
В дымке полдень скрыл.
Маки вдоль дороги,
Вдоль дороги – Крым.

Симферополь, Ялта,
Севастополь тож,
Тут как брат на брата
Город не похож.

Греческие грады,
В том сомненья нет,
Эллинов Эллады
Скрытый в них привет.

Как во время оно,
Славит до сих пор
Греческих агон^{*}
Керченский Боспор^{**}

Огненные маски
Крымского лица, –
Степь покрыли маки,
Маки без конца.

А за степью вскоре
Берег улетел
В ласковое море,
В синий беспредел.

Симферополь – Николаев

* Состязания жителей древней Греции в разных видах творчества.

** Международные фестивали «Боспорские агоны» в Симферополе.

К ЛУНЕ

1.

Здравствуй, светлолица Селена!
Ты опять меня встречаешь тут.
Непоколебимо, неизменно
Ты вершишь над морем свой маршрут.
Есть в твоей незыблемости сила.
Волшебством твой преисполнен взгляд.
Хоть сама ты вовсе не светило,
Отраженный свет твой – плагиат.
Я уверен, что сравнение это
Ты простишь мне, пишущий собрат:
Точно так же жизнь творит поэта,
А стихи – лишь жизни плагиат.

2.

За облако зашла ты, волоокая,
Свой светлый след на море приглуша.
Как будто вдруг согрелась одинокая,
Всегда холодная твоя душа.
Как будто ты свой мир на миг покинула,
Уйдя из беспредельной пустоты,
Как будто первозданье мира минуло,
И в новый мир теперь вступила ты.
Но вот опять ты засияла молодо,
Опять поймала отблеск твой вода.
Душа осталась пленницей холода.
Так было, есть, и будет так всегда.

3.

Всю ночь в космической пустыне
Над Черным морем ты плыла.
И как когда-то, так и ныне
Предметом дум моих была.

Под утро ты ушла за море,
Ночная спутница земли,
Чтобы другие люди вскоре
Увидеть там тебя могли.

Вернешься ты, и снова будем
Друг друга видеть мы вдвоем...
Не возвратятся только люди,
Уйдя, как ты, за окоем.

* * *

Поэзия – волшебная страна,
Нужна ты людям или не нужна?
В таком же духе я спросить бы мог:
А нужен ли сегодня людям Бог?
Но все же строим храмы нынче мы,
Чтоб наши души вызволить из тьмы

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Иду по жизни, как придется, –
Ее я тайну не постиг,
А в голове цыпленком бьется,
Просясь на волю, новый стих.

Зачем он есть, кому он нужен
Простудной, слякотной порой?
Привычкой я обезоружен:
Стучится, значит, дверь открой!

Влекомый этой вот привычкой,
Я дверь цыпленку распахнул.
Он оказался резвой птичкой
И вмиг на волю упорхнул.

ДРУГУ РИФМОПЛЁТУ

Насильно сделанную рифму
В строку пристроить не стремись.
Насильно сделанная рифма
Артачится и гонит мысль.

И если только эта дама
Плывёт свободно в сетку строк,
Она избавит стих от срама
И мысль украсит, как цветок.

* * *

Коварность старости я не разрушу.
Груз времени тяжёл,
но если ты поэт,
Стих прорастёт, и не разрушит душу
Слежавшийся настил из прошлых лет.
Так, милости извне не ожидая,
Рассудку вопреки свои права
На жизнь и свет упорством подтверждая,
Асфальт ломает нежная трава.

ПРАЙСТРЕГЕРЫ

Прайстрегеры, то бишь, лауреаты,
Фанаты поэтических ветрил,
Вам должное воздали бюрократы, –
Я сей Монблан – увы – не покорил.

Я не поклонник конъюнктурной моды.
Я вынес слово из лесной глуши.
Лауреат я гибнущей природы,
Лауреат я собственной души.

Наш путь дневной кончается ночлегом.
Когда уйду (мы все туда уйдем),
Зима мой след присыплет белым снегом,
А осень пёстрым окропит дождем.

Не будет шума на ночлеге этом, –
Здесь тишина сгустится во сто крат.
И лишь шептать береза будет летом,
Что спит под ней её лауреат.

СЕРОСТЬ

Серенькое небо,
Серенькое поле.
Серая ворона
На копне сидит.
Серенькие вирши
Не читаю боле:
Серостью от виршей
Сереньких разит.

Серость в переплёте –
Это не ворона.
Пёстрая обложка –
Это не копна.
Но не скроет серость
Эта оборона.
Серость в переплёте
Всё равно видна.

Осенью не редки
Серые денёчки,
Но в природе серость –
Это не беда:
Небо прояснится,
Поле возродится,
Серость под обложкой –
Это навсегда.

ПУТЬ СЛОВА

Путь слова не бывает без изгибов.
Во времени оно теряет след.
Уходит навсегда из жизни, ибо
Нужды в его услугах больше нет.
Ушедших слов пришествия не будет, –
Оборвалась связующая нить.
Слова стареют, как стареют люди,
Как и людей, их не омолодить.
Со старыми словами расставаться
Не жаль: их заменила новых рать.
К надгробьям слов мы можем возвращаться,
Но запретить не можем – умирать.
Не отменить, не задержать ухода.
Закон начала и конца таков
Не только для людей и для народов,
Но и для слов и целых языков.
Со словом вместе мы идём от века.
Всем сущим в мире управляет рок.
У жизни слова, как и человека,
В потоке времени неодинаков срок.

Постскриптум

Своим словам я встречи назначаю.
Они на службе замыслов моих.
Ценю свободу слов, но я их приручаю, –
В скелет стиха я помещаю их.
Возникнув, как мифический Икарус,
Очередной мой стих поднимет флаг.
Он, как ладья, подставит ветру парус
Или собой представит саркофаг.

* * *

В мишень заказную (но в ту ли?)
Шлёт пулю крутой паразит.
А слово надёжнее пули –
Свою только цель поразит.

ПОЭЗИИ ОБЪЯВЛЕНА ВОЙНА

Моя поэзия здесь больше не нужна.

С. Есенин

Поэзии объявлена война.
Та, что владела душами когда-то,
Канализацией теперь заменена
Из порно, из похабщины и мата.
Жизнь уступила пошлости права.
Над классикой теперь в почёте шутки.
На совести людской растёт трава,
А вместо душ – нажива и желудки.
Их радует отсутствие идей –
Жизнь без идей спокойнее и лучше.
Искореняли некогда людей, –
Теперь взялись за человечьи души.
Но повернётся колесо судьбы, –
Бывало так уже неоднократно.
Иссохнут на корню поганые грибы.
Природа разум возвратит обратно.

НАШ ЯЗЫК

*...о, великий, могучий, правдивый и
свободный русский язык!*

И.С. Тургенев

Ах, как наши слова легковесны –
Как сухой недозревший горох.
Этот дар человеку чудесный
Мы, как мусор, метем за порог.
Пустословьем наполнены речи.
Заменил все эмоции мат.
Песни – чувств наших кладезь извечный –
Как дикарские вопли звучат.
Словно в маске теперь ты, безликий.
Запах гнили в родник твой проник,
О свободный, могучий, великий,
Наша гордость былая – язык!

ПОМИНКИ

Я воду пил из родника –
Из маленькой ложбинки.
По жизни – сам живой пока –
Устраивал поминки.

Я поминал свои года,
Своё лесное детство...
Всё унесла с собой вода,
Не сохранив наследства.

Наследства леса и зверья,
Цветов и трав по пояс,
И дома, где жила семья,
С невзгодами освоясь.

Теперь во сне в тот мир всегда
Наведываюсь в гости...
Там сердце схоронил тогда
Я на лесном погосте.

Хоть жизнь свою мне отменять,
Конечно, не пристало,
Но ведь меня – того меня –
Уже давно не стало.

ЗОВ

*Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

А.С. Пушкин

Люди перестали
Родине служить.
Ищут, где получше,
Повольготней жить.
Жителей на запад
Двигается поток,
А меня всё время
Тянет на восток.
Не на сахар тянет,
Тянет не на мёд:
Возвратиться в детство
Край родной зовёт.
Поклониться бывшим
Девственным лесам,
Тропам, по которым
Хаживал я сам.
Вспомнить о полянах,
Где росли цветы,
Встретить на погосте
Новые кресты...
Путь к родному краю
Одолев с трудом,
Помянуть покойный
Бывший отчий дом.

РЕКВИЕМ ОТЧЕМУ ДОМУ

Куча бревен от дома осталась.
Нету лиственницы родной.
Но душа, что по свету скиталась,
Не сроднилась с чужой стороной.

Моей жизни здесь было начало.
Здесь случился от дома отрыв.
Меня лиственница привечала,
Руки-ветви к объятью раскрыв.

Здесь теперь ничего не осталось.
Прошлых лет из-под времени плит
Не извлечь: схоронила их старость,
Лишь усталое сердце щемит.

Для людей молодых пришлый гость я.
Только звезды все те же дрожат.
Отчий дом мой теперь на погосте,
Где родные мне люди лежат.

Видно, там мне лежать не придется.
Но тебя лишь, моя сторона,
Буду петь я, пока не порвется
Моей лиры сибирской струна.

2003

БРУСНИКА

Как бы жизнь ни омрачали тучи,
В памяти живёт он до сих пор,
Тот незамордованный, дремучий,
Не истоптанный скотиной бор,
Где берёза ветками поникла,
Где с сосной ветвями ель сплелась,
А под ними ягода брусника
Темно-красным морем разлилась.

По лощинам и по косогорам
Растекалась ягодная ярь.
И купались в том бордовом море
И косач, и рябчик, и глухарь...

Так случилось: позапрошлым летом
Я попал в родимые места...
Тех берёз и сосен больше нету,
Паутина виснет на кустах.
А брусника... Где же ты, брусника,
Ягода давно минувших дней?
Кое-где краснеет – посмотри-ка!–
У корней деревьев бывших – пней.

Было мне задание такое
Умирающей жены моей,
Из лесов дремучего покоя
Привезти брусники и груздей.

В бывший бор пришёл я спозаранку,
На пути стряхнув с ветвей росу,
И ронял с брусникой мелкой в банку
Горя безысходного слезу...

Белобоких ягодок полбанки
Насбирал я за день и потом
Шёл домой, как с поминальной пьянки,
По тропе, протоптанной скотом.

ТОСКА

Там ели жить не захотели.
Там глухари не стали петь.
Не рябчики бруснику съели.
Извел малину не медведь.
У сопок плечи обнажились, –
Их оголил лихой топор.
И навсегда глаза закрылись
Таежных омутов-озер.
Насытились лесные недра,
Как ядом, топливом ракет.
Прославленным сибирским кедром
В Сибири больше места нет...
Нет-нет да и опять накатит
Тоска, которой не избыть.
Жизнь коротка: ее не хватит,
Чтоб горечь от утрат забыть.

КАК УМИРАЛ МОЙ ДОМ

*Навеяно песней Михаила Евдокимова
«Дом у дороги»*

Как умирал мой дом – я видел.
Я, как невольный дезертир,
Впервые дом родной обидел,
Когда ушёл в чужой мне мир.

Познанья жаждою влекомый
(Порывы многих в старину),
Уехал я, родному дому
Душой навеки присягнув.

С тех пор тоска терзала душу,
И боль смирял самообман,
Что я присяги не нарушу –
Вернусь домой из дальних стран.

Я становился редким гостем.
В крутом житейском вираже
Старело тело, ныли кости.
Был дом в агонии уже...

Я – в перспективе чужестранец –
Ни в сне дурном, ни наяву
Не думал, сельский оборванец,
Что дом родной переживу.

На этот раз был путь неровен, –
Из зарубежья к дому шёл.
Но вместо дома кучу брёвен
У тракта старого нашёл.

И понял я, судьбы изгнанник,
Дом умер раньше потому,
Что не был я его избранник, –
Болезнь за всех пришлось ему.

За всех, кто отчий дом покинул,
В нём не осталось никого.
За всех, кто жизнь из дома вынул,
Свою утратил и его.

МОЙ ДЕНЬ

Сеет акация белой порошей.
День мой единственный,
День мой хороший.
Солнце ли светит, от тучки ли тень, –
День мой хороший,
единственный день!

СНЕГИРИ

В сибирскую землю от южных морей
Я выпущу скоро своих снегирей.

Пришлось у них волю надолго отнять,
Теперь их из клетки пора выпускать.

Скажу им: летите, румяные, прочь,
Пусть вас не задержат ни штормы, ни ночь,
Ни черная буря, ни белая мгла,
Чтоб Родина ваша вас встретить могла.

На Родине вашей меня теперь нет,
Вы ей от меня передайте привет.

Скажите, вернуться я тоже хочу
И скоро к ней сам снегирем прилечу.

К РОДНЫМ МЕСТАМ

*«Но мне милей роскошной жизни юга
Седой зимы полуночная вьюга»*

А.С. Пушкин

Душой предавшись отзвукам былого,
Тебе, мой край, шлю южный свой привет.
А тут и снега нет считай что никакого,
И леса тут почти что тоже нет.
Но есть места, красивые на диво,
Они живут в легендах с давних пор.
Тут есть Кинбурн, есть Ольвия, Мигия,
И Понт Эвксинский*, и пролив Боспор.
Незаурядностью их как не восхититься,
Но всё ж душой не слился с ними я...
Знать неспроста летит весною птица
На Родину в суровые края.

* Черное море (греч.)

* * *

Я окрещён лесами навсегда.
И хоть мне душу омывало море,
Оно с лесами не бывало в споре,
И с ними был я не разлей вода.
Я окрещён Природой навсегда.

ЛЕСАМ

Вам низко кланяюсь, леса, –
Корням, стволам и каждой ветке.
Вам поклонялись наши предки
Еще до веры в небеса.

Вам низко кланяюсь, леса, –
Траве и мхам, и тайным тропам,
Землянкам вашим и окопам,
Где шла сражений полоса.

Вам низко кланяюсь, леса, –
Восходам вашим и закатам,
Из вечных бревен древним хатам
В лучах румяным полчаса.

Вам низко кланяюсь, леса, –
Воспоминаньям детства милым,
Родным местам, родным могилам
Где прошлых слез блестит роса.

Вам низко кланяюсь, леса, –
Зверям, букашкам, каждой птице.
Живу с надеждой возвратиться
К вам снова: верю в чудеса...

Вам низко кланяюсь, леса.

В ЛЕСУ СЕЗАМА

Войдя в волшебный лес Сезама,
В тени берез, в тени елей
Ты в грудь эфирного бальзама,
Как в чашу, до краев налей.
Там зазвучит – ты слушать будешь –
Лесного голубя труба.
Под звук ее на миг забудешь,
Что подменила жизнь борьба.
Но вспомнишь ты под эту песню
То, что душе всего родней:
Ушедший детства мир чудесный,
Друзей давно минувших дней.
И там, наедине с собою,
Вдали от жизненных сует,
Свой путь , намеченный судьбою,
Благослови: другого – нет.

НАД ПРОПАСТЬЮ

*Над бездонным провалом в вечность
Задыхаясь, летит рысак.*

А. Блок

Над бездонным провалом в вечность
Не летит уже мой рысак.
Он, утратив пыл и беспечность,
Вперевалку трусит кое-как.
Он теперь, как моя Пегуха
(Я когда-то на ней боронил):
Растворилась в провале старуха,
Я ж движенье ещё сохранил.
Ах, коварная дней быстротечность,
Ты к провалу коня не веди.
Я по краю пропасти в вечность
Ковыляю теперь один.

СКОРОСТЬ

Мы полюбили скорость страстно,
Хотя известно с давних пор,
Что превышать её опасно:
А вдруг там, впереди, забор?

Мы любим с жизнью состязаться,
Но роковым бывает путь.
Мы не успеем, может случиться,
Перед забором тормознуть.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Я вскочил на подножку
На случайный, безудержный поезд
И куда-то в пространство,
Ухватившись за поручни, мчу.
Но всё больше слабеет
Мой старый страховочный пояс.
На крутом повороте
Он порвётся,
И я под откос полечу.

ВОРОН

*Чёрный ворон, что ты вьёшься,
Что кружишься надо мной?*

Из песни

Кружит над миром вещей ворон
Под разворотом чёрных крыл.
Воздушный океан покорен
Размаху перистых ветрил.
Самоуверен и упорен,
Он выше всех земных сует...
Кружит над нами чёрный ворон,
И на него управы нет.

* * *

Стареет тело. И беда,
Когда душа в нем молода:
От расхождения с душой
Конфуз бывает. И большой.

КОНТРАСТЫ

Мы жаждем в летний зной прохлады.
Кусочки льда для нас – бальзам.
Дождю, как празднику мы рады.
Гроза нужна, как воздух нам.

В мороз не можем без «сугрева», –
Без оживляющих ста грамм.
И сногшибательная дева
В лучах на пляже снится нам.

Так от контрастов жизни страждем.
То водку пьем, то слезы льем.
И все ж, пока чего-то жаждем,
Мы худо-бедно, но – живем.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Растают льды, и вновь вода
Потопом захлестнет планету,
И пожалеют все тогда,
Что Ноева ковчега нету.
А если явится опять
Ковчег, спасти всех существ тварей,
Бог не позволит Ною взять
На борт зверей двуногих пару.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Небо к вечеру в тучи
Свой укутало свод.
Свесил ветки плакучих
Голых ив хоровод.
Ночь прошла, и тогда-то
Ослепил белизной
Первый снег, словно вата
Для одежды земной.
Спрятал грязные пятна,
Хлам и мусор прикрыл,
Сделал землю опрятной,
Ничего не забыл:
Лег на крыши, заборы,
Продавил провода...
Обнаружилось вскоре,
Что под снегом – вода.
Развезло все дороги,
Перекрыло пути.
Тонут в слякоти ноги,
Скользко людям идти.
Спотыкаясь, шагают –
Тут и слезы, и смех...
Я тебя вспоминаю
Первый юности снег.
Я тебя вспоминаю,
И забыть не могу.
Бросил вызов я маю,
Полюбил я пургу,
И от времени бега
Обнаружилась связь:
После первого снега
Только слякоть и грязь...

ОТТЕПЕЛЬ

Как быстро замерзает гладь
Спокойной заводи реки!
Там, где плескались утки, глядь
Уже скользят по льду коньки.
Повеял теплый ветерок –
Растаял снег. А лед лежит,
Как затянувшийся упрек
Обидой скованной души.

ТУМАН

Не разглядеть небосвода.
Потеют деревья а крыши.
Сегодня молчит природа.
Природа туманом дышит.

Плывут в молоке пешеходы,
Скользят машины, как тени.
Сегодня не видно природы.
Природа на бюллетене.

ДИЛЕТАНТЫ

Подрастали и толстели,
Наконец пришла пора:
Поднялись и полетели
Стаей гуси со двора.

Пролетели метров сто –
Силы кончились. Не то!
Но зато на самом деле
Хоть немного, но – летели,

И от радости великой
Изошли в истошном крике:
– Диким родичам подстать
Тоже можем мы летать!

ДОБРОЕ УТРО

– Доброе утро! – сказал мне прохожий
И, улыбнувшись, мимо прошел.
Вспомнить его я не мог, ну и что же?
Значит, он помнил меня хорошо.
Доброе утро – пароль этот вечный
Доброго сердца он мне подарил...
Я бы хотел, чтобы каждый мой встречный
Этот пароль мне всегда говорил.

РОЗОВЫЙ САД

Мой сад с каждым днем увядает.

А. Майков

Коварное время пощады не знает,
Мой розовый сад не воскреснет уже,
Но память все время его воскрешает
В моей нестареющей вечной душе.
Забылись тех лет огорченья и глупости.
Звезда моей жизни почти не горит,
Но розовый сад – краткий сон моей юности –
Все так же сквозь годы со мной говорит.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Белорус я по отцу
И смоляк по матери.
По чалдонскому лицу –
Из сибирской братии.
Прапрапрадеды мои
Древние этруски:
Русский корень в слове, и
Сам я тоже русский.
А в глубинах, между тем,
Жизни-океана
Мне маячит, как и всем,
Только обезьяна.

Я НЕ

Я не люблю себя. Давно
Я сам с собою в ссоре.
Мне абсолютно всё равно,
Когда бушует море.

Не возникает чувств во мне,
Когда стихия стонет.
Я наблюдаю в стороне,
Когда корабль тонет.

Я свыкся с тем, что на войне
Жестокость побеждает.
Моё бессилие во мне
Пассивность порождает.

Как оказалось, героизм –
Он мне совсем не пара.
Не умер я за коммунизм,
Как умер Че Гевара.

Я – наблюдатель. В стороне
Стою от катаклизмов.
Я не, я не, я не, я не,
Я не сторонник измов.

Творил осознанно вполне
Меня таким Создатель.
Непобедим живёт во мне
Бессмертный обыватель.

БРЕВНО

По реке плывет бревно.
Беззаботное оно.
Не касаются бревна
Ни конфликты, ни война.
Не печалится, не стонет.
Напитается – утонет.
Мой читатель, оглянись:
Не твоя ли это жизнь?

ЗАВЕЩАНИЕ

Сверхоптимистом был всегда ты.
Судьбу счастливую воспой:
Ведь не хромой ты, не горбатый,
Пока что даже не слепой.

Не прокурорский бордельбанщик,
Не киллер и не аферист,
Не провокатор, не обманщик,
И в прошлом честный коммунист...

.....

Немало пунктов есть в остатке,
Но до конца заполнить лист
Тебе, на зубоскальство падкий,
Я завещаю, пародист.

ВЫБОР

Когда б Господь сказал: «Любую
Бери из всех моих планет»,
Я б выбрал эту – голубую,
Такой красивой больше нет.

Когда б волшебник мне оставил
Одно желанье жизни всей,
Я б воскресить его заставил
Родных и близких мне друзей.

Когда назойливой рекламой
Венчают с ездоком меня,
Клянутся папой, даже мамой,
Других наездников кляня, –
Я лучше выберу коня.

АСС

Была безликою монета.
Ее затерло время так,
Что каждый думал: видно, это
Времен очаковских пятак.
Но кто-то осветлил монету,
Суть обнажил ее для глаз.
И обнаружилось, что это
Посланец Рима – древний асс!

На перепутье новом века
Наш замордованный народ
Утратил титул Человека
И сам себя не узнает.
Если бы снять все наслоенья
Из рабства, голода, тюрьмы,
Какое было б удивленье:
«Великий Боже, это – мы!»

ВРЕМЯ И МУЗЫ

1.

ЛИТЕРАТУРА

На графа Толстого охоты не стало:
Написано много, читается мало.
Ильф вместе с Петровым утратили цену:
Бандитом махровым заполнили сцену.
Заполнили книг современных страницы
Насильники, воры, громилы, убийцы.
Любовный роман умирает бесспорно,
На книжных прилавках засилие порно.
В любовные игры играют младенцы.
Сменили любовников сексизвращенцы.

2.

ЭСТРАДА

С вокалом эстрадный певец – как изгнанник.
Эстраду теперь заменил обезьянник.
Как в случном экстазе, кривлянья и стоны,
Беснуются, скачут мандрилы, гиббоны.
Один шимпанзе не дождался экстаза:
Макака ему отказала два раза.
Уселась на сцене мартышка-скакалка,
Ее восхищает самца ее палка.
Прижался к макаке косматый мандрил,
Своим передком демонстрируя дрилл.
Приняв человеческий облик уже,
Майкл Джексон остался приматом в душе.
Кривляются, скачут, вопят и визжат.
Им всем на бананы хватает деньжат.

3.

КИНО

Желания нет говорить о кино:
Совсем опоганилось нынче оно.
Искусство теперь не ночует и тут.
Порнухой экран наводнил Голливуд.
Стреляют и с левой и с правой руки
Бандиты, младенцы и старики.

Экран вурдалаков, вампиров, убийц,
В немыслимых позах продажных девиц.
Пропал гомо сапиенс в фильмах совсем.
Да здравствует щедрый наш дядюшка Сэм!

БУДНИ

1

Весь день ползут туда, где людно,
Без перерыва на обед,
Ползут пришибленные будни –
Нет им конца и края нет.

2

На скамейке мужик качается,
То ли пьяный, то ли больной,
То ли с голоду погибается
В Украине своей родной.
Ясно только одно, бесспорное, –
Мужичонка лишился сил...
Мимо бомжа прошел проворно я
Ни о чем его не спросил.

3

Когда домой после работы еду,
Или когда пешком с нее иду,
Махнув рукой на утренние беды,
Я говорю себе: не пропаду!
Я постоянно мысль лелею эту,
С годами свыкся с ней рассудок мой:
Пешком иду иль на трамвае еду, –
Не на погост ведь еду, а домой.

4

Опять фигура на скамейке
Не то лежит, не то висит.
Старушка в старой телогрейке
Ворчит: "Нажрался, паразит..."
Проходят мимо пешеходы, –
Все утром на ногу легки.
На рынок, пользуясь погодой,
Тележки катят челноки.
На небе серая завеса.
Дома не образуют тень.
Кто на скамейке: жертва стресса

Или алкаш?
Ну, здравствуй, день!

5

Из лисы до пят доха.
Шапка соболиная.
Демонстрирует меха
Барыня былинная.
Шутит с нею шутку бес
Зимнюю, плохую:
Сыплет дождиком с небес...
Пожалел доху я!

6

Под дождем асфальт блестит
Нездоровым блеском.
Снова наш февраль-артист
Провалился с треском.

7

Сидит согбенная старушка,
Почти касаясь лбом земли.
Ходить не может побирушка,
Сюда старушку привезли.
Мимо нее людей проносит
Куда-то вечная волна...
Старушка, видно, землю просит,
Чтобы взяла ее она.

8

Неделя опять пролетела
В хлопот неизбывном чаду.
Я снова на доброе дело
С распахнутым сердцем иду.

9

Я, как слепой, с недавних пор.
Жизнь поизношена до дыр.
И на нее острит топор
Моя судьба – мой поводырь.

10

Сегодня было, как вчера:
Никто не закричал ура.
Весьма на то похоже,
Что завтра будет то же.

11

Я снова, утро, встретился с тобою.
И по аллейке, бодрым пареньком
Иду на труд. А небо – голубое,
Горят невзгоды синим огоньком.

12

Плотным строем люд шагает.
У прохожих на виду
В шапке существо справляет
Свою малую нужду.

Был дебил наказан тонко:
Пешеход, что шел в строю,
Шапку сдернул у подонка
И подставил под струю.

По проспекту люд шагает.
У прохожих на виду
В шапку существо справляет
Свою малую нужду.

13

Когда всей жизни чепуха
Лежит на блюде,
В ней – философия стиха,
Поверьте, люди!

Когда на месте фонаря
Горит лучина,
Себя не спрашивай ты зря,
В чем тут причина.

Когда очаг твой охладел,
Не греет в холод,
Не вспоминай, как ты потел,
Когда был молод.

Когда сверхвычурная брань
Коробит уши,
Не говори: все люди – дрянь,
Все стали хуже.

По-новому на жизнь взгляни,
Ворчать негоже.
О прошлом думать в наши дни
Себе дороже.

НА ВЗЛЕТЕ

Вихри травку расколошматили.

Зарябила в луже вода.

Улететь бы к чертовой матери

Этим лайнером. Навсегда.

Раствориться в белесом мареве

Без остатка и без следа.

И обратно в земное варево

Чтоб не плюхнуться никогда.

ШТОПОР

Когда пилот срывает в штопор
Послушный воле самолет,
Запас паденья нужен, чтобы
Реанимировать полет.
Кто волю на расчет не множил,
Кто высоту не рассчитал,
Того паденье подытожил
Ударом сплющенный металл.

ПРИГОВОР

Еще работает мотор,
И звук вибрирует, как зуммер.
Еще машины мозг не умер,
И тень скользит по склонам гор.

Еще работает мотор,
И безмятежны пассажиры –
Здоровы, веселы и живы:
Там шутка слышится, там – спор.

Еще работает мотор,
Течет бензин, как кровь по венам.
Но рок уже наметил, где нам
С землею встретиться в упор.

Еще работает мотор,
И ощутим для всех едва ли
Дымок – предвестник всех аварий:
Судьбы вершится приговор.

Еще работает мотор ...

КУДРИ ГОРГОНЫ

Отвернула туча в сторону,
Не блестит и не гремит.
Разделила небо поровну
И кудрями шевелит.

Кудри солнышком подсвечены,
Кудри золотом горят...
В них таится незамеченный
Электрический заряд.

Половина неба чистая, –
Можешь свой вершить полет,
Только кудри золотистые
Ни к чему тебе, пилот.

Облетая даму знатную,
Не коснись кудрей крылом:
Вмиг они мечту крылатую
Превратят в металлолом.

МОЙ ОГОНЕК

Мой огонек, ты теплишься пока,
Как отблеск маяка,

что обещает сушу.

Хоть виден ты еще издалека,
Согреть мечтой уже не можешь душу.

* * *

Одна дорога в лес,
Другая – в поле.
Одна в страну чудес,
Другая к боли.
Ах, если б только мог,
Пошел бы ныне
Меж этих двух дорог –
По середине.

ПТИЦЫ

Прощаются с небом птицы,
Когда улетают спать,
А с новой зарею взвиться
В небо спешат опять.
Бывает, свинец вонзится
В птичье сердце. Тогда
Прощается с небом птица,
Прощается навсегда.
Когда птичий век завершится,
Их небо берет, как вода:
Упавшей от старости птицы
Не видели никогда.

ГОРЕ

Человеческое горе,
Ты как море,
 ты как море,
Море необзорное,
Черное – пречерное.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Еще цветут осенние цветы.
Еще и лето не забыто.
Прощания начало скрыто
В прозрачности печальной красоты.

Еще цветут осенние цветы.
Неслышно в невозвратность
дни уходят.

Закаты блекнут, не горят восходы.
Скользят с деревьев первые листья.

Еще цветут осенние цветы.
Еще зимы не ясна неизбежность,
Но, холода предвестницею, свежесть
Уже ползет туманом на кусты.

Еще цветут последние цветы ...

ВЕЧЕРНЯЯ ЭЛЕГИЯ

О, Господи, какой печальный вечер...
На всем печать смирения лежит.
Не шевельнет листка уснувший ветер,
Угасший звук нигде не задрожит.

Ничто не в силах этот мир дремотный
Освободить от сумерек оков.
Заклеил небо безнадежно плотно
Синюшный пластырь мертвых облаков.

Я не иду – плыву среди растений,
Которые еще остались тут.
Навстречу мне, как я, такие ж тени,
Такие ж призраки безмолвные плывут...

* * *

Свинцовый небосвод
впитал лучи заката.
У ширмы роковой
скрестились все пути.
Исчезло все, что виделось
когда-то.
На всём предел, и некуда идти.

ИТОГ

Подвёл итог за прожитые годы
И понял я, не баловень судьбы,
Что лев – не царь зверей,
Я – не венец природы,
И лев и я – мы все ее рабы.
Ах, если б каждый,
 размышляя здраво,
Проникнуться ее величьем мог!
На все и всех она имеет право –
Создавший нас, забытый нами Бог.

* * *

Как уголек
В остывшем пепле сизом
Сгоревшего костра –
Союзника ночей,
Вдруг ветер обнажит
Нечаянным капризом
Из туч
Кусочек солнца без лучей,
Так из чреды
Летящих дней моих
Вдруг обнажит душа
Нечаянный мой стих

* * *

Фонарь поэзии нетленной,
Ты осветляешь, как и встарь,
Как отраженный свет селенный
В душе скопившуюся гарь.

Как с песней жизнь нерасторжима,
Все сонмы бед в быту презрев,
Так и народа тело живо,
Пока живет в нем струнный нерв.

ЭПИЛОГ

Растоптан жизнью,
Растоптан судьбой,
Зловонной средой растоптан,
Я выхожу на последний бой, –
Хочет сразиться кто там?

Меня положить
На лопатки легко
В моём престарелом весе,
Но только душа моя высоко,
Душа парит в поднебесье.

Поди попробуй
Достань её
В спасительной этой выси!
Моя душа – бессмертье моё,
С ней вместе на бой я вышел.

Я знаю, что скоро
Лягу костями:
Время – страшный противник.
Вот только душу поди возьми
За рубль или за полтинник!

Большие деньги
За душу дать
Могут, если придется.
Душу можно только продать,
Если она продаётся.

Сколько их,
Проданных с молотка,
Сидит у купцов в подклети!
Ну, а моя свободна пока,
Хоть хлещет жизнь её плетью.

Пока она
Собственность только моя –
Наставница брэнного тела.
И об одном лишь тревожусь я
Чтоб раньше не улетела,
Не уплыла в заветную даль,

Чтоб больше не возвратиться,
С собой унося и боль, и печаль
Того, кто решил сразиться.

Ещё не пора
Расстаться тебе,
Душа, со стареющим телом.
В последний раз, покоряясь судьбе,
Займемся мы ратным делом.

Когда обрушит
Время удар
Точно в цель, а не мимо,
В заветный край улетишь тогда,
Свободна и непобедима.

Ты будешь кружить
Над лесами всегда,
Лесами из кедров и сосен,
И голосом птицы, лишённой гнезда,
Печаль свою прятать в осень.

Ты будешь приход весенней зари
Встречать глухариной песней.
Ты будешь плакать, когда сгорит
Тайга, родив чернолесье.

Тебя создавших
Родимых мест
Ты будешь глаза и уши.
Родные ты будешь встречать окрест
Давно ушедшие души.

Ты будешь всходить,
Как всходит звезда
В ясной небесной шире.
И не покинешь ты никогда
Российской страны Сибири.

* * *

Как украшают птиц?
Как создают цветы?
Как среди стольких лиц
Единственная – ты?

* * *

Вале

Опять акация цветет.
Мелькают крылья птиц досужих.
Прошедший дождь пополнил лужи—
Свершен воды круговорот.

Опять акация цветет.
Тень разрушают солнца блики.
С однообразием великим
На ветке горлица поет.

Опять акация цветет.
Промыто небо голубое.
Оно сулит для нас с тобою
Роскошный день в кольце забот.

Опять акация цветет...

АПРЕЛЬСКИЙ ПОДАРОК

Вале

Я дарю тебе это утро.
Я дарю тебе этот день.
И деревья в зеленой пудре,
И небесную голубень.

Я дарю тебе эту песню
Неизбывной страсти скворца.
И цветы, что в бутонах тесных
Ждут свободы и с ней – конца.

Ну а ты мне свои невзгоды
Уступи в этот светлый час.
Пусть улыбка апрельской погоды
В этот день не покинет нас.

* * *

Опять воскресенье. Уже завяли
Траурные цветы.
Опять воскресенье. С уходом Вали
Не можешь смириться ты.

Помнишь, когда-то случилось такое –
Ты замерзал в пургу.
И кто-то коварный шептал о покое:
"Ложись и усни в снегу ..."

И снова тот шепот: "Уйди от страданий,
От стрессов и от забот.
Ложись, и волне душевных терзаний
Дай себя смыть за борт..."

Но преисполнен скрытой угрозы
Коварный шепот: "Ложись..."

Горе как горе. Слезы как слезы.
Жестокая жизнь как жизнь.

СВИДАНИЕ

Я вместе с небом сегодня плачу
В хмурый осенний день.
Сегодня опять свиданье назначу
Тебе, дорогая тень.

С тех пор,
 когда перестал касаться
Твоих я волос и рук,
Всё чаще и чаще

 мне стало казаться,
Что рядом ты, милый друг.

Теперь ещё ближе
 сошлись наши души.

Друг друга постигли мы.
И с каждым днём становится уже
Эта пропасть из тьмы.

Ушла ненужность,
 ушла беспечность.

Родник осветлён до дна.
В награду за муки
 осталась вечность –

Венец последнего дня.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ТРОФЕЙ

Жил в дупле сухого пня
Старый мой приятель –
Музыкант лесного дня,
Барабанщик дятел.
И когда бы я ни шёл
По лесной тропинке,
Он встречал меня большой
Трелью без запинки.
Очень близко подпускал,
Чтоб, со мной играя,
Красным фартуком брюшка
Вспыхнуть, улетая...

Мы – кормильцы той поры,
Сельские ребятки
Для добычливой игры
Делали рогатки.
Что греха таить: тогда
Нами правил голод.
Был трофеем иногда
Даже дикий голубь.
По тропинке налегке
Шел я. Грело солнце.
И увидел вдалеке
Старого знакомца.

Не планировал я смерть
Мирными руками:
Стрелил в дятла – посмотреть
Долетит ли камень.
И случайно – знай поди!–
Вышел выстрел ловкий:
Камень дятлу угодил
В пёструю головку...
Из строфы этой горька
Каждая строка мне.
Цель – Земля – так велика,
Так громадны камни!

В ТАЙГЕ

За утёсом – белая пропасть.
К горизонту ушла тайга:
Как весла огромного лопасть,
Утонула в зыбких снегах.
Наверху, как в промёрзлом гроте,
Между туч белеет луна.
Ослабела пурга на излёте, –
На тайгу сошла тишина.
Там, где сучья заснеженной крышей
Над лосиной тропой сплелись,
Затаившись в зелёной нише,
Караулит добычу рысь.
На одной из полянок где-то
Свою жертву убьёт она.
И свой свет на зрелище это
Равнодушно прольёт луна.

КОСТРЫ

Я не знал пионерских костров, –
Юным ленинцем в детстве я не был.
Но спалил предостаточно дров,
Согревая сибирское небо.

Ах, костры мои, детства костры,
Сколько вас я разжѐг по привычке!
Загорались они в те поры
От одной лишь, единственной, спички.

Ночь, как в омут, топила меня, –
Исчезала знакомая местность.
Сделать шаг в темноту от огня
Означало шагнуть в неизвестность.

В ночь костѐр угольками стрелял.
Вверх взвивались румяные крошки.
А в горячей золе поджидал
Слой заветной печѐной картошки.

Прислонившись к сосне, как стене,
Я фантазию небылью тешил.
Оживали рассказы во мне
Про разбойных людей и про леших.

Если пёс мой ангарский Тунгус
Вдруг рычал, ошетинив загривок,
Я себе говорил: ты не трус,
Это камешек прыгнул с обрыва...

* * *

Заросли уже тропы-дорожки
К тем кострам моей детской весны,
Но их алые искорки-крошки
До сих пор залетают мне в сны.

НОСТАЛЬГИЯ

* * *

Все равно я вернусь к тебе позже
По заветной из многих дорог.
Хоть до звона натянуты вожжи
И ямщик непреклонен и строг, –
Все равно я вернусь к тебе позже.

Я чем дальше, тем ближе к тебе,
Что теперь, в серебро разодета,
То пургой завываешь в трубе,
То искришься от лунного света, –
Я чем дальше, тем ближе к тебе,

* * *

Давно уж ночь.
Луна скатилась за сады,
И тишина повисла над землёй.
Лишь в сумраке листвы на все лады
Свистит бессонный соловей.

Давно уж ночь.
С кирпичного балкона
Гляжу на старые предместья Сансуси.
Там поезд от последнего перрона
На Западный Берлин заколесил.

Брезжит рассвет.
Я всё смотрю туда,
Где под лучами умирает тень.
Там я живу. Там – Родина моя.
Мне свой привет послал оттуда день.

1957

* * *

Вот день кивнул румяным лбом заката
И скрылся за стогами черепиц.
Припомнилась далёкая мне хата,
Тропа к ключу и теньканье синиц.
Старушка в хате думает о сыне,
Что он теперь далёко где-то там,
В Германии, и, может быть, в Берлине.
Что ей с того, что есть ещё Потсдам?
Устала за день от забот она.
Теперь бы в пору было и прилечь.
Да всё сидит с тоской своей одна,
Дров наложив потолще на ночь в печь.
Струит труба дымок всё выше, выше...
Мороз крепчает. Кротко гаснет день.
Зажглась звезда, и опустила крыша
Над хатой шапку снега набекрень.

* * *

Поглотила ночь Саксонию.
В тусклом свете фонарей
Снег течёт на землю сонную
Всё плотней и всё мокрей.

В трудный год на землю грозную
В стороне совсем другой,
В ночь февральскую морозную
Принесён я был пургой.

Я прошу у вас прощения –
Вы, друзья, и ты, родня, –
Что поздравить с днём рождения
Вы не сможете меня.

Таково судьбы влечение –
С нею спорить не моги!
И мои все приключения
От сибирской той пурги...

Дрезден, 1987

ВОСПОМИНАНИЯ В ТРАМВАЕ

Потсдам, тебя я видеть рад!
После дворцовых залов
В трамвае еду. Говорят,
Идёт он до вокзала.
Стою, смотрю по сторонам.
Что ж память – где ты, где ты?
Мелькают в окнах тут и там
Локали и гастштетты.*
Но вот – домов знакомых ряд
(Ах, жизнь, ах, жизнь ты наша!)
Недавно – тридцать лет назад –
Здесь жил я на Штормштрассе...
Я жил один среди "друзей" –
Соседей-немцев штатских
В четырёхкомнатной моей
Квартире холостяцкой.
Здесь я коллег своих встречал.
Бывали гости тоже.
Со мною вместе зимовал
В квартире этой ёжик.
Его из парка Сансуси
Принёс к себе я как-то...
А дальше память не тряси:
Не для печати факты.

* Пивные и закусовые (нем.)

* * *

Запоздала весна, запоздала,
Но пришел непогоде конец,
И на ветке свирель заиграла –
Трель выводит пернатый певец.

Фонарями кусты осветило,
Но не хочет певец замолчать,
Словно то, что не спето им было,
В этот вечер решил наверстать.

И поет, и поет, не смущаясь,
Невзирая на грохот и звон,
Подтверждает, на ветке качаясь,
Свое певчее звание он.

В своем деле он толк понимает:
Петь ему от природы дано.
А толпа, что внизу протекает,
Слышит, нет ли – ему все равно.

С этой птахой делю я невзгоды
Запоздалой саксонской весной ...
Ах вы, годы мои, непогоды, –
Много вас у меня за спиной!

Что ушло, то уже не воскреснет.
Время мчит мои дни на закат.
Но когда-то не спетые песни
До сих пор в моем сердце звучат.

* * *

Старые знакомые –
Певчие дрозды!
Здесь, вдали от дома, я
Вам отдал бразды:
Управляйте, милые,
Вы моей душой,
Чтоб ей в дни унылые
Было хорошо.

* * *

В разлуке время – как улитка,
С прихода до ухода дня
Одна лишь кирха – инвалидка
В окошко смотрит на меня.
С заплатой белой на макушке
На черном фоне кирпичей ...
Узнать хотелось бы старушке
И почему я здесь, и чей?
Хотелось бы узнать ей также,
Зачем изранена она.
Причина тут одна и та же:
Три раза клятая война ...

* * *

То выше поезд мчит, то ниже,
А за окном ласкают глаз
Твои красоты. Я их вижу
В последний раз.

Вагон баюкают рессоры.
Высокий мост. Внизу река.
Твои леса, долины, горы
Хранят века.

Один другого вид чудесней
Летят назад. Их нет уже.
Саксония! Ты будешь песней
В моей душе.

* * *

Живу, как во сне я: хожу по музеям,
На кирхи, дворцы и руины глазею,
На жизнь и на жителей местных смотрю
И с ними на их языке говорю.

И только во сне я по-русски живу,
И только во сне я по-русски зову
Всё то, что умчала с собою вода,
Всех тех, что уже не придут никогда...

* * *

Размеренно и не спеша
По улице Под липами*
Катился день – жарой дышал
И тормозами всхлипывал.
Струился транспорт легкой,
Шли люди, где положено,
А я стоял на мостовой
И слушал заворуженно.

Вдоль тротуара – деревца.
Одно (я люблю его)
На ветку приняло певца –
Дрозда золотоклювого.
Каштанчик маленький такой,
Но колера отменного.
На нем я мог достать рукой
Певца самозабвенного.

Шумела улица. Вдали
Ансамбли четкость рушили.
Текли машины. Люди шли –
Певца они не слушали ...

* Unter den Linden (нем.)

У ПАМЯТНИКА ФРИДРИХУ ВЕЛИКОМУ

(из Берлинской тетради)

Бравый Фридрих на коне,
Словно памятник войне.

Монумена элемент –
Горельефный постамент:

Спереди – воители,
Сзади – просветители.

Просвещали, а потом
Оказались под хвостом

Фридриховой лошади
На берлинской площади.

СИБИРСКИЕ БЫЛИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда подходит судный час,
Безжалостно спеша,
К истокам возвращают нас
И память, и душа.
Они за жизнью не спешат
И воскрешают в ней
Неповторимый аромат
Давно ушедших дней.

ЛЕШИЙ

Малой Родине посвящается.

1

Я отдал душу Лешему –
Лесному шутнику,
Из детских снов воскресшему
Совою на суку.
Частенько на охоте я
Сквозь темный лес шагал,
И леший-филин хохотом,
Шутя, меня пугал.
В глушь леса не безделкою
Заманивал тайком:
То колонком, то белкою,
То зайцем-беляком.
В ловушку дичь приваживал,
Чтоб не была пуста,
В нее и соболь хаживал,
И юркий горностаи.
Немало в чем-то родственном
Встречать его пришлось,
А вот в обличье собственном
Застать не довелось:
Ночь по лесу шатается,
А как наступит день,
Он сразу превращается
В корягу или пень.
С ним встречи не загадывал,
Но к встрече был готов, –
Я знал, что он подглядывал
За мной из-за кустов.
Валежником да кочками
Испытывал меня,
Березовыми почками
Кормил на склоне дня.
Он вкус мой не насиловал
(Я вкус не замечал)
И в зерна доброй силою

Те почки превращал.
Случалось, я от голода
В пургу изнемогал, –
От голода и холода
Спастись он помогал:
О доме думкой радовал
(В печи там ждал глухарь)
И мне в карман подкладывал
Живительный сухарь.
Тёр нос, морозом схваченный,
Лыж ускорял разбег
И путь мой укорачивал
К натопленной избе.

2

Когда Перун, как в буйной пьянке,
Гремел, сверкал и бушевал,
Мне добрый дед в лесной землянке
Укрыться от грозы давал.
Он никогда в своих дубровах
Ни слова мне не говорил,
Но птиц – красавцев краснобровых –
На зорях утренних дарил.
Лукавый Пан чинил проказы, –
Без них он обойтись не мог:
Из леса отпустил не сразу
И душу взял мою в залог...

3

Теперь себя я снами тешу.
В безлесье жизнь к концу идет.
И до сих пор из детства Леший
Меня во снах к себе зовет.

МОЯ ЖАР-ПТИЦА

1.

Снег не сошёл ещё. Клубится
Туман холодный по утрам,
А краснобровая жар-птица
Уже токует тут и там.
Хвост распутив широкой лирой,
Кровь бурной страстью горяча,
Весны глашатай дарит миру
Свой гимн, как бульканье ключа.
Но это только лишь начало.
Пришёл апрель, сошли снега,
И страстным хором зазвучала,
Зарю встречая, вся тайга...

2.

В тот час деревья не шумели,
Застыв в рассветной синей мгле.
На их ветвях жар-птицы пели,
А что творилось на земле!
Там чувств кипела неуёмность,
И на прогалине, в глуши,
Бурлящей песни монотонность
Взрывал бойцовский клич: Чу-ш-ш-ш!
Соперники там состязались,
С зарёй крепчал борьбы накал.
Жар-птицы грудь на грудь кидались,
Вершился брачный ритуал...

3.

От птичьих глаз надёжно скрытый,
Чтоб не заметили врага,
Сидел в скрадке, как под корытом,^{*}
Пацан – покорный ваш слуга.
Одна из птиц в разгаре боя
На крышу села шалаша.
Я на неё смотрел сквозь хвою,
Не шевелясь и не дыша...

* Из сказки П. Ершова "Конёк-Горбунок"

Я не плету вам небылицу.
Сдержаться не хватило сил.
Я изловчился и жар-птицу
Руками за ноги схватил!
Не знаю, кто помог мне, леший
Или одна из добрых фей,
Со скрада я жар-птицу "спешил",—
Принёс домой живой трофей.

4.

Где лес загубленный валится,
Звучит желны протяжный плач,
Там больше не поёт жар-птица —
Сибирский тетерев-косач.

САМАРСКИЙ СУСЛИК

1.

Война... До нас не долетали
Ни мессеры, ни Фау-2,
Но люди страшно голодали,—
Жизнь в сёлах теплилась едва.
Не перечислить наши беды
На фоне скудных тех деньков.
Всё отдавали для победы —
Коней, продукты, мужиков...
И в той голодной круговерти
(Представить трудно те года)
Оставшихся людей от смерти
Спасали суслики тогда.

2.

На лов ходил я вместе с братом.
Одни мы знали те места.
Там сусликов — гребли лопатой,—
В неделю брали больше ста.
В двойную прибыль превращался
За ними каждый наш поход:
Сусличим мясом дом питался,
Со шкурок тоже был доход.

3.

В деревне жил заготовитель.
Брал на учёт он все дома:
Овечьих шкур был охранитель,
Ещё не снятых, наш Фома.
Фоме сдавали мы пушнину.
Он цену шкуркам назначал.
Приняв задумчивую мину,
Свой ценник медленно листал.
Потом, костяшками на счётах
Пощёлкав, сумму называл.
Итог, что в наших был расчётах,
С ней никогда не совпадал.
Когда мы с братом возмущались,
Открыв от удивленья рот,

И доказать Фоме пытались,
Что шкурки были – первый сорт,
Он важно изрекал: – Робяты,
Таперь вы знайте наперёд,
По ценам тем, что вами взяты,
Самарский суслик лишь идёт.

4.

Так мы с Фомой делились кашей.*
Он имидж сильно подмочил
И прозвище в деревне нашей
"Самарский суслик" получил.

* Вырученные за шкурки деньги отоваривались крупой.

УТКА НАПРОКАТ

1.

Хребет "Варнак", река Нотай –
Бурлящей Киренги приток.
Приют зверей и птичьих стай,
Тайги байкальской уголок.
Вокруг из сопок окоём.
Зимовье с крышей из дранья.
В нём обитали мы втроём:
Василий, Алексей и я.
Они на птицу не глядят,
Им жалко время тратить зря.
Я получил от них наряд –
Добыть на ужин глухаря.

2.

Добыть трофей... Ещё о чём бы
Я думать мог, покинув плёс?
Мне глухаря облаял Чомбе –
Потомок лайки – чёрный пёс.
Подкравшись к дереву, потратил
Один, с картечью, свой патрон.
Глухарь упал. Замечу кстати,
Не трепыхнулся даже он.

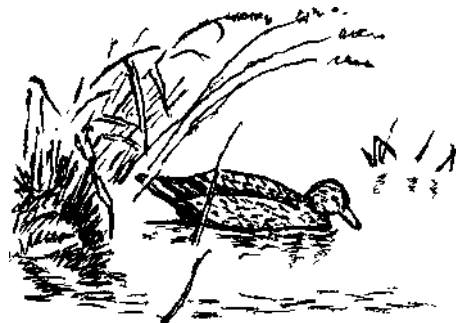
3.

Отягощён престижной ношей
(Тяжёл был птичий генерал),
Тропой, припудренной порошей,
Я с ним к зимовью зашагал.
Иду. Уже смеркаться стало.
Туман покрыл остатки дня.
И вижу вдруг, как уток стая
Несётся прямо на меня!
И я с испугу (кроме шуток!)
По атакующим "врагам"
Махнул ружьём – одна из уток
Вошла в пике к моим ногам.
Свой шанс утратить не желая,
Поймать я крякву поспешил:

Она была вполне живая,—
Её стволом я приглушил.

4.

Итак, мы глухаря добыли
И утку взяли напрокат.
— Ну надо же!— сказал Василий,
А Алексей изрёк: — Бывает...
Вернули крякву в мир привычный
После злосчастного пике,
А я о гостье необычной
Оставил запись в дневнике.

ДОПИНГ

1.

В тайге мы жили без комфорта.
Была осенняя пора.
Из трёх охотников когорта
Сбиралась на ночь у костра.
Старались быть к Природе ближе.
В том месте, где в домах труба,
Дым выходил сквозь дырку в крыше, –
Курилась чёрная изба.
Приют – мы в этом убедились –
В ней был не только нам самим:
Тут летом ласточки гнездились,
Дыра служила дверью им.
Костёр горел и днём, и ночью,
Когда наш дом не пустовал.
Я видел жизнь тайги воочью
И с лайкой птицу добывал.
А два других, в удачу веря,
Смелы и на ногу легки,
Ходили только лишь на зверя
И были промысловики.

2.

Успешною была охота
В тот день. Я вновь разжѐг костѐр.
Над птицей началась работа, –
Добытой дичи ждал котѐл.

Разделав птицу, мыл я руки
Речной холодной водой.
Вдруг странные услышал звуки
И обернулся... Бог ты мой!

Вокруг дыры горела крыша,–
Огня плясали языки.
Клубился дым – деревьев выше,
Треск доносился до реки!

К реке я кинулся с кастрюлей,
В которой мой трофей лежал,
Его я выбросил и пулей
С водой к зимовью побежал.

Горбатой горкою лежали
У стенки брѐвнышки-дрова.
Помочь могли они едва ли:
До крыши было метра два.

Не помню, как я очутился
На дранках крыши у огня,
Плеснул водой и вниз скатился,
Опять к реке несло меня...

3.

Взлетал на крышу и спускался
Опять с неё я много раз,
Но всё же своего дождался,–
Огонь вокруг дыры погас.

А дранки всё ещё дымились.
Я – не волнуясь, не спеша –
Решил ещё кастрюлю вылить,
Чтоб успокоилась душа.

Не надо было мчаться пулей
К реке и в спешке воду несть,

Только на этот раз с кастрюлей
Я не сумел на крышу влезть!

И мысль теперь лишь осенила.
После оконченной войны:
У дома лестница грустила,
С другой стояла стороны...

4.

Один я тот пожар осилил,
А к вечеру собрались все.
– Ну и дела!– сказал Василий.
– Быват... – промолвил Алексей.

Спасён был наш злосчастный домик.
Но мысль тревожила меня,
Что спас его не я, а допинг –
Из дыма допинг и огня.

* * *

Тех мест не миновала чаша
Судьбы печальной всей земли.
Край опустел. Зимовье наше
Бомжи таёжные сожгли.

ГЛАЗА

Есть всякие глаза:
С голубизной и поволокой томной,
Со скрытой страстью,
Горем или злом.
Есть всякие глаза:
Сродни ли ночи тёмной,
Или морской волне,
Просвеченной в излом.
Одни трепещут в ужасе животном,
Другие – сам восторг,
Когда гремит гроза.
Одни глядят вперёд бесповоротно,
Другие – бегают.
Есть всякие глаза...

* * *

Когда весной летят на север гуси,
Леса тревожит журавлиное "курлы",
В наш край сибирский,
В пышный угол Руси,
За ними возвращаются орлы.
В тайге для них всегда довольно дичи.
Частенько же случается и так:
Пирата поднебесного добычей
Становится откормленный гусак.
Однажды нашу малую косулю
Схватил разбойник прямо за углом.
Но я успел послать вдогонку пулю,
И он упал с простреленным крылом.

* * *

Сначала пленник яростно сражался.
Набросился на псов,
Повергнув в бегство их.
Но, связанный ремнями, сдался,
Посаженный в сарай, затих.
Не изменил он позы на мгновенье,
Не дрогнул от протянутой руки.
Лишь ненависть

И гордость,
И презренье
Струили глаз прозрачных родники.
Он вскоре умер,
Как я ни старался
Расшевелить его и накормить.
Бессильным перед ним я оказался
С таким соблазном,
Как в сарае жить.

* * *

Есть всякие глаза:
С голубизной
И поволокой томной,
Со скрытой страстью,
Горем или злом.
Есть всякие глаза,
Но всем им мерой полной
Считаю те, что умерли с орлом.

САНИ

1.

Где в ясный день снега лучились,
Где с нищетой велась война,
В начальной школе там учились
Два фантазёра – пацана.

Мы с Петькой сани мастерили
(Мой друг был Петька Мочалов).
Колхозный инвентарь шерстили, –
Из шестерёнок был улов.

Не думай, строгий мой читатель,
Что суд над нами нависал:
Мы брали то, что председатель
За непригодностью списал.

Был наш расчёт и прост, и тонок,
Идея дерзкая. По ней
Мы строили из шестерёнок
Мотор для аэросаней.

Хоть и нелёгкая работа
Вращать ручной мотор, зато
От одного лишь оборота
Пропеллер набирает сто!

2.

Пока детали мы сносили
В сарай на склад наш тайный, но
Снега в округе бороздили
На будущих санях давно.

Мечта нас снежным вихрем мчала.
Механик он, а я – пилот.
Был в технике силён Мочала
(Так Петьку школьный звал народ).

А я был книгочей-отличник,
Но клички избежать не мог.
Довольно, правда, необычной, –
Меня прозвали Педагог.

Мы дополняли с ним друг друга:
Мочала скорость развивал
(Мотор стонал, как от недуга),
А Педагог сжимал штурвал.

Потом к саням сообразили
Приделать крылья мы. И вот
Уже не по снегам скользили,—
Вершили над тайгой полёт.

Ночами звери навещали
Деревню. План наш был таков:
Разведав их места вначале,
Открыть охоту на волков...

3.

Года прошли не вперевалку,—
Мы задержать их не могли.
Железо всё снесли на свалку,
А в печке дерево сожгли.

Мечты другие появились.
Одни сбылись, другие — нет.
Но те полёты не забылись,—
Летаю до сих пор во сне...

Пришла компьютера победа,
И всё ж хочу я пожелать:
Дай Бог вам блажь мечты отведать,
Дай Бог всем в детстве полетать!

ВЫВОД

Играйте же, дети! Растите на воле!

Н.А.Некрасов

Раньше шли дожди косые.
Дети бегали босые.
Полагалось почему-то
Детям бегать необутым.
Необутым, и при этом
Кое-как полуодетым.
И под дождь косою попасть
Не считалось за напасть.
Много было увлечений,
Детских бед и приключений.
От безделья и тоски
Воровали колоски.
Избегая сытой неги,
На горох вели набеги –
Задавали стрекача
От объездчика бича.
Не боялись ни зимы,
Ни сумы и ни тюрьмы...
Вспоминают детства беды
Ныне выжившие деды.
Все, что входят в сей отряд,
Так, примерно, говорят:
«Нет теперь у деток бед,
Значит, детства тоже нет.»

Постскрипtum.

Может, опытом крепки,
В чем-то правы старики?

ДОМУШНИК

1.

Жизнь хлестали трепачи.
Гнали к счастью вроде.
Видно, потому бичи
У нас были в моде.

Различались по длине,
Тонкому плетенью.
Украшением вдвойне
Обретали цену.

Стиль никто не нарушал.
Каждый бич, понятно,
Наконечник завершал
Кожи сыромятной.

2.

Мастер-бичник – лучше нет –
На деревне нашей
Был горбатый мой сосед
Покаместов Паша.

В детстве Паша в лес ходил –
Многих благ источник –
Раз упал и повредил
Сильно позвоночник.

Так нашла его беда –
Хуже нет напасти:
Инвалидом стал тогда
Будущий бичмастер.

Делал на заказ бичи
Красоты отменной, –
Зарабатывал харчи
Той порой военной.

3.

Бич был розовой мечтой
Встрепанного детства
В беспросветной жизни той
Нищего наследства.

Все, что было у меня
Для врага коров, я
Покупал, просил, менял
С риском для здоровья.

Только наконецник мне
В руки не давался:
В сенцах Пашиных, на дне
Сундука скрывался.

Был у Паши тот сундук
Скопищем предметов,
Мне на зависть и беду,
Для бичей при этом.

Так бывает у людей
Один шаг до счастья,
Но сосед в моей беде
Не принял участия.

Мысль, как Пашу уломать,
Я оставил вскоре.
И пришлось на путь вступать
Домушника – вора.

4.

В плане не было нужды, –
Не было проблемы:
Знали тайные ходы
Друг у друга все мы.

Только подождать, пока
Все уйдут из дома,
А дорога с чердака
В сени мне знакома...

Не прошло пяти минут.
Как я возвратился.
Наконечник – вот он, тут! –
Дома очутился.

Полноценным бич мой стал.
Ну, а что до срама...
– Где ты этот хвост достал? –
Вдруг спросила мама.

Врать я маме не хотел.
Как ни заикался,
Как ни тужился, пыхтел,
Но во всем признался.

5.

После трепки – приговор
Не суровый даже:
– То, что ты у Паши спер,
Отнеси туда же!

Постскриптум.

У соблазна бесов лик
Друга дорогого.
Даже если он велик,
Не бери чужого!
В легкий путь соблазн зовет,
А в конце ждет яма...

Эту веру с детских пор
Мне внушила мама.
Я ее всегда, везде
Сохранить старался.
Потому и не сидел,
И не привлекался.

ПАШКИНО БРЕВНО

Пашку очень жизнь побила,
Но не уложила в гроб,
А взамен ему ссудила
Злополучный Пашкин горб.

Несмотря на все невзгоды
Пашка очень жизнь любил.
В невесёлые те годы
На все руки мастер был.

Но судьба опять достала.
Снова Пашка пострадал:
Рядом дерево упало, –
Ноги сук ему помял.

В дружбе с лесом люди жили.
Для каких-то дел давно
Рядом с хатой положили
Двухобхватное бревно.

Каждый год бывал когда-то
Я в сибирской стороне,
И всегда сосед горбатый
Восседал на том бревне.

Мужики к нему ходили
Поболтать. Несли вино.
И бревно то окрестили,
Стало Пашкино оно.

Хата Пашкина у тракта
С детских лет знакома мне.
Из письма узнал я как-то:
Нету Пашки на бревне...

И живут теперь в разлуке
С Пашкой местные леса.
Видно, Бог его за муки
Взял к себе на небеса.

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Отец мой не был долгожитель
Не потому, что папирос
Из самосада был любитель
И на хлебах с мякиной рос.

Нужда безжалостно сминает,
Но подкосила мужика
В конце концов напасть иная –
По человечности тоска.

Была на человечность скидка
Преступным актом в пору ту,
И сел отец в тюрьму. Отсидка
Пришлась ему за доброту.

Возник в то памятное лето
Колхоз. Доверили отцу
Пост председателя Совета
Как «из беднейших масс лицу».

Потом с формулировкой точной
Был издан Мудрого Указ:
Собрать всех кулаков и срочно
Их ликвидировать как класс.

Когда и хлебобоб заправский
Включался в список кулаков,
Он приходил к отцу за справкой
(Жил сельский люд без паспортов).

С такою справкою в кармане
Бежал несчастный из села
Дорогой той в ночном тумане,
Что часто в никуда вела...

* * *

Отец сидел в тюрьме два года
И невредим пришел домой:
Два страшных слова «враг народа»
Еще не правили страной.

Уже потом, в начальной школе,
Мы дружно выступали за

Вождя и Друга и кололи
«Врагам» в учебниках глаза.

Отец, пройдя в тюрьме отсидку,
Не стал соратником рвачей.
В колхозе плотничал. Навскидку
Стрелял отменно косачей.

Зимой бывал на лесосеке,
Пахал и сеял по весне,
Но с каждым годом в человеке
Росло сомнение. В стране,
Где каждый был теперь хозяин,
Где делом доблести стал труд,
Вдруг оказалось: он бесправен,
И подчистую все берут.

И со двора берут, и с поля,
С кур – шерсть, а масло – с кабана.
И корчится душа от боли,
Сопротивляется она...

Лихое время наступило –
Голодный тридцать третий – мой:
Уже шесть ртов по лавкам было,
И появился я – седьмой.

Казалось, холод смерти лютый
Деревню накрепко сковал,
И новый – всех времен – Малюта
Кровавым Молохом вставал.

Потом война, потом разруха
И голод, голод без конца...
В сосновой чаще филин ухал –
Там раньше был покос отца.

Не дал нам умереть Создатель
От многочисленных невзгод.
Я приведу тебе, читатель,
Тех лет один лишь эпизод.

* * *

Была весна – то время года,
Когда кончалась вся еда.

Снег чуть подтаивал: природа
Была суровее тогда.

Съестного не было ни крошки –
Шаром по дому покати.
Мечтали только о картошке,
А где картошку ту найти?

Найти хотя бы две–три штуки!
Доели всю, что запасли...
Отцовы золотые руки
Нас и на этот раз спасли.

Все темные углы жилища
Обшарил он и чугуны
Дырявые собрал. Им днища
Латал весь день (а мать – штаны)

Надевши потеплей одежду
И привязав мешок к саням.
Оставив дома лишь надежду,
Пошли с отцом по деревням.

Не позабыть мне ту дорожку
И те весенние деньки...
Довольно быстро на картошку
Мы обменяли чугунки.

В одной избе вдова солдата,
Забрав последний чугунок,
Отцу сказала: – Пусть ребята
Напилят дров. Ее сынок –
Чуть пободрей меня мальчишка –
Принес двуручную пилу,
И стали мы пилить дровишки
В сарае, прямо на полу.

Одна, другая, третья чурка.
И я, к великому стыду,
Вдруг понял: если только Щурка
Пилу отпустит – упаду.

Но Щурка понял, в чем тут дело
(Взрослели рано мы тогда),

Нажал сильней – пилу заело,
И обошла меня беда.

Передохнули мы немножко,
Потом опять поволочил
Меня на ручке он. Картошки
За труд ведро я получил.

В деревне переночевали
И, санки загрузив, чуть свет
Дорогой к дому пошагали,
В пороше оставляя след.

Лишь ночью к дому мы пристали.
Там коенок* горел пока.
И мы внесли мешок, поставив
Его у стенки на попа...

* * *

Так и катились дни, недели.
Над всеми властвовал Закон,
И кто–то думал: в самом деле
Необходим, как воздух, он.

Но был отец мой по натуре
Не исполнителем – творцом.
В предписанной Законом шкуре
Не стал рабом и подлецом.

И что ни делал – только штучно:
Диван, приклад или дугу.
Законом он (вполне «научно»!)
Почти приравнен был к «врагу».

Но чудачком прослыл он все же
В деревне и округе всей,
Хоть каждый знал: работать может
Только на совесть Тимофей.

Вот так и жил, с душой поэта,
Всё невпопад да не в струю.

* Углубление в печной стене, в котором жгли лучину или смолье для освещения.

В пятьдесят первом в русле этом
Так и окончил жизнь свою.

Ушел он, не дождавшись срока,
Еще раз не попав в тюрьму.
В сибирской стороне далекой,
Отец, мир праху твоему!..

КАК Я ВОРОВАЛ

История, читатель, эта,
Как все другие, не хитра.
Представь: в глухой Сибири где-то
Ухабистый таёжный тракт.

Деревня с чайной, сельсоветом.
С начальством вечная вражда.
Сороковые годы. Летом,
Весной, зимой – всегда нужда.

А осенью в краю раздольном
Рай ягодный и рай грибной.
Я – в возрасте начальшкольном,
В семейном старшинстве седьмой.

* * *

Мы все учились, слава богу,
В лихие наши годы те.
Был подвиг даже «понемногу»
Учиться в вечной нищете.

Но нищета такого рода
Для нас была не нищета:
«У нас не рабство, а свобода –
Всех пролетариев мечта!»

Из нас особую породу
Лепили Мудрые Вожди:
Отдай последнее народу,
И у народа не кради!

В нас эту заповедь вбивали
И словесами, и тюрьмой,
Но срывы все-таки бывали
(Что подтверждает случай мой).

* * *

Таежный тракт... Как много значил
Он для сибирского села!
Одних ждала на нем удача,
Других с бедой судьба свела.
Зимою в город Канск по тракту
Везли грузовики зерно.

Сдавали там его по акту
Или путевке – все равно.

Тут суть не в этом. Люд голодный
Смотрел на хлебный караван,
Как с хлебом труд его свободный
В морозный уплывал туман.

Смотрел, о горсточке мечтая
Зерна, хозяин той земли.
В какую даль какого края
Они зерно его везли?

Кому везли, кого кормили,
В какой стране жил тот народ
И люди те, что ели, пили
И в урожай, и в недород?

* * *

Шли по селу машины эти,
Ход замедляя, на подъем.
Тогда смекнули быстро дети
В селе униженном моем,

Что можно крючьями машину
На малой скорости «ловить»
И па коньках потом в лощину
С горы по тракту вниз катить.

Но мысль, как и беда, приходит
На ум обычно не одна:
– Послушай, Миш, – сказал Володя,
Не нагрести ли нам зерна?

– Ты что? Опомнись! – Я ответил
И даже серу* проглотил.
В моей душе, и чист, и светел,
Мне образ Павлика светил.

Хотел я, чтобы всё забылось.
Коньки забросил. Все равно

* Смола лиственницы, в Сибири использовалась как жвачка

Во мне теперь то слово билось:
Зерно, Зерно, Зерно, Зерно...

* * *

Сорвав с дыры в штанах заплату,
Я подтянулся... Вот оно –
У самых глаз волшебным златом
В дощатом кузове зерно!

И, позабыв про все на свете –
Про день, про ночь и про штаны,
Окошка даже не заметил
В кабине, с задней стороны.

И зря: все видело окошко!
С шофером рядом страж сидел
В засаде. Был он пьян немножко
И, вора поджидая, «бдел».

Сей дрессированный помощник
Был недоросль не из верзил.
Шофер – амбал тупой и мощный
Его всегда с собой возил.

Притормозив свою трехтонку,
Он к месту действия спешил.
Подручный стаскивал мальчонку
Амбал дубасил от души...

Я даже не успел снять шапку
(Она же – емкость для зерна),
Мне кто-то ноги сгреб в охапку
И дернул вниз... – Теперь хана!
Успел подумать я, и тут же
Пинок могучий подоспел,
И я, как мяч (могло быть хуже!),
В кювет со снегом полетел...

* * *

Пинал он истово и молча,
Кидало недоросля в смех.
Но боль я ощущал не очень:
Смягчал пинки спаситель – снег.

Натешившись (скучна дорога!),
В кабину сели. Грузовик
Продолжил рейс. Я без подмоги
Поплелся к дому напрямик.

От всех невзгод лечились в хате –
Болезнь пристанет иль беда,
И я, забравшись на полати,
Заплакал горько... от стыда.

АГРЕССОРЫ

1.

В конце деревни, на задах,
Травую зеленел
Лужок, что от жары не чах,
Под осень не бледнел.

Внизу лужок тот окружал
Горы лесистый склон.
Из-под горы родник бежал,
Питал запруду он.

Был невелик тот водоем,
Не для деревни всей,
И только край деревни в нем
Купал своих гусей.

2.

С мешком картошки на плече
Шел через огород,
Вдруг слышу: «Коршун там, в ключе,
Моих гусей дерет!
Я не могла его прогнать,
Он прыгнул на меня...»

Пришлось мне за ружьем бежать
(Нет дыма без огня),
Спасать Натальиных гусей –
Ведь тетка как-никак –
Я понял по повадке всей,
Не коршун был тот враг!
Не состоялся бой сторон:
Под выстрел не хотел
Попасть орел (это был он)
И тяжело взлетел.

Летел орел невысоко.
Я вслед ему глядел.
Он отлетел недалеко,
На лиственницу сел.
Решил агрессор переждать,
Пока мы отойдем,

Чтоб снова тех гусей терзать
В «гусятнике» своем.

Распотрошенных два гуся
Валялись на земле.
В пуху была лужайка вся,
И кровью луг алел...

3.

Мне удалось с большим трудом
На выстрел подойти.
Из леса вышел я с орлом,
Царь неба, ты прости:
Как видно, старость подвела,
Толкнула на разбой,
И заплатил ты за дела
Своею головой.

Проблему клюва и когтей
Я выстрелом решил,
И слезы тетушки моей
Тот выстрел осушил.

4.

Чтобы красавца своего
Надолго сохранить,
Пришлось мне шкуру снять с него
И чучело набить.

Хоть кропотливым труд мой был,
Но я в конце концов
Оформил птицу. Положил
Проветрить на крыльцо.

Подумал: сколь ты ни кружил,
Последний час настал.
Ты в небе царствовал и жил,
А на крыльцо упал.

В уста ужа вложил давно
Максим – скиталец речь:
Летай иль ползай – все равно
Придется в землю лечь.

5.

Из дома вышел на заре
И что увидел я?
Орла трепала во дворе
Огромная свинья!

Страшилище такое вот
Узрел, как говорят,
А вместе с ней и целый взвод
Вертявых поросят.

Надумала хавронья – мать
Спасать своих детей.
Что враг уже повержен, знать
Откуда было ей?

Так окончательный разгром
Свинья произвела.
Весь двор усеян был пером
Злосчастливого орла.

Прогнать хавронью от избы
Мне удалось едва:
Настырнее, чем беркут, был
Агрессор номер два.

СМЫК

1.

Булаными, рыжими, пегими
Пестрел лошадьми двор.
Мы обряжать их бегали –
Работали с ранних пор.

Вместе с нами лошадки
Работали на страну.
Конюх, на клички падкий.
Смыком назвал одну.

Давно уже Смык ни разу
Не знал хомута своего:
Когда – то злая зараза
Пристала к холке его.

2.

Лошадки, верша свое дело,
Брали в труде рубежи,
А Смык нагуливал тело –
В свое удовольствие жил.

Испортила воля конягу:
Отбился от рук, одичал.
Бросался с визгом в атаку,
Когда хомут замечал.

Лишь воля мужская могла бы
Сладить с конягой такой,
А мы – ребятишки да бабы –
Махнули на злюку рукой.

3.

На конном дворе мастерская
Была у больного отца.
Он плотничал, доски строгая,
Курил самосад без конца.

А дома детишек орава.
В колхозной упряжке жена.
Долбила и слева и справа
По нищенской жизни война.

Жару мы сносили и холод.
Конвой арестованных гнал.
Но голод, безжалостный голод,
Наш враг, он пощады не знал.

От засухи травы пожухли.
Картошка прервала свой рост.
И люди от голода пухли,
Готовясь уйти на погост...

4.

Ах, жизнь – непроглядная штука,
Ее оттеняет беда.
Все знают, что было, а ну-ка,
Что будет еще – угадай!

Нас чудо в тот раз посетило:
В избе, где всё съели до дна,
Мать ночью вдруг печь затопила,
Поставила два чугуна.

Еще и роса не упала,
И утренний месяц светил,
Семья вдруг проснулась и встала, –
Нас запах мясной разбудил.

Глуша все вопросы и мысли,
Отец нам прозрачно соврал:
– Сохатого волки загрызли,
А я у них мясо забрал.

И фразу добавил такую:
– Ни с кем не болтайте вы тут,
А то ведь меня арестуют
И мясо у вас заберут...

5.

Мы тешили наши желудки
И тайну хранили пока.
А слух по селу в эти сутки
Прошел о пропаже Смыка.

Понятно, вопросы какие
Там конюху были с утра.

А конюх тот был – Евдокия,
Отцова родная сестра.

Куда Смык девался, не знала
Ни сном и ни духом она...
В моральный тупик загоняла
Людей с голодухи война.

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

Месяц свет разлил над крышами.
Призадумались леса.
И по небу звезды вышили
Из алмазов пояса.
Колет жгучими иголками
Звонкий мартовский мороз.
Меж березами и елками
Волк бредет, поджавши хвост.
Он к селу крадется спящему,
Скрывшись в тени сосняка.
Лишь мелькают между чащами
Два зеленых огонька.

* * *

Волк выходит на опушку.
На опушке дом стоит.
Тихо все. Никто на мушку
Не берет: деревня спит.
Вот повел он чутким носом:
Сколько запахов кругом!
Поживиться б хоть барбосом
Или мартовским котом.
Волк пошел теперь открыто.
Ни барбоса, ни кота...

* * *

Было пять щенков зарыто
Там в сугробе у куста.
(Мужиков дела торопят,
У деревни ж нет реки.
Потому щенков и «топят»
В снег зимою мужики)
Небольшая та добыча
Зверю радостью была.
Отощавшая волчица
Пять волчат в себе несла.
Но находку не успела
Съесть она: из-за кустов
Вихрем лайка налетела –

Мать загубленных щенков.
Налетела и вцепилась,
В волчий бок вонзив клыки.
Не на жизнь – насмерть схватилась
Ведь нашлись ее щенки!
Вот не знала лайка только
Хоть и всех собак умней.
Что потомство не от волка
Защищать бы надо ей.
Так вовсю кипела драка.
Был истоптан снег вокруг...

* * *

Волку враг всегда собака,
Человеку – верный друг.
С хриплым лаем, визгом, воем
Нарастал борьбы накал.
Друг–хозяин к месту боя
От избы уже бежал.
Зверь от тени человеческой
В лес укрыться поспешил,
Но сдуллетил тот картечью
И волчицу уложил...

* * *

На морозе не одетым
Был плясать мужик готов,
Как узнал, что тем дуплетом
Сразу шесть убил волков.
Месяц свет струил потоком
На залитый кровью снег...

* * *

Не был тот мужик жестоким,
Был он просто человек.

УБИВЕЦ

1.

На краю деревни дом
На верху пригорка.
Жил в том доме под крыльцом
Барсучонок Борька.

Борьку крохотным щенком
В доме приютили.
Мы из соски молоком
Малыша поили.

А когда малыш подрос,
К нам он привязался.
Молодой любил овес,
Живностью питался.

Дождевых червей искал,
Куколок, личинок.
Молоко с котом лакал
Борька не по чину.

Рос себе не дуя в ус
И со всеми сжился.
Даже строгий пес Тунгус
С Борькой подружился.

Знал своих, а при чужих
В позу становился
И в ответ на ласки их
Фыркал и дичился.

Лишь ступал я за порог,
Шел ли на вечерку,
От себя прогнать не мог
Под крыльцо я Борьку.

И понятно, отчего
Прозвище пристало, –
Окрестили мы его
«Борька – прилипала».

2.

Борьке во дворе была
Полная свобода.

Делал все свои дела
В рамках огорода.
Потешал он часто нас,
В играх увлекался.
А играючи, подчас
С петухом сражался.
Неожиданно на кур
Прыгал из засады.
Разогнав крикливых дур,
Ждал от нас награды.
Если б знать, какой конец
От забавы вышел...

3.

Во дворе в тот день отец
Делал топорище.
Услыхав переполох,
Увидав такое,
Крикнул: «Борька, чтоб ты сдох,
Кур оставь в покое!»
Через двор чтоб не идти,
Только ради встряски
Топорищем запустил
В Борьку для острастки.
Хоть попасть он не хотел
(Понимали всё мы),
Все же Борькин нос задел
Тот предмет весомый.
Как подкошенный, упал
Наш любимец общий...
Сам его я закопал
Под березой в роще.
Злой судьбы не миновал
Борька – несчастливец.
Больше всех переживал
Смерть его убивец.

ГОЛЫЙ НА ДОРОГЕ

1.

Я ночью шёл домой с охоты
Весенней слякотной порой.
Дорога – петли, повороты,
Снег взялся мокрою корой.
В холодной хляби вязли ноги.
Серели наледью леса.
И лишь петлистой той дороги
Сквозь снег чернела полоса.
Я думал о родном пороге.
Но вдруг прервался мысли бег:
Из чрева ночи на дороге
Возник бегущий человек.

2.

Момент не очень был весёлый:
Ночные поздние часы,
Бегущий был к тому же голый –
Белел на фоне полосы!
Беззвучно двигал он ногами,
Фигурой строен и высок.
И чёрной полосы меж нами
Совсем коротким стал кусок.
Из столбняка я смог вернуться.
С плеча ружьё своё рванул
И, чтоб с бегущим не столкнуться,
С дороги в сторону шагнул.
И что увидел тут – о боги!–
Несостоявшийся стрелок:
Рысил конь белый по дороге,
На нём – невидимый седок.

3.

Промокла на спине рубаха.
(Но, слава богу, не портки.)
Да, велики глаза у страха,
Порой преступно велики.

НЕЛЕГАЛЫ

1.

Не помню, зачем я пошел тогда в лес
(Я в лес очень часто ходил).
Тунгус – наш ангарский охотничий пёс
Меня, как всегда, проводил
И сразу покинул. Он свой интерес
Имел в это утро в лесу:
Из шкуры своей от усердия лез –
Гонял меж деревьев лису.
Подобного я не встречал ничего –
С лисой в догонялки играть!
Она от коряги манила его,
А пёс возвращался опять.
Тунгус, за лисой увязавшись, пропал.
За дело я сам принялся:
Под этой корягой гнездо раскопал –
В нем было семейство лисят.
Я маму-лису хорошо понимал,
Детей надо было спасать:
У пса, как у волка, клыкастый оскал,
И дичь он привык убивать.

2.

Решил я забрать все семейство домой.
Но как их нести – целых пять?
Какой-нибудь сумки не взял я с собой,
Пришлось свои брюки снимать.
Штанины внизу я узлом завязал
И в них всех лисят поместил.
Они прикрывали мой перед и зад
(Исподнего я не носил).
Вот так, без штанов, и явился домой,
Им вешалкой было плечо.
Неравный я с матерью выдержал бой,
А что предстояло еще...
Был крут приговор – тут проси не проси
И сколько не трать своих слез:

«Клади их в мешок и обратно неси
Туда же, откуда принес!»

3.

Но я был упрямей, чем думала мать,
Лисят я в предбанник отнес.
В углу им устроил из тряпок кровать,
Над нею – из веток навес.

Мои нелегалы на первых порах
Себя очень тихо вели.
Но жизни такой уготовлен был крах,
Как только они подросли.

Давно обнаружен был лисий детсад
И много с ним было хлопот.
Оставили жить до зимы всех лисят,
На мне был за ними уход.

Им было достаточно пищи мясной
Из сусликов, бурундуков.
Не стали бояться, встречаясь со мной –
Одним из их вечных врагов.

4.

А время летело. Лисята росли.
Зима нарядила их всех
За то, что от пасти Тунгуса спаслись,
В роскошный губительный мех.

Я очень питомцев своих любил.
И вот приближался финал:
Приличную сумму питомник сулил,
Чем кончится это, я знал.

Однажды отец посмотреть их зашел, –
Оформился мех или нет.
В то утро – увы – он лисят не нашел,
Остался от них только след.

Никто о таком и подумать не мог:
Прогрызена рама в окне!
А кто совершить это бегство помог, –
То было известно лишь мне.

ПРО РУЖЬЁ

1.

Где ты, первое моё
Самодельное ружьё?
К удивленью всей округи
Сделал то ружьё отец.
Был он мастер на все руки –
Плотник, слесарь и кузнец.
Называл ружьё он "крнка"*
Мы не знали, почему,
А в деревне имя "крынка"
Дали сразу же ему.

Ах, вы годы, детства годы –
Волчий вой, буранов мгла...
Одолеть нужду, невзгоды
Как ты, крынка, помогла!

Кто не помнит годы эти
После долгих лет войны?
Пережили их и дети
Обескровленной страны.

Нам под выстрел попадали
И косач, и дикий гусь.
Как добычи нашей ждали,
Описать я не берусь.

С самодельной крынкой этой,
С этим редкостным ружьём
Сколько красочных рассветов
Повстречали мы вдвоём!

Сколько с ним ночей осенних
Скоротали у костра,
Сколько раз в душистом сене
Отдыхали до утра...

Проложили троп немало
По сверкающим снегам.

* Сильвестр Крнка – чешский оружейный мастер.

Не в одну беду, бывало,
Попадать случалось нам.
В лютый холод замерзали,
Было тут не до стрельбы:
Чуть живые доползали
До спасительной избы.
Босиком ходили летом.
Попадали в дождь и град.
Двое было нас при этом –
Я и Васька, старший брат.
Обожали мы своё
Экзотичное ружьё.

2.

Где ты, новое моё
Современное ружьё?
В городской моей квартире
В ящике стальном лежит.
Марка «ТОЗ - 34»,
(Между прочим – дефицит).
Нужно, в мирный нрав не веря,
Под замком его хранить
И в милицию на пере-
Регистрацию носить.
Там бестрепетной закалки
Регистратор-острослов
Скажет: "Предъявите палки
Для охоты на ослов!"
Ну а если позабудешь,
В срок не явишься, тогда
Приглашён повесткой будешь,–
Может быть тогда беда.
И врачам ты в психотделе
Разгружаешь свой карман,
Чтобы справку взять: владелец
Не маньяк, не наркоман,
Не кретин, не шизофреник,
Не алкаш, не буйный псих,

Не садист, не неврастеник
И десяток "не" других.

Я – доцент, ружья владелец –
Взят на крими–псих–учёт.
В нашем платном бытборделе
Унижение не в счёт...

Может быть, оно и лучше
Перебдеть, чем недобдеть,
Но любовь к ружью всё глуше,
Всё сложнее им владеть.

Надоело мне моё
Злополучное ружьё.

ПОГОНЯ

1.

Лесные тропы и дороги,
Распадки, горы да бугры.
Холмистые Саян отроги
И притаежные боры.

Богаты дичью и брусникой
Когда-то были здесь леса.
Дружили мы с природой дикой,
Теперь ушла ее краса.

Изведены лесные чащи.
Не стало зверя тут, а ведь
Бродили у поскотин наших
И лось, и босс тайги – медведь.

Всего родней был лес и ближе.
Все детство в нем прошло мое.
И в памяти остались лыжи,
Ружье, капканы и зверье.

2.

О крупной дичи не мечтая,
Наградой за свои труды
Добыть считали горностаю.
Напасть на колонка следы.

Однажды с братом мы проснулись,
Когда над лесом тлел рассвет
И в бор ушли. А там наткнулись
На незнакомый свежий след
По форме с колонковым схожий,
Но только раза в два крупней.
Какой-то, видно, зверь захожий
К нам забежал на пару дней.

Мы долго размышлять не стали –
Азарт охотничий разыграл,
Но без собаки вдруг остались:
Тунгус на свадьбу убежал.

Пошли за ним, вернули к месту
(Без пса в лесу охоты нет).

Забыл тунгус свою невесту,
Как только ткнулся носом в след.

3.

Пес оценил новинку эту
И церемониться не стал:
По экзотическому следу
Рванулся сразу и пропал.

И захватила нас погоня.
Мне крикнул брат: – Не отставай!
Тунгус сейчас его догонит
И голос даст – услышим лай.

Летело время незаметно.
Кончался куцый зимний день.
Не доносился лай заветный
Уже спускалась ночи тень.

От гонки очень мы устали,
Бежали из последних сил.
Видны на небе звезды стали.
И тут тунгус заголосил...

4.

Он на поляне оказался.
На ней была одна сосна.
В ее вершину зверь забрался –
Ловушкой сделалась она.

Мы подошли и сняли лыжи.
Снег утоптали до земли.
Вокруг ходили – дальше, ближе –
Зверька увидеть не могли.

Тунгус на дерево кидался,
И нюх и глаз его остер.
Один лишь выход оставался –
Разжечь под деревом костер.

Вот заплясали блики света.
Мы отошли чуть–чуть назад.
Два огонька блеснули – это
Нам зверя выдали глаза...

В ориентир этот особый
Немудрено было попасть.
Из хвои наш мучитель – соболь
Упал тунгусу прямо в пасть.

ПРЯНИК

1.

В сельпо у крыльца магазина
Всегда был помощников рой:
То бочку сгрузить керосина,
То емкость с кетовой икрой.

В продаже кета и горбуша,
Селедка – голимая соль.
Захочется рыбки покушать,
Купи – и покушать изволь.

Я правды ничуть не нарушу,
Хоть хвалим теперь их захлёб:
Меняли кету и горбушу
У пленных японцев на хлеб.

В Сибирь на отстой уводила
Лихих самураев игра.
У нас в рацион их входила
И рыба, и даже икра.

Японца другая утроба, –
Кетой и горбушей он сыт.
А хлеб же в семье хлебороба
Тогда был большой дефицит.

2.

Но это все к слову. Однажды
С толпою ребят у крыльца
Стоял я в пилотке бумажной,
В урезанных брюках отца.

С крыльца, как герой Рокоссовский
Взирал на нас грузчик солдат –
С медалями Колька Белковский,
Прошедший бои и санбат.

Еще не забыл свои раны
И запах санбатской крови...
Достал из кармана он пряник
И крикнул: «Эй, Мишка, лови!»

3.

Меня словно стукнуло током:
Ведь имя мое он назвал!
Не вникнув в событие толком.
Я пряник тот ловко поймал

И сразу же съел – был он вкусный,
Не то что сухая кета.
А смех, что казался мне гнусным,
Я сразу не понял тогда.

Смеялись все громче мальчишки,
А друг мой Алешка сказал:
– Так пряник же брату он Мишке,
Б е л к о в с к о м у Мишке бросал.

ТЫСЯЧНИК

1.

Ушли те дни, ушли те ночи,
Давно ушли те годы прочь.
Забылось многое, но очень
Одна запомнилась мне ночь.

Нет, не событием особым,
Не завыванием пурги,
Ничем таким, бояться чтобы,
Хотя кругом были враги.

Вредители повсюду были –
Их трудно было разглядеть.
Ловить шпионов нас учили,
И день и ночь учили бдеть.

Пурга в ту ночь утихла кстати,
И небо вызвездил мороз.
А я смотрел в окно с полатей,
Глаза насилуя до слез.

Там, у холмов, в конце лощины
(Тракт проходил в той стороне),
Свет возникал от фар машины,
А лучик–зайчик – на стене .

И мы следили, как тот лучик
Свой путь по стенке пробегал.
Как нам хотелось, чтобы лучше
Сам грузовик у дома встал!

2.

Приезда матери мы ждали
Из районного села.
Ее недавно провожали
Туда на важные дела.

Не из простого интереса
В Дзержинск понадобилось ей,
А получить там от собеса
Аж целых тысячу рублей!

В те годы жизнь счастливой стала.
Чтобы от счастья не отстать,

Раз в год на шесть детей давала
Пособие родная власть.

Нам с почты принесли газету.
В ней напечатан был Указ.
И сумму тысячную эту
Мать получала в первый раз.

И тут со мной такое случилось,—
Ребенок стал я не простой:
Ведь тысяча за шесть давалась
Детей, а я и был шестой!

Об этой новости узнали
В деревне — не прошло и дня.
Звать сразу т ы с я ч н и к о м стали
Все в Николаевке меня.

3.

Носили с братом, что попало,
Сначала он, а я потом.
Моей мечтой заветной стало
Тогда к у п л ё н о е пальто:
Чтоб воротник был настоящий,
Карманы, пуговицы в ряд...
А тут момент был подходящий,
Как я был тысяче той рад!

Мы маме сделали заказы,
И каждый, что хотел, сказал.
А я не думал долго: сразу
Пальто по моде заказал.

Конечно же я верил маме.
Она не стала возражать.
Считал, пальто уже в кармане,
Осталось только подождать.

И каждый огонек скользящий
Сулил пальто доставить мне.
И сердце колотилось чаще,
Чем прыгал зайчик по стене.

А время шло неумолимо.
Я от волнения устал.

Машины проезжали мимо, –
Со стенки зайчик пропадал.
А брат и сестры уже спали.
Я тоже раз-другой зевнул,
Потом глаза слипаться стали
И не заметил, как уснул.

4.

Наутро голос, мне знакомый,
Услышал: «Что он не встает?»
Смотрю, а мама уже дома,
Уже подарки раздает...

Не слез – скатился я с полатей,
Мне даже не помог никто:
Все отвлеклись, а на кровати
Лежали шапка и пальто!

Схватив мечту свою в охапку,
Я упаковку развернул,
Надел пальто, отбросив шапку,
И в нем с ногами утонул...

Сказала мать: – Не плачь, дурашка, –
Оставив хвостик от мечты, –
Пальто сперва поносит Васька,
Как подрастешь, поносишь ты.

НОЧКА

Сестре Татьяне

1.

На холме в лесу густом,
Где раздолье лайкам,
Дом стоял, а в доме том
Семеро по лавкам.

Вся семья, что тут жила,
На глазах распалась.
В доме на краю села
Мать одна осталась.

Так хотелось сатане:
Нахлебавшись горя,
Все семейство по стране
Разбежалось вскоре.

Отчий дом всего родней.
Мать не забывали.
Хоть не все, но всё же к ней
Летом приезжали.

2.

Отдыхала там душа.
Из нашего «клана»
Я приехал с Иртыша,
Сестра Таня – с Кана*.

У Татьяны был сынок,
Звали его Мишей.
Я с трудом ужиться мог
С ним под нашей крышей.

Беспокоил нас пацан,
Хоть и был здоровым:
Куксясь, хныкал без конца,
Плакал трубным ревом.

(Должен, говоря о нем,
Сделать шаг попятный:

* Приток Енисея

Во младенчестве своем
Сам крикун был знатный.)

3.

Не зависима от всех,
Среднего росточка,
Нас повергла как-то в смех
Наша кошка Ночка.

Живностью котят кормить
На себя заботу
Взяла Ночка и ходить
Стала на охоту.

То притащит бурундука,
То летягу-белку,
То зайчонка беляка,
Птаху свиристелку.

Был у ней, кроме котят,
Миша на примете.
Ночка думала: кричат
С голоду все дети.

Обслужила и мальчика –
Крикунишку Мишку,
Положила у лица
На подушку мышку.

ЧЕРНИЧНЫЙ ХЛЕБ

Памяти брата Василия

1.

Знали мы: есть хлеб ржаной
Из буса* лепешки,
Блин зеленый травяной,
Сушки из картошки.

Был мечтой для нас, детей,
Серый хлеб пшеничный
Из пшеничных отрубей,
Но на вкус отличный.

Сельских жителей душил
Голод в своих лапах.
Самым вкусным хлебом был
Только хлебный запах.

2.

Двор сельпо среди села
С бытом прочно сросся,
А главбухом там была
Наша тетка Фрося.

Лес нам был, как дар судьбы.
Без него едва ли
Жить могли. В сельпо грибы,
Ягоды сдавали.

И брусники, и груздей
У села навалом,
А черничник не везде –
Аж за перевалом.

По чернику мы туда
Сроду не ходили,
А бруснику всегда
Ведроносками носили.

Только ягода давно
Красная приелась,

* Пыль, осевшая во время помола.

И до черной все равно
Добраться хотелось.

3.

Мысль про ягодный десант
В воздухе носилась.
С нами главный коммерсант –
Фрося согласилась.

Мы сельповский тарантас
Под чернику взяли.
Погрузили свой припас,
Бочку привязали.

Вел десант мой старший брат.
С ним ружье на зверя.
На возу сидели в ряд
Фрося, я и Вера –

Наша средняя сестра,
Бойкая девчонка.
В путь отправилась с утра
За увал с ночевкой.

Возбудила интерес
Сельского народа,
Словно в воду, канув в лес,
С бочкою подвода.

4.

Знали, что не прост поход
Наш в лесные дали,
Но такого все же от
Леса мы не ждали.

Только кончилась тропа –
Местная дорога,
Сразу наш запал пропал,
Родилась тревога.

В непролазный бурелом
С лошастью вломились.
В буреломе плотном том
Мы остановились

И устроили привал
С первой перекуской:
Был наш путь за перевал
Явной перегрузкой.

Под сосной на мху брезент
Вера разостлала,
Ну, а Фрося свой презент
Из сумки достала...

5.

Я такого до тех пор
Под родимым небом
Не встречал: белый бугор
Оказался хлебом.

Мягким хлеб тот был, как пух, –
Нежное создание.
Необычный вкусный дух
Захватил дыханье.

Быстро таял под рукой
Хлеб тот непривычный.
Тетка молвила: «Такой
Хлеб зовут ч е р н и ч н ы й ».

Чудо множится порой.
Фрося нас сразила:
На брезент бугор второй
Хлеба водрузила...

6.

Не способным на прорыв
Дебрей оказался
Наш десант. Его порыв
До нуля добрался.

Мы черничных дальних мест
Достичь не сумели,
Но зато в один присест
Хлеб черничный съели.

Да и Васька видел след,
Сделанный медведем...

И сказала Фрося: «Нет,
Дальше не поедем!»

Постскриптум.

Был не только я осёл.
Посудите сами:
Ради хлеба нас завёл
В дебри наш Сусанин.

При разгрузке помогли
Дети, и узнать им
Довелось, что привезли
Хлеб для сельской знати.

Тайна Васькина всплыла.
Схлынул голод дикий...

Зелена еще была
В том году черника.

ДЕТИ ОБРАТА

*Памяти моей матери
Анны Логиновны*

I.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Пока, читатель, от причала
Уйдешь под парусом страниц.
Тебе представлю я сначала
Семейство действующих лиц.
Была больших кампаний эра.
Большой была наша семья.
Родители и дети –
Вера, Маруся, Люба, Катя, я,
Василий, Галя, Лида, Нина –
Вот круг внушительный родных.
Но это давних лет картина,
И многих нет уже из них...
Из лиц других фигура эта
Как демон горя и тоски,
«Пред» поселкового Совета
Без левой – по плечо – руки.
Где потерял свою он руку,
О том не знали ничего.
В деревне ж белоглазой щукой
Все скоро стали звать его.
Но жизни горькая наука
Потом сказала, и прогресс
Явили люди: в слове щука
«Щ» заменили буквой «С».
Спроси, бывало, хоть с пеленок
Любого малыша тех лет:
– На «С» кто щука?
– Адаменок! –
Готовый следовал ответ.
На фронте не был – это точно:
В деревню прибыл до войны.

Укоренился очень прочно,
Усердно протирал штаны...

II.

ВРЕМЯ И МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Я не могу конкретной датой
Отметить случай тот простой.
Послевоенный сорок пятый,
А может быть, сорок шестой
Был год, когда не похоронки,
А сроки получал народ,
И на полях моей сторонки
Стал частым гостем недород.

И пашни превращались в чащи,
Где был ночами наглый волк,
А крепостной народ все чаще
Терял в работе смысл и толк.

На трудповинность выходили
Копить пустые трудодни.
И в деревнях сибирских жили
Тогда «преступники» одни...

Трудились, ожидая срока,
С утра до вечера в те дни –
За недоимки по оброкам,
То бишь налогам, все они.

За колоски па поле сжатом,
За «лишних» кур в пустом дворе.
Нередко слышалось тогда там: –
Уж посадили бы скорей!..

III.

В МОЛОКАНКЕ

Мы вечером и спозаранку
Хоть было очень далеко.
Для государства в молокоанку
Сдавать носили молоко.

Там со своим бездонным люком,
Как разжиревший бюрократ,

Урчал утробным сытым звуком
Непостижимый аппарат.

Он назывался сепаратор.
Гнал две струи из недр своих:
Для нас – прозрачную – обратата,
Густую белую – для них.

Сдав молоко, плелись обратно
С ведром, стараясь не упасть,
Поскольку в том ведре обратата
Или отгона была часть.

IV.

ОТРАЖЕНИЕ АТАКИ

Так иногда приходит горе.
Я помню четко и сейчас,
Как исступленный лай Дозора
Поутру взбудоражил нас.

И мы с крыльца, еще спросонок,
Когда дерет зевота рот,
Со страхом смотрим: Адаменок
Стоит с веревкой у ворот.

За ним – помощник исполнитель,
Его подручный секретарь
И вдовьей водки поглотитель,
С трудом освоивший букварь.

Вооружившись дрыном–палкой,
Встречает Адаменка мать:
– Моих детей тебе не жалко,
Пришел корову забирать?!

Так забирай с коровой вместе
Их всех, и в сельсовет веди,
А нет – убью на этом месте,
Попробуй только подойди!..

Так крепко палку мать держала –
Был лоб от напряженья бел.
Лицо решимостью дышало,
И Адаменок оробел.

Бесцветные резинки-губы,
И рот, как черное очко.
Из-под губы с прорехой зубы.
– Что, попиваешь молочко?!

Со злобой выкрикнул, но все же
Войти в ворота не посмел,
Хоть страшен был казенной рожей
И с бабами жесток и смел.

Но иногда и баб не троньте:
Страшней тюрьмы голодный дом.
(Отец в то время был на фронте
Послевоенном трудовом).

И «пред» несолоно хлебавши
Ушел с веревкой в сельсовет,
А мы, с коровой не расставшись,
Траву сварили на обед.

Об Адаменке позабыли,
Был к ночи не помянут он.
Траву отгоном забелили:
Нам оставался лишь отгон...

КАК Я УЧИЛСЯ

*Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь...*

Н.А. Некрасов.

То поля, то чащоба
По дороге в Курай.
Ах, учеба, учеба –
Непечатый твой край!
Твой кусочек начальный
В Николаевке был.
Где ж конец твой печальный?
У родных ли могил,
Или в в дальней сторонке,
Где чужие кресты?
На попутной трехтонке
Едем в прошлое... Ты,
Терпеливый читатель –
Мой верховный судья.
Мой попутчик–приятель,
И, конечно же, я.

I. НИКОЛАЕВКА

В два ряда вдоль тракта хаты.
Слева склон и справа склон.
На холмах этих когда–то
Зверя добывал чалдон.
А потом, в начале века,
В этот край российский люд,
Кто по тропам, кто по рекам
Нес земле свой тяжкий труд.
Зазвенело, застучало –
Где пилой, где топором
Расчищали лес сначала,
Избы ставили потом.
И на месте, где деревья
Раньше были да кусты,
Николаевка – деревня
Протянулась в две версты.

* * *

Невзгоды... Я под их напором
На время отложил Курай –
Село чалдонское, в котором
Был семилетний школьный «рай»

До этого Курая–рая
От нас двенадцать верст пути.
На наши холода «взирая»,
Кто в эту школу мог пойти?

И начались мои походы
В строю суровом трудовом.
Стране был нужен труд, мне – годы,
Чтобы в Курай ходить пешком.

II. КУРАЙ

Лихо крутит позёмка –
С нею спор завожу:
В предрассветных потёмках
Я на лыжах скольжу.
То по чистому полю,
То меж елок, берез.
Нет сил моих боле,
Жжёт январский мороз.
Онемел подбородок,
Сколько снегом ни три.
Где–то сбился с дороги,
И – смотри не смотри –
Ни просвета не видно,
Ни лыжни, ни следа...
Не минует, как видно,
Лиходейка – беда!
Утонувшие лыжи
Из кустов выдирай...
Где ты – дальше иль ближе –
Мой спаситель Курай?

* * *

Нет, не взяла меня погодка:
Наткнулся прямо на забор

Заимки* . Что до подбородка –
Заметны шрамы до сих пор.

Сильна к ученью страсть в народе.
Наверно, это и влекло
Три года при любой погоде
Меня в чалдонское село.

У местной «знати» оголтелой
С эпохой чувствовалась связь:
– Ты что, ученым стать затеял?
Сиди, дурак, и не вылазь!

Когда от ноши ныло тело
И под собой но чуял ног,
Презрительно мне вслед летело:
– Ха-ха, гляди-ка – п е д а г о г !

Я, ненавидя их подспудно,
Глотал обиды горький ком.
Я быть хотел – поверить трудно!
Не педагогом – м о р я к о м .

С мечтою этой до рассвета
Вставал зимой, смиряя сон
Уже на горизонте где-то
Маячил город мне Херсон

С его гражданской мореходкой
(Тельняшка, крабы, брюки – клеш).
Легко себя представить в лодке,
Когда на лыжах ты «плывешь»
И тешишься о море думкой
(Мечтать имели право мы),
А за спиной в холщовой сумке
Случат замерзшие комы** ...

III. ХЕРСОН

Бьют колеса на стыках
Бесконечную дробь: –

* Отдельная промысловая или земледельческая усадьба.

** Шары из толченой картошки (сиб. мест.)

Как ты–ты, как ты–ты, как
Угодил в этот гроб?

Втиснут в ящик под койкой –
Место для багажа –
Я, с морской наколкой,
Притаившись, лежал.

Ехал я без билета:
За три дня не достал.
Первым поездом этот,
Мной увиденным, стал...

* * *

Так, я проводником пригретый,
Расстался с родиной моей.
Он вывез в жизнь меня. За это
Три сотни получил рублей.

Я ехал с паспортом в кармане
И не во сне, а наяву,
Из Канска, города на Кане,
В столицу Родины – Москву.

И вот поплыли мимо сёла –
То флаг, то лозунг, то труба.
Нас вез «экспресс пятьсот веселый»
Вез от столба и до столба...

И без того худой и тощий,
В пути я высох до костей.
Наверно, так святые мощи
Творит природа из людей.

Выла моя одежда тоже
Не первой свежести – увы!
Но– несмотря на все, я все же –
Ура! – добрался до Москвы.

* * *

Херсон... Все побоку обузы!
Явил он мне свой южный лик:
По сонной улице арбузы
Вез деревянный грузовик.

И возвращался в старом АМО
Горою полосатый груз.
Тряхнуло грузовик на яме –
На землю полетел арбуз.

И, полыхнув пурпурным цветом,
Взорвался с треском, как ядро,
А мне подумалось при этом:
Вот бы сейчас его в ведро!

* * *

Начальство, посмотрев на вызов,
И, с удивленьем, на меня.
Сказало: – Очень жаль, но вы же
К нам опоздали... на три дня.
По документам вы – отличник,
Но мы закончили набор...

При этом аргументе веском
С мечтой произошел конфуз:
Она вдруг раскололась с треском,
Как тот разбившийся арбуз...

IV. КИЕВ

Ах, арбузы, арбузы,
Ах, херсонский речпорт,
Там ворочал я грузы
И таскал их на борт.

Заработав немного
На погрузке деньжат,
Я пустился в дорогу –
Не домой, но назад,

А подался я с горя
В стольный град на Днестре,
Не увидевши моря,
К своей старшей сестре.

После фронта застряла
В стольном граде она –
Так людей расселяла
Зачастую война...

* * *

Жизнь у сестры – не надо краше
(Узнал я вкус борща, котлет),
Вставал вопрос: что делать дальше
В мои семнадцать с лишним лет?
Мой возраст был для аттестата
О средней школе в самый раз.
И я решил пойти в десятый,
Мой самый трудный в жизни, класс,
Об этом акте беспримерном
Не мог недавно и мечтать:
Пришлось экзамены экстерном
Мне сразу за два класса сдать.
Так жил я у сестры покуда,
Прилежно школу посещал,
И через год свершилось чудо:
Я з р е л ы м человеком стал.
Конец учебным перегрузкам!
Я аттестат держал в руках
На украинском и на русском –
Славянских братских языках...

V. ЛЕНИНГРАД

С комсомольской путевкой
(Как я горд и как рад!)
Еду в бой без винтовки –
В институт в Ленинград.
Просто невероятно,
Институт–то каков:
Иностранных (понятно?)
Институт языков...

* * *

Казарменных четыре года –
Отбой в двенадцать, в семь подъем,
И мне – бродяге из народа
Вручен с отличием диплом.
Моя бродяжная страница
Продолжилась. Писал на ней

Теперь я слово з а г р а н и ц а
В предчувствии нелегких дней.
И дни такие наступили.
Хоть мне по силам был мой труд,
Но думалось порой: да ты ли
Живешь, невольник вольный, тут?
Там были тяготы другие,
Не «хлеб насущный дай нам днесь».
Вгрызалась в душу ностальгия –
Моей профессии болезнь.

VI. ОМСК

Мне светила карьера,
Как у нас говорят,
Но слабеть стала вера,
Рос душевный разлад.
Вера в честность и совесть,
И добра правоту...
Впрочем, речь лишь о том ведь
Я, читатель, веду:
Человек в этом мире
Жив не только куском...
Вот я снова в Сибири.
Место жительства – Омск.

* * *

Тем памятен мне город этот
В сибирской стороне степной,
Что в нем однажды как-то летом
Сошелся с будущей женой.
Уйдя в запас, я стал гражданским.
Окончил здесь пединститут.
И каждый год встречался с Канском,
Откуда к дому вел маршрут.
И там, у мамы, в нашем доме
Встречал (ну кто подумать мог!)
Родных, соседей и знакомых
Нет, не моряк, а педагог.

Да, педагог. Моей натуре
Профессия была под стать,
И потому в аспирантуре
Решил себя я испытать.

VII. МОСКВА

В степи Казахстана
На речке Ишим
С женой первоначально
На пляже лежим.
Живем а Атбасаре
Мы десять деньков
И ловим и варим
В ухе окуньков.
Не долго ушицу
Осталось хлебать:
Я еду в столицу
Экзамен сдавать.

* * *

Вступительный экзамен... Снова
Начался за дипломом гон,
И дело было мне не ново –
Был третьим по порядку он.
Но что касается предмета
Сей новой гонки, то поверь,
Читатель, мне победа эта
В безбедность открывала дверь.
И я без связей и без блата,
Как претендент на пьедестал
По категории солдата
Перед комиссией предстал...
В Москве не жалуют пришельцев,
Но так случилось (знай поди!)
Из нас, четырнадцати «немцев»,
Был принят только я один.
С тех пор – лиха беда начало! –
Пленил меня московский быт.
Жизнь подхватила и помчала,
И хоть бывал я ею бит –

Учебы хлопотные годы,
За выживание бои –
Но все же у любой погоды
Всегда есть прелести свои...

Давал я частные уроки,
Готовил в университет,
Писал, укладываясь в сроки,
Статьи, с наукой тет–а–тет.
Встречался не с одной проблемой,
Немало бед преодолел,
Но и с московскою богемой
Бывал не только в ЦДЛ*.

* * *

Кипела жизнь в столичном бредне
Я, «как назначено судьбой»,
Идти готовился в последний
Решительный «защитный» бой.
Настал финал трудов упорных.
Мы взяли крепость на ура.
Имел я в результате черных,
Из тридцати, лишь три шара.
Вот огласили результаты.
Фанфарным был мне этот звук:
«Присвоить степень кандидата
Педагогических наук».

VIII. НИКОЛАЕВ

Вас пугать не желая,
Успокоить хочу:
Я, попав в Николаев,
Не учусь, а учу.

Южной степи просторы
Снова здесь увидал,
Встретил Черное море,
Много раз наблюдал,
Как уходят лиманом
В долгий путь корабли...

* Центральный дом литератора.

Был ли я капитаном
В те далекие дни,
Или мчалось по ветру
Мое судно–ладья,
И в последнюю эту
Гавань вынесен я?

Так со стапелей сходят
В свою жизнь корабли
И конец собой находят
В разных доках земли.

НЕ ВСЕРЬЁЗ

1.

СОВЕТЫ КАЩЕЯ

(женщинам и мужчинам)

Советы нашему народу
Даёт бессмертный тип – Кашей.
– Не пейте из-под крана воду,
Не ешьте фруктов, овощей.

И постоянно напрягайтесь
Меня в худобе перегнать.
Лишь гербицидами питайтесь
И привыкайте не дышать.

Примите все советы эти,
Ко мне доверие храня,
И – невесомые, как дети –
Бессмертней станете меня.

Когда к костям присохнет кожа
И обозначится скелет,
Для тленья в землю не положат:
Нужды в деянье этом – нет.

Твой взор меняться перестанет
В глазницах вечного лица,
Неизвлекаемой смерть станет
Из камня – бывшего яйца.

2.

ВСЕ О ЖЕНЩИНАХ

(Из цикла "Мудрая старость")

Я очень умных женщин не люблю.
На них печать довлеет превосходства.
Хоть лица далеки их от уродства,
Я в них лишь отблеск красоты ловлю.

Я очень глупых женщин не люблю.
Им красота дана как бы в насмешку, –
Маскировать к своим усладам спешку:
Скрывая эротическую пруть,
Прийти, увидеть, сразу победить.

Я средних женщин не могу любить.
Такая женщина ни мясо и ни рыба,
Ни притупить её, ни заострить, –
Она, как отшлифованная глыба,
И на меня воздействует она,
Как гладкая округлость валуна:
С одним порывом не могу я сладить,
Мне хочется всегда её погладить.

Никчёмность женщин нынче для меня
Становится ясней день ото дня:
Мои желания почти сошли на нет
В преддверии семидесяти лет.

3.

БЮСТ И МОНУМЕНТ

Вскричала дама, как лучина,
Зажёгшись гневом на момент:
– Пройдите же в салон, мужчина!
Вошёл и стал, как монумент!

Войдя, у входа "закрепилась".
Слетел вздох облегченья с уст.
И сцена снова повторилась:
Теперь стоял у входа бюст...

Ах, люди, люди дорогие,
Двуличье портит наши дни.
Когда мы тут, то мы одни,
Когда мы там, то мы другие.

4.

ПОКАЯНИЕ С ЗАВЕЩАНИЕМ

(Из цикла «Железные двери»)

Разборки на сходках, разборки на съездах.
Жизнь катится в тартарары.
Обычными стали убийства в подъездах.
Разбоем чреватые дворы.

Нас двери от пуль и ножей защищали.
Но что же нам делать теперь:
Сегодняшней ночью с подъезда украли,
Украли железную дверь!

Украли надежду, украли опору, –
Надежней защитницы нет.
Домой возвращаться в вечернюю пору –
Прямехонький путь на тот свет!

Родные, друзья, дорогие коллеги!
Осталось недолго мне жить.
Хочу перед смертью на жизненном берегу
Прощенья у вас попросить.

Возможно, из вас я кого-то обидел,
Не раз оболгал, оскорбил.
Возможно, кого-то в упор я не видел.
Возможно, кота отравил.

Быть может, писал о доходах доносы.
Быть может, долги не вернул.
Иль лампочку в вашем подъезде, без спросу,
Я вывернул и не ввернул.

А если из вас подсидел я кого-то,
Хочу повиниться и тут.
И вам завещаю не ведавший пота
Свой праздный рабочий хомут.

5.

ДВА ВЫВОДА

По асфальту шорох шин,
Рокот без умолку.
Пешеходам от машин
Никакого толку.

Пешеход ворчит всегда.
И на переходе
Можно слышать иногда
Вывод пешехода:
– На бензин, едрена мать,
Надо цены поднимать!

А владелец тоже зол,
Вывод сделать мог бы:
– Под колеса прет, козел,
Лучше дома сдох бы!

6.

ОНА И ОН

(Пляжный этюд)

На солнце телище своё
Коптит, раскинув гири-пятки,
И звучно спит. В холмах её
Два пацана играют в прятки.
А рядом на песке – крестом –
Лежат две палки и корзина,
Сплетённая из рёбер. То –
Скреплённый плавками мужчина.

7.

ШАЙТАН

(Из цикла "Картинки с ралли")

*"Сайгаки от мала до велика
вышли навстречу гонке".*

Из телерепортажа

Прелюбопытные зеваки
Всей трассы гоночной окрест
Встречали гонщиков сайгаки –
Аборигены этих мест.
Все-все, от мала до велика,
Сбежались на моторный шум.
Кричали малыши: "Гляди-ка,
Как быстро гонит их самум!"
Все сагайчата на приволье
Резвились, на ногу легки.
"Чему вас только учат в школе", –
На них ворчали старики.
"Быстрее ветра мчатся кони
Наездников из дальних стран.
Их не самум горячий гонит, –
Их гонит по степи шайтан!"
Знал мудрый сайгаченков папа:
Шайтану почесть дорога.
И покорителю этапа
Вручил он приз – свои рога.

8.

СОВЕТ

Когда ты ешь картошки вволю,
Когда исходят паром щи,
Не сетуй, друг, на злую долю
И лучшей жизни не ищи.

Будь счастлив, если презираешь
Шашлык, измазанный в золе,
И на десерт предпочитаешь
Не крем (тем более брюле),
А стих Есенинский, созвучный
Твоей отзывчивой душе,
Которым новый русский тучный
Не наслаждается уже...

Один мой друг – философ местный –
Однажды высказался так:
– Жизнь хороша и интересна
Бывает только натошак.

9.

СЕЯТЕЛЮ НЕМЕЦКОГО
В ПРЕКЛОННЫЕ ГОДЫ

На пороге сентября
О работе говорят:
– Снова на год запрягут...

Ist das schlecht?
Nein, das ist gut!*

Не осилить жизни путь,
Если лямку не тянуть.

Будь как сеятель проворен,
Даже если вышел срок.
Из лукошка вместо зёрен
Будешь сеять ты песок.

И на старость не ворчи:
Твой песок – твои харчи.

* Это плохо? Нет, это хорошо! (нем.)

10.

ЖЕРТВА СЛУХА

Фёдор классный был шофёр,
Хоть куда водитель,
И на диво – с давних пор –
Петь большой любитель.

Все страдали от его
Непомерной страсти.

– Хуже нету ничего
Эдакой напасти:
Петь всегда и не иметь
Никакого слуха...
Вот уж истинно: медведь
Наступил на ухо!

Только Фёдора слова
Эти не смущали,
А в пути не раз, не два
Песни помогали
За баранкой не уснуть
И потешить душу...
Режет слух кому-нибудь, –
Так изволь, не слушай!

Фёдор раз чуть-чуть "глотнул".
Перед красным светом,
Как обычно, тормознул
И... запел фальцетом.

Затянул лихой шофер
Песню – и увлётся.
Красным светом светофор
Третий раз зажётся.

Вновь горит зелёный свет,
Ехать приглашает,
А шофёр шестой куплет
Громко допевает.

Песня льётся, и народ
Закрывает уши:
Фёдор "Ермака" поёт
На мотив "Катюши".
Мимо граждане спешат,
Взрослые и дети.
– Нет ГАИ на алкаша, –
Кто-то вскользь заметил.

А гаишник тут как тут,
Лёгок на помине.

– Что такое? Где поют?
Подошёл к кабине.

– Эй, артист, вылазь живей,
Я ценитель строгий.
Не умеешь петь – не п е й
За рулём в дороге!

КАК ДЕД МЕДАЛЬ ПОЛУЧИЛ

Жил в лесу сибирский дед
 Девяноста с лишним лет.
 Раз приехал в город он
 И попал на стадион.

Слышны крики далеко,
 «Гляну – чёй-то там тако?
 Глянул: паря там худой
 Прыгат книзу головой,
 А у столбиков стоит
 Толстый паря и глядит:
 Как худой-то проскакат,
 Он всё планку подымат.
 Эдак долго ль до беды,
 Растудыттвоюсюды!
 А потом-то (вот те на!)
 Непонятно ни хрена:
 Тот, кто прыгал-то, худой,
 Взял мядаль и – дуй не стой...»

Дед вернулся в лес. – Кабы
 Ты сходила по грибы, –
 Отсылает бабку он
 (Не забыл про стадион).
 Бабка – в лес, дед – за топор.
 Сделал из ворот забор.
 Бабка – к дому, дед: – Давай
 Ты забор... пределевай!
 Пределеешь высоту,
 Дам тебе мядаль он ту.
 (Дед когда-то был матрос
 И с войны медаль принёс.)

Бабка деду: – Фулиган,
 Ты опеть севодне пьян?
 Перелезь-ко сам сюда,
 Дам т о б е мядаль тода...
 (Завсегда она пешком
 В лес ходила с посошком.)

Бабка выдала "мядаль" ...
Деда мне того не жаль!

12.

КАК ИВАН ЗАЙЦЕВ СТРЕЛЯЛ

1

Рассказов про зайцев немало у нас.
Я вам повторяю Ивана рассказ.
Он с вечера выпил. Добавил с утра
И вышел на зайцев под пенье нутра.
– Иду, – говорит, – ковыляю едва.
Увижу косога, мне кажется – два.
Двоились зайчишки в то утро в глазах,
Но я не терялся: прицелюсь и – бах!
Хоть был я под мухой (случается грех!),
Угадывал верно, стрелял только в тех.
Бабахну по первому – мертвый лежит,
Второй как ни в чем не бывало бежит.
И так повторялось опять и опять,
Косых уложил я, наверно, штук пять.
И все же пустым я домой пришагал:
Стрелял-то я в тех,
да не тех подбирал...

2

Иван охотник – не нам чета.
Не добываем мы ни черта.
А Ваня вмажет сто грамм с утра,
– Направил, – скажет, – я глаз. Пора!
Ни фазан–птица, ни заяц–зверь
Не раздвоится в глазах теперь.
Лишь заяц прянет из–за кустов,
Как выстрел грянет, и зверь готов!
Плетемся к дому мы налегке, –
Со связкой зайцев Иван в руке.
– Теперь валяйте, – махнет рукой, –
И разбирайте, кому какой!

Оглавление

«Ты далеко, мой отчий край»	7
Книга	8
Прощание с сибирью	9
Кредо	10
Не стреляйте в зарю.....	11
Флейта пана.....	12
Яблоки	13
Крещённые сибирью	14
«Заполнит скоро жизнь анкету»	16
Зерно	17
Молитва.....	18
До и после удара	19
Свет памяти.....	20
Облако	21
Гроза	22
Чудо	23
На трассе	24
Дорожные думы.....	25
Пейзаж	26
На заброшенной родине.....	27
Путь России	28
Феномен толпы	30
Фейерверк	31
Земной мяч	32
На новое тысячелетие.....	33
На погосте	35
Каждому своё.....	36
Похоронки.....	37
Клякса.....	38
Занозы.....	39

К годовщине чернобыльской трагедии	40
Виртуальность	41
Рабы	42
Молох	43
О ярлыках.....	44
Прозрение.....	45
Рацпредложение	46
Плоды победы.....	47
Экскурс в биографию	48
Иностранец.....	49
«Однофамилец славный мой, по ремеслу собрат»	50
Утро	51
Жаворонок.....	52
«Сегодня утром иволга не пела, хотя сирень, как и вчера, цвела»	53
Незабудки.....	54
Голубые цветы	55
Цветы и люди.....	56
Придумайте новое сердце	57
Живые и мертвые.....	58
Триптих	60
Леса меняют цвет.....	61
Мое лето	62
Экскурс под занавес	64
Летняя ночь	66
Вечер.....	67
Степь.....	68
Истоки	69
Звуки.....	70
«Посмотри, человек, человеку в лицо»	71
Женщина с отбойным молотком	72
Слово о матери.....	73

Ода корове.....	74
Осенние стихи.....	75
Осенняя элегия.....	79
«Ещё придут холода в стеклянном утренников звоне»	80
«У зимы на полустанке осень – пестрая цыганка».....	81
«Последний лист на ветке клена серьгою бронзовой повис».....	82
«Осень расписала празднично заказник».....	83
«Дожди осенние, дожди бордовые»	84
«И зима не зима, и весна не весна».	85
«Как мимолётно ты, золото осени»	86
«Зеленеет травка из-под снега»	87
«Метет осенняя позёмка».....	88
Зима	89
Подлёдный лов.....	90
«Как айсберги в застывшем море, вершины гор в морозной мгле»...	91
«За стеною пурга метет»	92
Снегирь.....	93
Утро после метели	94
«Придавлен день свинцовым небосклоном».	95
«Зима без снега – свадьба без любви»	96
Живая вода	97
Весенние мотивы	98
«Опять обновлением дышит весна».....	99
«Снова зелень радует нам души»	100
Слёзы весны	101
Гнёзда	102
«Теплее в марте стало людям»	103
Жизнь.....	104
Время слушать соловьев	105
Бездны	106
«Мы золото считаем граммами»	108

Экскурс в биографию	109
Порномат	110
Конкурент.....	111
«Страна, одетая в обноски»	112
«Я стрелял по живому»	113
Путь к мавзолею	114
Кремлёвский погост	115
За счастьем	116
«Я обречен писать стихи».....	117
«Я не писал кому-нибудь в угоду»	118
«Нам всем предусмотрено право смеяться, жалеть и любить»	119
Зависть.....	120
Парусник	121
«Унеси меня, ветер, как пылинку земли»	122
Моя сибирь.....	123
«На родной стороне я недавно воду пил четырех родников»	124
«Когда порыв внезапной бури в начале марта снегом бьет».....	125
Творцы.....	126
Глухарь	127
Сокол	128
Закат.....	129
Две пули	130
Дельтаплан	131
Когда заблудишься	132
Настроение.....	133
Когда шалеют небеса.....	134
Сердечный диалог	135
«Уходят близкие мне люди»	136
Желание.....	137
«Я зажал свою душу в кулак».....	138
Мне уходить.....	139

«Я молодой, я не грущу».....	140
Где-то на той стороне.....	141
Се ля ви.....	142
О рыбаке и рыбке.....	143
Свидание с Киевом.....	144
Четыре совета.....	145
«Как свеж был воздух в вечер тот весеннею порой»	146
Осенний мотив.....	147
«Букет оранжевый»	148
Мой клён	149
«Сеет дождь сыпучий полю благодать»	150
«Красок для деревьев осень не жалела»	151
Тут и там.....	152
Составь компанию живым	153
Мутанты и гаранты.....	154
Движенья нет	155
Я.....	156
Язычники.....	158
«Посидеть бы под вечер на замшелом пеньке»	159
Птицы должны летать	160
Кони.....	161
Ещё недавно	162
Возвращение	163
О доброте	164
Антиподы	165
Бойницы и двери.....	169
Беда.....	171
Голод	172
Заложники	173
Котёнок.....	174
Война	175

Стрелы	177
К 20 февраля	178
Родина.....	179
Напиток	180
А мама виновата	182
Вера.....	183
Надежда.....	184
Любовь	185
Расклад	186
Пирог	187
О войнах и победах.....	188
«В нищей стране за туманными далями»	189
Гробы.....	190
«Я родился под знаком Христа».....	191
Скромность	193
Перпетуум мобиле.....	194
Мой поезд.....	195
А веры нет	196
Ссылные	197
Рассудку вопреки.....	198
«Со мной живет мое земное братство»	199
Созвучия	200
Февралю	200
Вам не понять	201
«Стихи мои, как вас остановить»	202
«Что-то сверху капнуло».....	203
Жалость	204
9 мая.....	205
Шалуны	206
Интеллектуальный прогресс	207
Постоянство	208

«Когда подует ветер с юга»	209
Ответ	210
Россия	211
Объяснение в любви	212
Пенсионерка	213
Древо духа	214
Лица	215
Крик души	216
Поэтам	217
Замкнутый круг	218
Матбумеранг	219
От души	220
Парадокс	221
Памятник	222
Тяга	223
Удача	224
Мальчик из села	225
Памяти Булата Окуджавы	226
Памяти В.П. Астафьева	227
Одиннадцать берез	228
«Бодрые витязи скачут»	229
Памяти Марины Цветаевой	230
Штрихи к портрету А.С.Пушкина	231
По Пушкинским следам	233
В. И. Далю	235
У места дуэли М. Ю. Лермонтова	236
Дуэли и дуэлянты	237
Глубинный сюрприз	238
От А до Б	239
Читая Бродского	240
Прохиндеи	241

Оранжевый мустанг.....	243
Злодей.....	244
Чин чину.....	245
Малина	246
Хотим в Европу	247
Дороги	248
Встреча с морем.....	249
Свидание с Кинбурном	250
Вечерние мысли на Кинбурнской косе	251
Этюд	252
«Поёт мне иволга и тут в прибрежных кустиках у моря»	253
«Танцует чайка на песке».	254
Поэзия и море	255
Куда уходят корабли	256
Море	257
Вечер на море.....	258
«Снова тобой я сегодня люблюсь».....	259
К морю.....	260
«Море дремлет. Солнце парит»	261
Жизненный опыт	262
Шторм.....	263
Танец непуна	264
Жертва непуна	265
Штиль	266
После бури	267
Море и мы	268
Открытая книга.....	269
Крым.....	270
К луне	271
«Поэзия – волшебная страна».....	273
Рождение стиха.....	274

Другу рифмоплёту	275
«Коварность старости я не разрушу»	276
Прайстрегеры	277
Серость	278
Путь слова	279
«В мишень заказную (но в ту ли?)»	280
Поэзии объявлена война	281
Наш язык	282
Поминки	283
Зов	284
Реквием отчому дому	285
Брусника	286
Тоска	287
Как умирал мой дом	288
Мой день	289
Снегири	290
К родным местам	291
«Я окрещён лесами навсегда»	292
Лесам	293
В лесу Сезама	294
Над пропастью	295
Скорость	296
Предчувствие	297
Ворон	298
«Стареет тело. И беда когда душа в нем молода»	299
Контрасты	300
Предсказание	301
Первый снег	302
Оттепель	303
Туман	304
Дилетанты	305

Доброе утро.....	306
Розовый сад.....	307
Моя родословная	308
Я не	309
Бревно.....	310
Завещание.....	311
Выбор	312
Асс	313
Время и музы	314
Будни	316
На взлете	320
Штопор.....	321
Приговор	322
Кудри Горгоны	323
Мой огонек.....	324
«Одна дорога в лес».....	325
Птицы	326
Горе.....	327
Неизбежность.....	328
Вечерняя элегия.....	329
«Свинцовый небосвод впитал лучи заката»	330
Итог	331
«Как уголек в остывшем пепле сизом сгоревшего костра».....	332
«Фонарь поэзии нетленной»	333
Эпилог	334
«Как украшают птиц?».....	336
«Опять акация цветет».....	337
Апрельский подарок.....	338
«Опять воскресенье. Уже завяли траурные цветы»	339
Свидание	340
Печальный трофей.....	341

В тайге	343
Костры	344
Ностальгия	346
«Все равно я вернусь к тебе позже»	346
«Давно уж ночь»	347
«Вот день кивнул румяным лбом заката».....	348
«Поглотила ночь Саксонию»	349
Воспоминания в трамвае.....	350
«Запоздала весна, запоздала»	351
«Старые знакомые певчие дрозды».....	352
«В разлуке время – как улитка».....	353
«То выше поезд мчит, то ниже»	354
«Живу, как во сне я: хожу по музеям»	355
«Размеренно и не спеша»	356
У памятника Фридриху Великому	357
Сибирские были	358
Леший	359
Моя жар-птица	361
Самарский суслик.....	363
Утка напрокат	365
Допинг	367
Глаза	370
Сани	372
Вывод.....	374
Домушник	375
Пашкино бревно	378
Слово об отце.....	379
Как я воровал	384
Агрессоры	389
Смык	392
В мире животных.....	395

Убивец	397
Голый на дороге.....	399
Нелегалы	400
Про ружьё.....	402
Погоня	405
Пряник.....	408
Тысячник	410
Ночка	413
Черничный хлеб.....	415
Дети обрата	419
Как я учился.....	423
Не всерьёз.....	433
Советы кашея.....	433
Все о женщинах	434
Бюст и монумент	435
Покаяние с завещанием.....	436
Два вывода	437
Она и он.....	438
Шайтан	439
Совет.....	440
Сеятелю немецкого в преклонные годы	441
Жертва слуха.....	442
Как дед медаль получил.....	444
Как Иван зайцев стрелял.....	446

Ковалевський М.Т.

К56 Земне братерство: Зб. віршів. – Миколаїв: Атолл, 2009. – 460 с.

Збірник вибраних творів вузівського викладача, професора-філолога, члена Спілки письменників Росії Михайла Ковалевського охоплює два десятки років його творчої діяльності. Збірник включає лірику, автобіографічні мотиви сибірського дитинства поета, публіцистичні роздуми про гармонію довкілля та людини, місце поета у сучасному суспільстві. Колективний герой книги культурний та літературний ландшафт, течія соціального життя, наш мінливий та суперечливий світ.

Рясність імен представників російської поезії XIX, XX сторіч у епіграфічних посиланнях вказує на вірність миколаївського автора класичним традиціям літератури. Йому вельми близькі сатиричні інтонації.

ББК 84 (4 укр.) 6

Ковалевський Михайло Тимофійович

ЗЕМНЕ БРАТЕРСТВО

Обрані вірші

Художнє оформлення – М.Т.Ковалевський

Редактор – Е.Г.Мирошніченко

Формат 60x90^{1/16}. Гарнітура Таймс. Тираж 100 экз. Изд. № 436.

Видавництво Атолл

ria@atoll.mk.ua

<http://www.atoll.mksat.net/>
